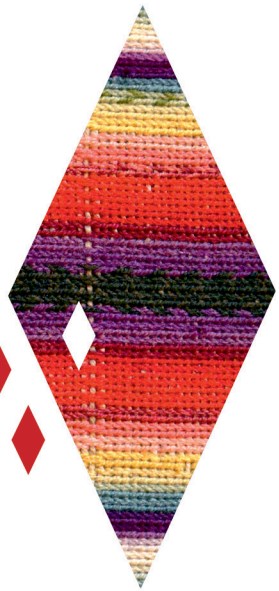
АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕРМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
КГАУК «ПЕРМСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА»

ПЕРМСКИЙ КРАЙ ◆ ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ

СКАЗКИ ЕВДОКИИ НИКИТИЧНЫ ТРЯСЦИНОЙ

(ПОД ОБЩ. РЕД. А. В. ЧЕРНЫХ)

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-ПЕТЕРБУРГ
2020

Авторский коллектив:

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Варвара Евгеньевна, кандидат филологических наук, зав. сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова МК РФ
(составление корпуса текстов, вступительная статья, комментарии)

МЕХНЕЦОВА Галина Николаевна, этномузыколог
(нотные расшифровки и комментарии к музыкальным примерам)

РУСИНОВА Ирина Ивановна, кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного национального исследовательского университета
(расшифровка записей, составление словаря диалектных и малоупотребительных слов)

СИВКОВ Олег Сергеевич, сотрудник Пермского краевого дома народного творчества
(обработка аудио- и видеозаписей)

СУХАНОВА Марина Евгеньевна, сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН
(расшифровка записей, составление корпуса текстов, техническая работа с комментариями)

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН
(руководитель проекта, ответственный редактор)

Рецензенты:

И. А. Подюков, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь)

А. С. Лызлова, кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
(г. Петрозаводск)

О настоящем сборнике

Предлагаемый вниманию читателя сборник открывает серию изданий «Фольклорный архив» Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. Основная задача серии – комплексная публикация фольклорных собраний: архивных и экспедиционных материалов. Актуальность проекта «Фольклорный архив» и публикации данного сборника обусловлена потребностью в сохранении и презентации этнокультурного и фольклорного наследия народов России. Публикация фольклорных текстов позволит независимо от состояния архивных фондов сохранить записанные материалы и включить их в широкий общественный и научный контексты.

Первый сборник настоящей серии посвящен сказочному репертуару исполнительницы из села Русский Сарс Октябрьского района Пермского края Евдокии Никитичны Трясциной (1922—2011).

Личность и мастерство исполнителей фольклора всегда привлекали внимание ученых. Подтверждением тому служит тематика целого ряда научных конференций[1], об этом интересе свидетельствуют многие работы последних лет[2]. Однако внимание к личности исполнителя *классических жанров* фольклора в настоящее время весьма незначительно. В последние годы к этой теме обращались лишь отдельные исследователи[3], а работы, посвященные творческому наследию сказочников, и вовсе единичны[4].

Однако такой ситуация с исследованием роли сказочника в формировании и бытовании сказки была не всегда. Еще в 1864 г. М. Семевский опубликовал статью, посвященную сказочнику Ерофею[5], в 1895 г. В. Лесевич написал работу о сказочнике Р. Ф. Чмыхайло[6]. Начиная с 1908 г., после выхода в свет сборника Н. Е. Ончукова, принято располагать материал внутри сборников по персоналиям сказочников, а во вступительной статье и комментариях приводить биографические данные и характеристики исполнителей[7]. В это же время появляются работы, посвященные личности того или иного сказочника[8].

[1] К этой теме обращались участники таких конференций, как «Традиционное искусство и человек» (1977, РИИИ), «Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь» (2007, ГРЦРФ), «Рябининские чтения – 99: Мастер и художественная традиция Русского Севера» (1999, Музей-заповедник «Кижи»), IV Российский культурологический конгресс (2013, Санкт-Петербург) и др.

[2] Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003; Традиционное искусство и человек: Тезисы докладов XIX научной конференции молодых фольклористов памяти А. А. Горковенко / Сост. и отв. ред. М. И. Родителева, РИИИ, 15–17 апреля 1997 г. СПб., 1997; О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е. Б. Смилянской. М., 2012; Личность в культурной традиции: Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Л. В. Фадеева. М.: Гос. институт искусствознания, 2014; Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь / Сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 2008.

[3] *Лурье М. Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6; *Боганева Е. М.* Мастерство классического сказительства: Лидия Михайловна Цыбульская // Живая старина. 2011. № 2. С. 5–8; *Лызлова А. С.* Сказки Водлозерья: репертуар Евдокии Макаровны Лёвиной // Живая старина. 2011. № 2. С. 8–11; *Ковпик В. А.* К вопросу о происхождении воинских заговоров в рукописном сборнике каргопольской крестьянки Анастасии Вишняковой // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 4–17; *Добровольская В. Е.* Клавдия Павловна Зеленова: исполнитель и комментатор фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь / Сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 149–161.

[4] «Тятины сказки» / Т. Н. Бунчук, Е. А. Шевченко // Живая старина. 2011. № 2. С. 11–15; Сказки из репертуара Апполинарии Михайловны Соловьевой / Т. Н. Бунчук, Е. А. Шевченко // Живая старина. 2012. № 1. С. 51–54; *Добровольская В. Е.* Сказочница А. И. Садовникова (Тверская область, Западнодвинский район) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: сб. научных статей. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 57–69; *Лызлова А. С.* О сказочной традиции Водлозерья // Сказки Водлозерья / Сост. А. С. Лызлова. Петрозаводск, 2013. С. 27–45.

[5] *Семевский М.* Сказочник Ерофей // Отечественные записки. 1864. № 2. С. 485–498.

[6] *Лесевич В. В.* Денисовский казак Чмыхайло, его сказки и присказки // Мир Божий. 1895. № 4. С. 9–22.

[7] Северные сказки / Сборник Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908 (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии. Т. 33); *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Птг.: Тип. А. В. Орлова, 1914 (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии. Т. 41); *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губернии. Птг.: Тип. А. В. Орлова, 1915 (Зап. Имп. РГО по Отд. этнографии. Т. 42); Сказки и песни Белозерского края / Зап. Ю. и Б. Соколовы. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1915.

[8] *Калинников И. Ф.* Сказочники и их сказки // Живая старина. 1915. № 1–2. С. 242–272; *Козырев Н. Г.* Семь сказок и одна легенда Псковской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2–4. С. 297–308; *Макаренко А. А.* Две сказки русского населения Енисейской губернии // Живая старина. 1912. Вып. 2–4. С. 351–381.

С 1925 г. становится популярным и считается идеологически верным обращаться к творчеству отдельных сказочников, публиковать записанные от них сказки, а также детально анализировать стиль и композицию сказочных текстов. Впервые подобную работу провел М. К. Азадовский, обратившись к творчеству Н. О. Винокуровой, а затем в 1932 г. подготовив двухтомник «Русская сказка. Избранные мастера», в котором приводились подробные характеристики исполнителей[9]. Незадолго до Великой Отечественной войны появляются сборники, посвященные выдающимся русским сказочникам Н. О. Винокуровой, М. М. Коргуеву, Е. И. Сороковикову (Магаю), И. Ф. Ковалеву, с комментариями исследователей[10]. Во второй половине XX в. продолжают печататься издания, посвященные персоналиям сказочников. Например, публикуются сборники сказок А. К. Новопольцева и Е. И. Сороковикова (Магая)[11]. Вероятно, последним изданием подобного типа является блистательный сборник Е. И. Шастиной, посвященный сказочнику Дмитрию Асламову[12]. Отчасти изданием подобного рода можно считать сборник сказок тверского сказочника П. И. Акулова, хотя его творчество занимает промежуточное положение между фольклорной традицией и индивидуальным творчеством наивного автора[13]. Наряду с публикацией сборников текстов сказок ученые анализировали само явление индивидуального творчества сказочников, а также комплексно изучали биографию и творчество исполнителей. Наиболее полный анализ данной проблематики приведен в книгах Э. В. Померанцевой, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время[14].

[9] *Азадовский М. К.* Сказки Верхнеленского края. Вып. 1. Иркутск, 1925. С. 67–142; Русская сказка. Избранные мастера / Редакция и коммент. М. Азадовского. Т. 1–2. Л.: Academia, 1932.

[10] *Азадовский М. К.* Верхнеленские сказки. Иркутск: ОГИЗ, 1938; Сказки И. Ф. Ковалева / Зап. и комментировали Э. Гофман и С. Минц. М.: Искра революции, 1941 (Летописи государственного литературного музея. Кн. 11); Сказки М. М. Коргуева / Запись А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Т. 1; 1940, Т. 2; Сказки Магая (Е. И. Сороковикова) / Зап. Л. Элиасова и М. Азадовского / Под общей ред. М. Азадовского. Л.: ГИХЛ, 1940.

[11] Сказки Абрама Новопольцева / Ред. и вступ. ст. Э. В. Померанцевой. Куйбышев: Куйбышевское обл. гос. изд-во, 1952; Сказки и предания Магая / Записал Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968.

[12] Сказки Дмитрия Асламова: Сборник / Сост., предисловие и комментарии Е. И. Шастиной. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1991.

[13] *Акулов П. И.* Тверские сказки / Сост. Л. М. Концедайло, О. В. Смирнова. Тверь: Тверская обл. типография, 1997 (Тверской фольклор).

[14] *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965; *Померанцева Э. В.* Русские сказочники: пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1976; *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники / Сост. В. Г. Смолицкий. М.: Советский писатель, 1988.

Таким образом, издание сборника сказок Евдокии Никитичны Трясциной продолжает давнюю традицию публикации сказочных сборников, посвященных творческому наследию одного исполнителя.

Наше знакомство с Евдокией Никитичной состоялось в августе 1994 г., когда этнографическая экспедиция Пермского областного краеведческого музея работала в селе Русский Сарс Октябрьского района и окрестных деревнях. Это был один из последних дней экспедиции, и о сказочном репертуаре Евдокии Никитичны мы узнали только в завершении беседы с нею. В 1994 г. Евдокия Никитична рассказала одну сказку «В некотором царстве...». В 1995 и 1996 гг. были новые встречи, когда мы записали основной комплекс сказочных текстов. На основе собранного материала в 1999 г. был подготовлен и издан сборник «Ореховая веточка: русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области»[15]. Следующие экспедиции в село Русский Сарс состоялись в 2001 и 2002 гг., когда мы вновь встретились с Евдокией Никитичной Трясциной и записали от нее сказки и другие фольклорные тексты. Экспедиция 2002 г. проводилась совместно со съемочной группой киностудии «Новый курс» (г. Пермь), что позволило записать видеоматериалы о сказочной традиции села. Некоторые тексты сказок опубликованы также в сборнике сказок «Русские народные сказки Пермского края»[16]. Кроме экспедиций и встреч, были также разговоры по телефону, переписка с Евдокией Никитичной.

Публикация сборника сказок сделала исполнителя и сказки известными не только в селе Русский Сарс Октябрьского района, но и в Пермском крае. Евдокия Никитична Трясцина стала частым гостем на районных мероприятиях, посвященных сказкам. Этот интерес побудил исполнителя подготовить и опубликовать свои записи о прошлом села Русский Сарс и окрестных деревень, а также дал толчок к авторскому творчеству. Евдокия Никитична написала несколько авторских сказок[17].

Сказочная тема стала одной из составляющих проектов в сфере культуры и брендирования Октябрьского района: был организован конкурс детских рисунков и детских авторских сказок по мотивам «Ореховой веточки». По итогам конкурса издана книга детских сказок. В нее вошли и некоторые уже опубликованные сказки Е. Н. Трясциной[18]. Затем при районной библиотеке была открыта «Комната сказок», посвященная как в целом этому жанру устного народного творчества, так и исполнителю из села Русский Сарс. Сегодня пос. Октябрьский Пермского края является площадкой для проведения краевого фестиваля сказок «Ореховая веточка», а 6 июня 2019 г. в рамках IX краевого фестиваля состоялось

[15] Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / Составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999. 132 с.

[16] Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 280 с.

[17] *Трясцина Е. Н.* Всему свое время. Екатеринбург, 2011. 140 с.

[18] Бабушкины сказки. Книга сказок, собранных и пересказанных знаменитой сказительницей из с. Русский Сарс Евдокией Никитичной Трясциной. В некотором царстве, в некотором государстве...: сказки, сочиненные детьми Октябрьского района Пермского края. / Авт.-сост. С. А. Целищев. Пермь: Изд-во «Пушка», 2014. 130 с.; книга-перевертыш. 110 с.

Село Русский Сарс Октябрьского района, 1996 г.

торжественное открытие памятника Е. Н. Трясциной у здания районной библиотеки. К фестивалю и открытию памятника была подготовлена небольшая книжка с десятью сказками Евдокии Никитичны[19]. История сказок села Русский Сарс – это история, которая не закончилась и сегодня. И это один из немногих примеров, когда собирательская деятельность и научный интерес приводят к актуализации нематериального культурного наследия и использованию его в современных культурных проектах.

Евдокия Никитична Трясцина (Постных) родилась в небольшой деревне Ваешта в нескольких километрах от села Русский Сарс. В школьные годы Е. Н. Трясцина училась в селе Русский Сарс и жила в интернате, который она называет «общежитие». Об этих годах она вспоминает как о времени, когда слушала и запоминала сказки: *«Когда мы в школе, в Русском Сарсе, учились, жили мы в общежитии. Раньше у нас называлось общежитие. Все жили вместе. У нас как было? Дом вот, пожалуй, с этот, человек тридцать там жили. Электричества-то не было, только лампы. Керосин чтобы лишний не жечь, скоро выключат свет-то, дак мы лежим, спать-то неохота, и рассказываем сказки-то. А если сказки не знаешь, придёт твоя очередь, по очереди рассказывали, щас тот рассказывает, щас этот. И вот чья очередь, значит, рассказывают, если не знаешь сказку, ври, чё придумашь, то и ври. Спали-то, у нас не было кроватей, мы все спали на нарах. Девочки от мальчиков отдельно спали. Мальчики если на полатях, мы на нарах, который год девочки на полатях, мальчики на нарах. Сказки-то рассказывают, дак слышно там и тут, или они там рассказывают – нам слышно, или мы тут – дак они слышат. Вот Тамара была Трясцина, дак вот она всё рассказывала про какую-то женщину, что как женщина летала там, превращалась в лошадь огненную какую-то. Эту лошадь кто-то взял и подковал. Утром женщина проснулась, у неё на ноге была подкова. Вот наша же техничка, раньше мы называли "сторожиха", "тётенька", по-красивому-то называли "тётенька", вот она была женщина одинокая, она всё с нами-то больше, она много сказок нам рассказывала. Вот от неё я больше сказок-то и запомнила».* В своих воспоминаниях Евдокия Никитична также отмечала: *«С особой теплотой я вспоминаю о тётушке Анастасии (Южаниновой Анастасии Филипповне). Она относилась к нам, детям, очень по-доброму. Рассказывала нам сказки, о жизни людей при барщине (её родные дедушка и бабушка были крепостными). Речь у неё была «барская»: она акала, употребляла незнакомые нам*

Памятник Е. Н. Трясциной в поселке Октябрьский Октябрьского района

[19] Жить-поживать и добра наживать: Русские народные сказки, собранные и пересказанные знаменитой сказительницей из с. Русский Сарс Октябрьского района Пермского края Евдокией Никитичной Трясциной. Пермь: Изд-во «Пушка», 2019. 64 с.

слова, у неё был необычный для нас акцент. Она вела с нами всю воспитательную работу, она была нам и за няню, и за повара, и за сторожа».

Село Русский Сарс относится к русским старожильческим селам южных районов Пермского Прикамья; в прошлом оно входило в Бирский уезд Уфимской губернии. Согласно источникам оно было основано на башкирских землях «по договору» в 1800 г.

Село Русский Сарс Октябрьского района

Состав фамилий жителей села свидетельствует об их происхождении из района Сылвенско-Иренского поречья – Кунгурского, Осинского и Красноуфимского уездов Пермской губернии[20]. Наряду с этим в округе были частновладельческие вотчины, некоторые заселялись крестьянами из центральных, южных и поволжских губерний. Жители этих сел и деревень часто отличались по языку и особенностям культуры и быта, и соседнее русское население называло их «барскими». К таким выходцам из бывших помещичьих крестьян

[20] *Ремизов Н. В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея. М.: Типолитография товарищества Кушнарев и К., 1889. 235 с.

относилась, видимо, и Анастасия Филипповна Южанинова. На рубеже XIX – начала XX в. наблюдался приток в этот район крестьян-переселенцев из Вятской губернии.

После окончания школы Е. Н. Трясцина на протяжении многих лет была учителем математики в Русско-Сарсинской школе. Работала она с детьми, а кроме того, у Евдокии Никитичны была и своя большая семья, что и актуализировало исполнение сказок.

Репертуар Евдокии Никитичны обширен и необычайно разнообразен. Обычно сказочники отдают предпочтение какой-то одной жанровой разновидности сказок, например сказкам о животных или волшебным.

Е. Н. Трясцина.
Деревня Отсадино, 1955 г.

Е. Н. Трясцина на свадьбе
в деревне Отсадино, 1950-е гг.

Е. Н. Трясцина в этом отношении уникальна. В ее репертуаре есть все жанровые разновидности сказок. Более того, сказочница включала в свой репертуар тексты других жанров, близкие к сказкам по форме.

Так, среди докучных сказок[21], помимо, безусловно, сказочных текстов типа «Надо сказку про гуся? Сопли вытри – вот и вся», встречаются и тексты других жанровых разновидностей, имеющих аналогичную кольцевую структуру. Так, текст «Чок-чок, зубы на крючок» является молчанкой, которая относится к жанрам детского потешного фольклора. Обычно текст «Чок-чок, зубы на крючок» продолжается словами «А язык на

[21] Докучных сказок в репертуаре одного исполнителя обычно немного. Евдокия Никитична в этом отношении является исключением.

полочку. Молчок!» или «Кто слово скажет, тому в лоб щелчок». Это своеобразные призывы к молчанию. У Евдокии Никитичны текст увеличивается за счет типичной для жанра молчанки цепочки неприятных образов: *«сорок кадушек солёных лягушек, сорок стаканов сухих тараканов»*. Данная строчка, скорее всего, попала в текст из стихотворения К. И. Чуковского «Лунь»[22], хотя исполнительница могла и не знать об этом.

Евдокия Никитична Трясцина, 1973 г.

Е. Н. Трясцина использовала в докучных сказках фрагменты известных стихов для детей. Так, одна из докучных сказок начинается словами из известного стихотворения С. В. Михалкова «А что у вас?»: «Дело было вечером, делать было нечего». Однако основная часть восходит к дореволюционному городскому тексту: «Мы сидели у окошка, жарили картошку. Вдруг звонок — один, другой. Входит к нам городовой: “Что вы здесь делаете?!” Мы сидели у окошка...». Зафиксированы и другие варианты данного текста: «Сидел я на окошке, Ел печеные картошки...»

[22] Это стихотворение входит в цикл так называемых «Детских народных песенок», который представляет собой обработку целого ряда жанров детского фольклора.

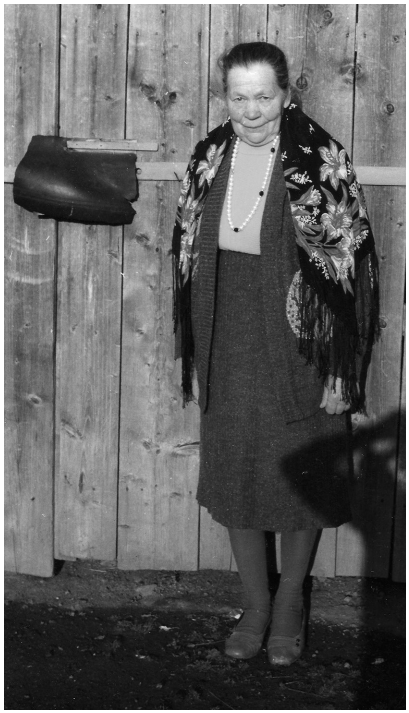
и «Я сидел на камне, Хлебал воду в реке, Подошла ко мне старуха, Цап меня за брюхо. Я старуху-то схватил И в милицию стащил. – В чем ваше дело? – Я сидел на камне...», которые также могли оказать влияние на формирование репертуара Евдокии Никитичны.

В большинстве своем докучные сказки в репертуаре Е. Н. Трясциной являются широко известными вариантами, но есть и довольно редкие тексты, например: «Надо ли сказку страшную-престрашную?». Данный текст отличается богатой и разнообразной системой образов. Тут и золото, катящееся по горе и светящееся на солнце, и дурная баба, летящая в гости в ступе, и полная коробка плетей. Сказочница виртуозно соединяет эти разнообразные образы в единую цепь. Докучные сказки Е. Н. Трясциной отличаются ненавязчивым юмором и забавными противопоставлениями. Так, сначала сказочница создает присущий волшебным сказкам образ быка с золотыми рогами, а затем использует сниженную лексику – и у быка появляется новая характеристика: «пуканеный хвост», что создает столь любимый детьми комический эффект.

Сказки о животных обычно не входят в репертуар профессиональных сказочников, к которым, безусловно, относилась Евдокия Никитична. У нее же в репертуаре их больше десяти. В основном это хорошо известные в русской традиции сюжетные типы: «Мир у зверей», «За скалочку – гусочку», «Звери в яме» и т. д. Однако общерусские сюжеты в вариантах Е. Н. Трясциной приобретают целый ряд особенностей. Прежде всего, это обилие уточняющих деталей, объясняющих поведение персонажей. Так, сказочница поясняет, чем обычно питается лиса *(«...чаще всего она и гнёзда зорит, или птиц ловит, или мышей по лесу ищет»)*, почему старушка ходила побираться *(«…была одинокая женщина, она не любила работать, у неё не было ни двора, ни кола, она просто ходила из дома в дом – побиралась»)* или зачем кот и баран оставили любопытного петушка дома *(«…раз они в лесу живут, значит, нужно было и печь топить, и дрова рубить. Они вот по весне пошли заготовлять дрова»).*

В сказках появляются ярко выраженные дидактические вставки. Так, рассказывая о злоключениях хитрой и ленивой старухи, сказочница предполагает, что ее неудачи связаны с Божьим наказанием и что после случившегося *«она не стала больше лениться. Видимо, где-то пристроилась и стала жить и работать».*

Евдокия Никитична прекрасно владела мастерством сказочницы, что позволяло ей свободно импровизировать. Именно этим объясняются довольно оригинальные, но в то же время очень изящные контаминации сюжетов, не свойственные исполнительской традиции в целом.

Е. Н. Трясцина.
Село Русский Сарс
Октябрьского района

Встречаются в сказках Е. Н. Трясциной и нетипичные для того или иного сюжета персонажи. Так, в сказке, соответствующей сюжетному типу «Звери в яме», обычно не фигурирует домашняя свинья. В случае Евдокии Никитичны именно с этого персонажа начинается цепочка сюжетных встреч. Более того, свинья уходит в лес, потому что *«осердилась на хозяев»*, в то время как в других вариантах данной сказки звери спасаются от какой-то зачастую мнимой опасности, например от того, что *«небо падает»* и т. п. Сказки подобного типа обычно заканчиваются спасением из ямы лисы, причем чаще всего у нее нет помощника. У Евдокии Никитичны помощником лисы становится дрозд – и сказка начинает развиваться по сюжетному типу «Лиса и дрозд».

В записанных от Евдокии Никитичны сказках о животных много песенных вставок. В большинстве имеющихся в нашем распоряжении записей Евдокия Никитична не поет. Она старается интонационно окрасить речь в соответствии с функционально-смысловой направленностью высказывания. Рассказчица пользуется широким спектром выразительных средств, прибегает к разнообразным формам допесенного и песенного интонирования. Так, в сказке «Кот, баран, петух и лиса» по сюжету поет большинство героев. Хитрая лиса выманивает песенкой глуповатого петушка, петушок зовет песенкой своих спасителей, а кот и петух, играя на гусельцах, поют песенку, которой выманивают из норы всех детей лисы и ее саму. В речи лисы, пытающейся выманить петуха из дома *(«Петушок, петушок, золотой гребешок...», «Ехали бояре, просыпали пшено...»)*, преобладают призывно-заклинательные интонации. Крик похищенного петушка, его мольба о помощи *(«Потащила меня лиса за тёмные леса...»),* приобретает особую выразительность за счет соединения в нем кличевых и плачевых интонаций. Слова песенки, которую кот и баран поют у дома лисы *(«Трень-брень, гусельцы, золотые струночки...»),* Е. Н. Трясцина произносит говорком.

«Ехали бояре,
просыпали пшено.
Курочки клюют,
петушкам
не дают».

Нельзя не сказать и о повторной записи сказки «Медведь на липовой ноге». Два варианта текстологически близки друг к другу, однако на их примере легко увидеть, как мастерски сказочница владеет текстом, акцентируя внимание слушателей на тех или иных деталях. Так, в первом случае исполнительница просто сообщает, что старуха *«пироги пекла да суп варила, а старик всё на охоту ходил да и за лыками, лапти плёл».* Во втором варианте старуха *«пироги пекла, суп варила, старика кормила»,* а вот старик уже не ходит на охоту, а только плетет лапти. Казалось бы, расхождения типичны для прозаического текста. Однако сказочница по какой-то причине решила объяснить некоторые

детали слушателям: *«...чтобы плести лапти, нужно было лыко. А за лыками нужно ходить в лес».* Во втором варианте появляются дополнительные детали в описании того, как старик отрубил медведю лапу, как медведь испугался и убежал, как старуха варила мясо и пряла медвежью шерсть. Сказочница прекрасно создает атмосферу напряженной таинственности, уточняя, что *«стало уже вечереть... темно стало».* Усиливает атмосферу ужаса и песенка медведя, которая выдержана в форме напевной декламации с преобладанием повествовательного начала и вместе с тем с признаками плачевой и заклинательной интонаций. Однако, создав довольно страшную картину, сказочница выбирает счастливый финал сказки (который наряду с трагическим присущ русской традиции): вместо того чтобы съесть своих обидчиков, медведь, испугавшись шума, убегает из избы.

Необходимо отметить, что сказочница всегда выбирала счастливый конец, хотя в ряде случаев традицией предусмотрен печальный финал сказки. Так происходит и в сказке «Пение волка», где старик отдает волку свою скотину. Когда волк приходит за жеребцом, конь активно сопротивляется и убивает волка. Традиционно при положительном завершении сказки именно смерть хищника и является ее окончанием, но Евдокия Никитична его усиливает. В ее варианте, продав шкуру волка, старик не только восстанавливает свое хозяйство, но и удачно женит парня «в сапожках» и выдает замуж девку «в серёжках»: *«Парню большую весёлую свадьбу справили, а девку замуж выдали. А кур да овец опять полный двор, и жеребец жив-здоров».*

Но, безусловно, ярче всего мастерство Евдокии Никитичны проявляется в волшебных сказках. В основном волшебные сказки, записанные от Е. Н. Трясциной, относятся к ядру русской сказочной традиции. Однако при широкой известности сказочных сюжетов тексты Евдокии Никитичны отличаются большим своеобразием. Так, в сказке «Про Кощея» сказочница делает главным противником не Морского царя, который традиционно выступает в данном сюжете основным антагонистом героя, а Кощея. Из-за этого герой отправляется не в подводное, а в подземное царство.

Скорее всего, Евдокия Никитична была знакома с текстом стихотворной сказки В. А. Жуковского «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери». На это указывает ряд мотивов и деталей, отсутствующих в большинстве известных вариантов фольклорной сказки данного сюжетного типа, в частности, имя противника и место действия. В большинстве текстов Иван-царевич попадает в руки Морского царя, у В. А. Жуковского и у Е. Н. Трясциной противником героя

становится Кощей. Героиня помогает царевичу, прилетая к нему в облике пчелы, что также встречается в сказке у Жуковского и крайне редко – в других известных вариантах. Встреча героя и его противника также, очевидно, появилась в тексте Евдокии Никитичны под влиянием сказки Жуковского: в произведении поэта Кощей предстает перед Иваном-царевичем, появляясь из дупла: «...в густую Чащу заехал один.

Окрестности села Русский Сарс

Он смотрит: все дико; поляна; / Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа. / Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда / Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами / Также зелеными». Собираясь бежать от отца, героиня Евдокии Никитичны, как и героиня Жуковского, плюет на стекло, и слюнки разговаривают. Одной из трудных задач, которую задает герою Кощей, является изготовление сапог.

В произведении Жуковского это невыполнимая задача, ставшая причиной бегства героя, а в сказке Евдокии Никитичны это первое задание Кощея, и оно успешно выполнено с помощью Марьи-царевны. Забытая героиня у сказочницы превращается в камень, из которого вырастает голубой цветок. Такой же чудесный цветок встречается и в сказке Жуковского. У Евдокии Никитичны цветок приносит домой одинокая женщина, у Жуковского – старик, но действия цветок выполняет одни и те же: делает всю домашнюю работу. Конечно, можно предположить, что Евдокия Никитична узнала эту сказку не из литературного источника, а из фильма 1969 года «Варвара-краса, длинная коса», который снят по мотивам сказки Жуковского. И действительно, в тексте немало деталей, указывающих на знакомство Евдокии Никитичны с этим фильмом. Однако многие мотивы, которых нет в фильме, но присутствуют в сказке Жуковского, встречаются и в тексте Евдокии Никитичны. Поэтому в данном случае надо признать влияние авторской сказки.

Сказка наполнена деталями, которые Евдокия Никитична узнала из книги и фильма, но они переосмыслены сказочницей. Картинка фильма в ее сказке становится развернутым описанием. Так, мотив с колодцем и запродажей «того, чего дома не знаешь» у Е. Н. Трясциной очень выразителен: *«А колодец полный серебристой воды, а сверху плавает золотой ковшичек. Захотел он взять этот ковшичек. А он отплыл на другую сторону. Он с другой стороны зашёл, хотел только взять ковшичек, а ковшичек на эту сторону переплыл. И так он ходил, ходил вокруг колодца и не мог поймать ковшичек. "Ну, – думает, – ну и пусть, я и без тебя напьюсь". И стал пить. Наклонился, пил, пил, пил, пил, а у него борода была, она всё валится, валится в этот колодец, валится, валится и свалилась, а когда он напился, стал оттуда бороду доставать, ну, стал вставать-то, а бороду кто-то там поймал, за что-то она зацепилась. И он не может от колодца отойти, туда-сюда дёргается. Ну, в конце концов понял, что его кто-то держит, и говорит: "Отпустите, я дорогой выкуп за себя дам". А оттуда отвечают: "Вот если ты отдашь нам то, что ты в доме своём не знаешь, тогда отпустим". Подумал, подумал, ну, думает: что я в своём доме не знаю? Как будто я всё знаю. Если что и не знаю, дак того и не жалко, пусть и будет. Ну, ладно, договорились, что он отдаст то, что он в доме не знает. Его отпустили».* Появляются и очень колоритные детали, с помощью которых сказочница создает предметный мир сказки. Так, царь ездит *«свою работу выполнять»* на *«красивом, богатом*

«Как только стал поближе подъезжать, смотрит – колокола зазвенели, смотрит – люди какие-то ковры расстилают перед ним, чтоб он заехал, люди на колени становятся, шапки снимают».

коне… сбруя на нём была хорошая, уздечка золотая, седло шитое золотом». Необычно для традиционных сказок и возвращение царя домой. У Евдокии Никитичны это развернутое и детальное описание: *«…колокола зазвенели… люди какие-то ковры расстилают перед ним, чтоб он заехал, люди на колени становятся, шапки снимают… Подъезжает поближе, смотрит – и царица выходит на крыльцо и в руках держит ребёночка».*

Церковь в селе Русский Сарс

Е. Н. Трясцина очень любит описания природы, что вообще-то традиционной сказке не свойственно. Евдокия Никитична, напротив, использует пейзажные описания в своих сказках и в тексте «Про Кощея» создает пейзаж подземного мира: *«Там тоже луга такие – зелень, красиво всё, солнце тоже светит; такой же мир, как тут, но только под землёй»*. Герои этой сказки (как, впрочем, и других сказок Е. Н. Трясциной) любят размышлять, и поэтому сказка полна внутренних монологов. О своей судьбе думает царь, о том, кто помогает герою, размышляет Кощей. В этой сказке очень ярко проявляется любовь Евдокии Никитичны к подробностям. Говоря о том, что у царской четы не было детей, она добавляет: *«Уж очень они хотели, чтобы у них был наследничек или бы хотя дочка была красавица. Ну, раз нет детей, очень они переживали»*. В сказке Кощей размышляет о том, кто мог бы помогать герою, и исполнительница сообщает, что Марья-царевна *«как бы взяла отцовское такое наследство, что она умеет тоже, как и отец, быть такой, как колдуньей, что ли, что-то вот может сделать, вот даже сшить сапоги может, вот построить замок может в одну ночь. У ней такие задатки Кощеевские, Кощея Бессмертного»*. Очень интересны размышления Евдокии Никитичны, которые возникают у нее в момент рассказывания сказки. Например, говоря о царевиче, она высказывает некое общее представление о царских особах: *«Обычно царские сыновья, они больше занимаются охотой, на прогулки ходят, гуляют, меньше работают. Ну, конечно, был очень умён, грамотен»*. В другой сказке «Жил-был старик» она объясняет причину, по которой мать решает отвести детей в лес: *«…я вот точно не знаю, она, видимо, всё-таки была не родная, родная бы так не сделала, неродная была у них мать-то»*.

«Там тоже луга такие – зелень, красиво всё, солнце тоже светит; такой же мир, как тут, но только под землёй».

Как уже говорилось выше, Е. Н. Трясцина прекрасно знала сказочную традицию. Она умело сочетала в одном тексте мотивы, характерные для разных сказочных сюжетов. Так, мотив узнавания одного персонажа из нескольких одинаковых, как и появление помощника в зооморфном облике, характерен для сказки об ученике колдуна («Хитрая наука»). Евдокия Никитична использовала его в другом сюжете, однако он не выглядит инородной вставкой, а напротив, необычайно органичен и поэтически выразителен. Можно предположить, что появление мотива узнавания одной девушки из тридцати трех в сказке Евдокии Никитичны обусловлено влиянием кинематографа. В сказке А. Роу «Варвара-краса, длинная коса», которая была необычайно популярна в 1970–1980-е гг.,

именно узнавание дочери Морского царя является одной из трудных для героя задач. Однако вполне возможно, что сказочница использовала не только свои впечатления от кинофильма, но и знания фольклорной сказки об ученике колдуна.

В эпизоде ожидания помощницы, прилетающей к герою в образе пчелы, проявляется любовь сказочницы к психологизму, описанию чувств персонажей: *«Он пришёл домой. И вот поглядывает, не прилетит ли пчёлка опять. Вот и ждёт. Открыл форточку, ждёт, не прилетит ли. Смотрит – летит, у него уже форточка открыта, он со слезами на глазах встречает её. Она стукнулась о пол, сделалась Марьей-царевной».*

В то же время Е. Н. Трясцина не всегда стремилась к соблюдению сказочной обрядности, столь любимой сказочниками прошлого. Если Евдокия Никитична считала целесообразным не удлинять действие, а придать ему большую динамичность, то происходило сокращение формулы троичности. Так, трудных задач Кощея в сказке три. С их помощью сказочница усиливала драматизм ситуации, в которой оказался герой, а вот в эпизоде бегства происходит только одно превращение молодых людей, тогда как в сказках других исполнителей мы традиционно видим три превращения. И это не случайно: убрав повторные эпизоды, сказочница придала динамичность повествованию. Более того, ее существенно больше волновали события, которые последовали за бегством героев.

В этой сказке, как и во многих других, проявляется склонность Евдокии Никитичны к своеобразной дидактике, декларации жизненных правил. Так, героиня объясняет герою, почему они не могут вместе поехать к его родителям: «*А как же это мы приедем в дом к царю, и сразу ты приедешь с невестой, с женой? Так не положено, так некрасиво. Надо сначала посватать. Как-то спросить дома, разрешат ли тебе жениться или нет. А уж потом и за свадьбу».* Такие примеры не единичны. Так, в другой сказке «Как ветер муку унес», рассказывая о даре Ветра – скатерти-самобранке, сказочница добавляет, что Ветер дает чудесную скатерть для того, чтобы мужик кормил своих детей, *«пока они не вырастут. А когда они вырастут, то эта скатерть уже не будет действовать, она уже потом износится, так что старайся, чтоб их воспитать хорошо, чтобы они уже встали на ноги, работали, а то потом не будет такого питания»*.

Сказочница имела свои представления о том, как должны вести себя люди. Рассказывая, как Марья-царевна превратилась в камень с голубым цветочком и как потом этот цветок некая женщина принесла

Евдокия Никитична Трясцина. Март 2008 г.

домой, она отмечала, что *«Марья-царевна из цветка превратится в Марью-царевну и всё по дому сделает»*. Но склонность Евдокии Никитичны к деталям заставила ее объяснить, что именно делала героиня в доме: *«У ней в комнате всё прибрано, посуда помыта, пол помытый, всё везде сделано аккуратно, красиво. Цветы политые, окна промытые»*.

Проявилась в этой сказке и любовь сказочницы к «хорошим» финалам. В большинстве сказок о судьбе несостоявшейся жены Ивана-царевича ничего не говорится. Для сказочников главное – счастливый брак героев. Для Евдокии Никитичны важно, чтобы невиновный был счастлив, поэтому и данный персонаж не оказывается брошенным: *«...к этой невесте подошёл тот жених, который у ней был. Ну, и сразу образовалось две свадьбы»*.

Сказка «Про Кощея» показательна для исполнительской манеры Е. Н. Трясциной. Всем ее волшебным сказкам свойственны психологизм, внимание к деталям, своеобразная дидактика, отступления от сказочного канона для придания динамизма повествованию и т. д.

Особого внимания заслуживает умение Евдокии Никитичны органично сочетать мотивы разных сказок. Так, сказка «Про Сивку-Бурку» имеет начало, свойственное другому сюжету, – сказкам о Коньке-горбунке. В русской сказочной традиции на сюжетный тип «Конек-горбунок» обычно оказывает влияние сказка П. П. Ершова, но в случае Е. Н. Трясциной собственно литературное влияние минимально: она уточняет, что герой вскакивает на коня «задом наперёд» и тот скачет выше лесу. Действительно, можно предположить, что на этот фрагмент оказали влияние строки Ершова.

И прыгнул к ней на хребет –
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост –
Крепко держится за хвост.

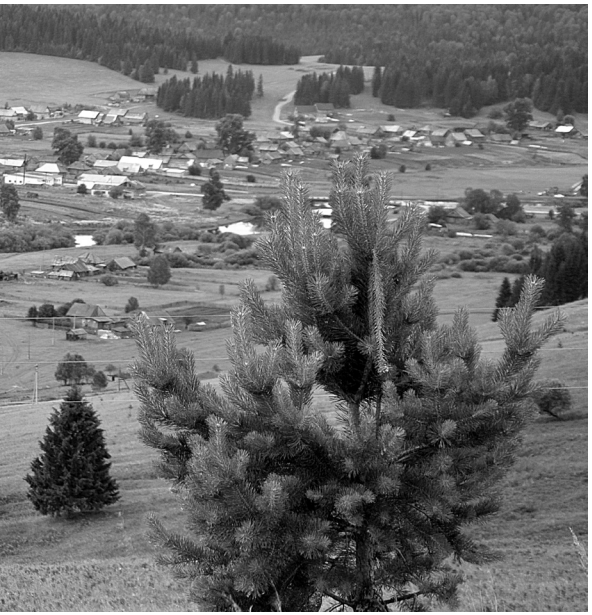
«Вот жил-был старик со старухой. В сельской местности они жили. Поля у них были, пшеницу они сеяли, урожай высокий собирали».

«Вот, значит, в одном селении жил да был один дяденька, и было у него три дочери. Поехал он на базар и спросил, что ему купить. Одна заказала платье, вторая красивый платок, а третья заказала ореховую ветку».

Однако текст Е. Н. Трясциной существенно ближе к визуальному ряду одноименного мультфильма (реж. Б. Бутакова, 1975 г.), в котором кобылица совершает те же действия, которые описывает Е. Н. Трясцина *(«лошадь… стала пшеницу щипать, а потом стала по пшенице кататься, ноги вверх задирать»).*

В дальнейшем сказка развивается по схеме, характерной для сюжетного типа «Сивко-Бурко», однако и тут сказочница проявляет свою индивидуальность. Традиционно в этом сюжете герой предпринимает несколько попыток допрыгнуть до окошка, у которого сидит царская дочь, и в большинстве случаев конь не допрыгивает до окна с первого раза. Этот прием используется сказочниками для создания напряжения. У Евдокии Никитичны ситуация иная: Сивко считает, что он виноват (*«оплошал я»*).

Однако, помимо сказок, относящихся к ядру русской сказочной традиции, в репертуаре Евдокии Никитичны встречаются и крайне редкие сказочные сюжеты. Один из них – сказка «Ореховая веточка». Этот сюжет является вариацией «Аленького цветочка», но предмет поиска в сказке – ореховая веточка. Тут нет таких присущих сказке об аленьком цветочке мотивов, как отец героини в чудесном саду, девушка в таинственном дворце, интриги ее сестер, смерть, чудесное воскресение и преображение героя. Для рассматриваемой группы текстов характерен другой набор мотивов и более сжатая, одноэпизодная структура. Именно так и выглядит сказка Е. Н. Трясциной. Отец героини срубил ореховую веточку, что вызвало появление медведя, который требует, чтобы человек отдал свою дочь ему в жены. Медведь угрожает девушке: *«...если сейчас со мной не поедешь, то всё равно умрёшь, а если поедешь, то будешь моей женой».* Медведь забирает не только девушку, но и ее родителей. В лесу зверь топает, земля расступается, и они въезжают в подземное царство, где *«светло, дороги такие хорошие, на лошадях можно проезжать».* Герои едут к церкви и на паперти с медведя падает шкура, и выясняется, что *«он проклянённый старой ведьмой»,* что юноша *«сын короля какого-то, богатого человека»* и что заклятье держалось до тех пор, пока за него не согласится выйти какая-нибудь девушка. Данный вариант текстологически совпадает с литературным текстом, а именно со сказкой Л. Н. Толстого «Ореховая ветка», которую писатель наряду с другими сказками использовал, создавая книги для чтения, басни и азбуку. Большинство сказочных текстов, включенных в эти издания, представляют обработки Л. Н. Толстым фольклорных сказок. Необходимо отметить, что писатель обрабатывал преимущественно те фольклорные тексты, которые записывались в рамках разработанной

им программы для Яснополянской школы. В те времена сказки бытовали в устной традиции Тульской губернии. В то же время по крайней мере два текста сказок Толстого «вернулись в народ» и повлияли на русскую сказочную традицию XX в. Одним из них является «Ореховая ветка». Текст Толстого был широко известен, его неоднократно печатали и до, и после революции, включали в учебники и хрестоматии, а затем стали читать по радио. Многие педагоги и сегодня активно используют его на уроках чтения, он встречается и в методической литературе. Нам не известно, из какого источника узнала сказку Евдокия Никитична, но совершенно очевидно, что ее текст связан с литературным текстом, который, по всей вероятности, был написан Толстым на основе услышанной им фольклорной сказки.

В репертуаре Е. Н. Трясциной есть и другие литературные сказки. Это не простые пересказы, а творческие переработки известных авторских сюжетов. Так, сказка «И у них было семеро мальчишек и одна девочка» представляет собой соединение народной сказки и двух авторских версий сюжета «Братья-лебеди». В данном тексте присутствуют элементы сказок и братьев Гримм, и Г.-Х. Андерсена, и народной версии данного сюжета. Евдокия Никитична органично их сочетает и создает свою сказку, в которой практически только начало соответствует истории о заколдованных братьях. Причем действие происходит не в царском дворце, а в крестьянской избе. Находит героиня своих братьев благодаря Бабе-яге, а спасает их не с помощью молчанья и рубашек из крапивы, а радостью: *«...с радости все запрыгали, запрыгали, закричали, и шкура с них спала эта, проклятая».*

Вообще, Е. Н. Трясцина старается соотнести действие и пространство сказок с близким и понятным ей миром. При любой возможности герои, которые традиционно являются царевичами или купеческими дочерями, становятся крестьянами. Так, в сказке «Про Бурёнушку» героиня выходит замуж не за князя или царя, а за крестьянина, который *«жил где-то дальше от них, не рядом, в конце деревни».*

Эта склонность к созданию знакомого, «своего» пространства сказки приводит к замене одних персонажей на других, более привычных. Так, уже упоминавшаяся выше сказка «Жил-был старик» представляет собой своеобразный пересказ сказки Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик». Однако вместо привычного персонажа – людоеда, который является главным антагонистом героя во французском оригинале, в сказке Е. Н. Трясциной фигурирует другой персонаж. Герой-антагонист хоть и сохраняет свои

людоедские наклонности, но приобретает терратоморфную природу и становится огненным змеем. Нельзя не отметить, что Евдокия Никитична добавила и счастливый финал – эпизод спасения от людоеда женщины: *«Нам бы… поблагодарить или выручить бы эту женщину. Ведь мы думаем, что она ему не жена, а что он её, наверно, приволок откуда-то. Так же, как вот и нас, хотел съесть, а её вот когда-нибудь, поди, съест».*

Нельзя не сказать о юморе в сказках Евдокии Никитичны. В волшебных сказках с его помощью исполнительница обличает противников героев. Так, например, в сказке «Про Бурёнушку» она создает юмористическую картину посещения сестрами героини чудесного сада: *«А как только зайдут сёстры в этот сад, сучья все кверьх подымутся, ни одно яблочко им не достанется. А птицы напукают на них прямо, на головы им, на руки. Некоторые даже нахальные птицы прибегут, клевать их начнут. И они боялись даже в этот сад ходить».*

Но, конечно, наиболее ярко юмористический талант Е. Н. Трясциной проявляется в новеллистических сказках и анекдотах. Безусловным шедевром ее репертуара является сказка «Про курочку Рябу», в которой сказочница создает образ «апокалиптической катастрофы», возникшей из-за того, что *«яичко сине-зелёно, красно-багряно»* упало и раскололось. Прием нанизывания сам по себе создает смеховой эффект, но Е. Н. Трясцина усиливает его за счет привлечения персонажей, которые ведут себя не так, как им положено: девочка бросает ведра, поп теряет крест, попадья забывает про квашню и т. д. Этот же прием сказочница использует в сказке «Про Ивана-дурака», в которой цепочка глупых поступков героя вызывает смех слушателей.

Репертуар Е. Н. Трясциной включает редкие для женщин-исполнительниц анекдоты. Обычно подобные тексты являются принадлежностью мужского репертуара, но Евдокия Никитична прекрасно им овладела. Более того, она совершенно явно пополняла этот репертуар современными текстами, которые могла слышать от знакомых или прочитать в каком-нибудь массовом издании. Надо отметить, что она «делала своими» только те сюжеты, которые в значительной степени были близки к традиционным текстам по своему содержанию и образной системе. Сказочница прекрасно владела умением подстраивать текст под слушателя. Так, народный анекдот «Горох до неба» (текст № 40 настоящего сборника) имел у нее две концовки. Первая была рассчитана на детей, вторую она использовала, когда рассказывала текст взрослым. В этом

случае сказочница употребляла обсценную лексику, с помощью которой и создавала особый комический эффект.

Помимо собственно фольклорных сказок в репертуаре Евдокии Никитичны есть тексты, которые она называла сказками, но которые ими не являются. Вероятно, сказочница стремилась подражать литературным образцам, а возможно, заимствовала материалы из популярных журналов. Она включала в них и традиционные фольклорные образы, и даже отдельные фольклорные мотивы. Однако эти тексты все-таки тяготеют к авторскому творчеству. Они отражают представление Евдокии Никитичны о «правильном» мироустройстве, обладают присущим ей вниманием к деталям, интересом к психологическим переживаниям героев, наивностью и трогательностью сюжетов.

Сказки Евдокии Никитичны являются блистательным образцом сказочной традиции конца XX – начала XXI в. В них сочетается верность сказочному канону и выдающиеся импровизаторские способности. Е. Н. Трясцина прекрасно владела сказочной традицией. Четко следуя сюжетной схеме сказки, она не боялась включать в единый текст мотивы разных сказок, и эти соединения не выглядят искусственными, они оригинальны и органичны. Сказочницу интересуют не только чудеса и приключения, но и эмоции героев, мотивировки их поступков и внутренние переживания. Евдокия Никитична крайне внимательна к деталям. В ее сказках есть и портреты героев, и пейзажные зарисовки, и описания интерьеров.

Будучи человеком XX в., она читала книги, слушала радио, смотрела кино и телевизор. Средства массовой информации не могли не оказать влияния на ее репертуар. Мы видим, что в ряде случаев сказки Евдокии Никитичны испытывают на себе влияние сказок литературных и кинематографических, она легко использует авторские образы и сюжеты. В ее сказках ярко проступает авторское начало, свойственное литературе. Не случайно в ее репертуар попали тексты массовой литературы, журнальные публикации и т. п. Мы включили в сборник не только сказки в строгом смысле слова, но и тексты, которые Евдокия Никитична называла сказками, однако они таковыми не являются, представляя индивидуальное творчество сказочницы. В ряде случаев оно возникло под влиянием текстов детской литературы, как, например, «Сказка про Барашку». Иногда на ее тексты оказывал влияние фольклор других народов, причем совсем не обязательно сказочный. Так, «Сказка о белом баране» представляет собой татарскую быличку о кладе. Но значительно чаще сказочница использовала истории из глянцевых журналов, создавая на их основе авантюрно-дидактические повествования, такие как

«В небольшой уральской деревушке жил старик со своею старушкой. Был у них Кот – чёрный лоб, да кошка Мурка – белая шкурка, да собака Жучка – хвост закорючкой, да Барашка – золотые рожки, тоненькие ножки».

Дом в селе Русский Сарс Октябрьского района

«Иван – Настин сын» или «Сказка про сироту Ивашку». На творчество сказочницы оказали влияние и юмористические истории, публикуемые в массовых изданиях. Таким текстом, бесспорно, стала «Сказка о пасеке». В ряде случаев Евдокия Никитична создавала тексты, чтобы познакомить детей с особенностями народного быта, обычаями и традициями. Такие тексты наполнены подробностями хозяйственной деятельности, в них много терминов, которые обозначают тот или иной вид крестьянской работы; их значение и объясняет сказочница. Так, например, в «Сказке о Маше-рукодельнице» подробно объясняется терминология, связанная с ткачеством. Наконец, текст «Проклятье» отражает определенные мировоззренческие позиции сказочницы, ее отношение к добру и злу.

В настоящем издании мы публикуем все тексты, записанные от Е. Н. Трясциной в период с 1994 по 2003 г. Такая особенность публикации позволяет достичь важной цели – показать всю полноту и многообразие репертуара исполнителя. В сборник включены варианты текстов сказок, записанные в разные годы. Это дает возможность показать не только следование сказочному канону, но и импровизационное начало в сказках Евдокии Никитичны. К сожалению, таких повторных записей немного.

Сборник составлен на основе расшифровок аудиозаписей сказок. Мы пытались сохранять все особенности устной разговорной речи, фиксируя их обычными средствами русского языка, без введения транскрипции и дополнительных знаков, обозначающих фонетические особенности. Особенность настоящего издания также в том, что оно снабжено аудио- и видеоприложениями, в которых помещены все записи сказочных текстов, сделанные во время экспедиционных исследований. В качестве иллюстраций использованы фотографии экспедиций 1994, 1995, 2010 гг. в село Русский Сарс Октябрьского района Пермского края.

Мы постарались комплексно показать весь собранный материал, связанный со сказочной традицией и исполнителем. В настоящем сборнике опубликованы фольклорные тексты, снабженные соответствующими научными комментариями, словарем диалектных и малоупотребительных слов, архивными фотографиями и материалами, письмами, в сборнике также имеется список видео- и аудиоматериалов с QR-кодами для доступа к интернет-ресурсам, посвященным проекту.

Искренне благодарим всех, кто помогал в сборе материала и подготовке настоящего издания, прежде всего, участников этнографических экспедиций в Октябрьский район Пермского края разных лет – М. Е. Суханову, В. А. Базанова, О. В. Базанову, О. А. Шилову, Л. Н. Ощепкова, Ю. В. Николаеву, О. В. Бойко, М. Селиверстова. Отдельные слова признательности И. А. Подюкову, предоставившему для публикации записи сказок в с. Русский Сарс, выполненные во время фольклорных экспедиций. Благодарим киностудию «Новый курс» и лично В. Соколова и Е. Новикова за участие в совместных полевых исследованиях и предоставленную возможность использовать видеозаписи. Неоценимую помощь в подготовке издания оказали также сотрудники Пермского краеведческого музея и Октябрьского краеведческого музея, прежде всего, С. А. Целищев, предоставившие для настоящего издания документы и фотографии из фондов музея.

Особая благодарность также семье Трясциных за предоставленную возможность использовать в издании фотографии и документы из семейного архива.

«Вот как говорят в народе,
так и сбылось: доброта да труд
всё горе перетрут.
Тут сказочке нашей
конец, а кто слушал,
тот молодец».

ДОКУЧНЫЕ сказки

РАЗДЕЛ 1

1.
НАДО СКАЗКУ ПРО ГУСЯ?

Надо сказку про гуся? Сопли вытри – вот и вся!

2.
ЖИЛ-БЫЛ...

Жил-был, жила-была, жило́-было́. Как ударит жил-был жила-была, жило́-было́ еле живо́ было.

3.
ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ...

Жили-были старик со старухой.
А колодец у них был на печи.
За колодец была привязана цепь,
За цепь – верёвка, а за верёвку – мочало.
И сказка опять сначала.

4.
НАДО ВАМ СКАЗКУ...

– Надо сказку про быка? Про золотые рога, про пука́неный хвост?

Ну, кто-то отвечает:

– Надо.

Значит, начинаешь говорить:

– Тебе надо, там Ивану надо, Марии надо. А надо сказку про быка, про золотые рога, про пуканеный хвост?

Ну, когда надоест, скажут:

– Не надо.

– Тебе не надо, Ивану не надо, Марии не надо. А надо сказку про быка, про золотые рога?

И так повторяем их, пока не надоест.

5.
НАДО ЛИ СКАЗКУ...

Надо ли сказку страшную-престрашную про первую золотую, про вторую голубую, а про третью – по заднице плетью? Золото по горе катилось, на солнце светилось. Я был там, золото-то цап да в карман. Теперь никому не дам. Ну, надо ли про вторую, про голубую, про бабу дурную? Она по ночам в ступе летала в гости к другой голубой, такой же дурной. Они у чертей гостили, с ними дружбу водили. Если не будете спать, сейчас сюда прилетят, вас съедят. Третья сказочка короткая-короткая – плетей полная коробка. На всех по одной – по заднице молодой!

6.
ЧОК-ЧОК, ЗУБЫ НА КРЮЧОК

Чок-чок, зубы на крючок, кто промолвится, тому щелчок. Сорок кадушек солёных лягушек, сорок стаканов сухих тараканов, кто промолвится – всё это съест. Чок-чок – молчок!

7.
Я СИДЕЛА НА ОКОШКЕ...

Дело было вечером,
Делать было нечего.
Я сидела на окошке,
Ела жарены картошки.
Вдруг свисток –
Я бежать,
Меня держать.
Привели в милицию:
«В чём дело?»
Да дело было вечером,
Делать было нечего.
Я сидела на окошке,
Ела жарены картошки.
Вдруг свисток –
Я бежать,
Меня держать…

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

РАЗДЕЛ 2

8.
ЗВЕРИ В ЯМЕ (ПРО СВИНЬЮ)

Было хозяйство, и в хозяйстве была свинья. Но плохо кормили её. Она осердилась на хозяев и пошла в лес.

Идёт по лесу, а навстречу ей попадает белка и говорит:

– Ты, свинья, куда пошла?

– Да куда глаза глядят.

– Возьми меня с собой.

И она взяла. Идут. Попадает заяц навстречу:

– Вы куда пошли?

– Да куда глаза глядят.

– Ну, возьмите меня с собой.

И он тоже пошёл. Ну, идут дальше, и попадает им навстречу лиса:

– Куда это вы все пошли, собрались рано так?

– Да куда глаза глядят.

– Ну, возьмите меня с собой.

– Ну, айда.

Пошли. Попал волк. И волка взяли. И медведя взяли. Идут всей гурьбой. Идут-идут, а им, значит, свинье надоело с ними идти. Чё где найдут, все вместе съедят, а свинье ничё не достаётся. Дошли до большой ямы, а через яму жёрдочка брошена. Ну вот свинья и говорит: «Вот кто по этой жёрдочке пройдёт, тот со мной пойдёт, а кто не пройдёт, тот в яму упадёт». Ну, всем хотелось со свиньёй идти. Пошла белочка – упала. Пошла лиса – упала. Волк тоже упал, а медведь тем более, у него и жёрдочка сломалась, вот упал. А лиса вокруг ямы, то есть, а свинья вокруг ямы обошла да дальше пошла.

Вот они сидят все в яме. Голодные, есть хотят. И говорят: «Давайте кого-нибудь съедим». А кого съесть? И стали голосянку тянуть. Кто не вытянет, решили, кто не вытянет голосянку, тому, того и съедим. А как голосянку тянуть? Ну, и стали говорить: «Давайте голосянку тяну-у-у-у-уть». Ну, первая белка не вытянула. Съели. Затем заяц не вытянул, только: «Бо-бо-бо-бо». Его съели. Волк, хоть и умел выть, а тут оплошал. Тоже съели. Осталась лиса и медведь. А лиса в это время, пока звери ели, она эти, кишочки, себе назад ложила. Ну, а медведь потом увидел, что она кишочки потом из-под себя вытаскиват да ест, ну, и выспросил её:

– Ты откуда это берёшь?

– Да я, – говорит, – из себя вытягиваю да и ем.

Ну, и он тоже решил из себя вытянуть. Засунул в себя лапу, чтобы кишочки достать сзади, и пропал. Ну, и лиса всю зиму его ела. А стала весна, растаяло, ей охота вылезть. Летит дрозд, она говорит:

– Эй, дрозд, выручи меня отсюда.

Он говорит:

– Как я тебя выручу?

– Так, – говорит, – вот таскай сюда что-нибудь.

Ну, он тут эти же обломки жерди да чё туда накидал ей. Она – прыг-прыг с жёрдочки на жёрдочку и выскочила. «Ну, – говорит, – дрозд, молодец! Ты меня из ямы вытащил. А теперь ты меня, – говорит, – накорми». Ну, он – прыг-прыг, смотрит: по дороге идёт женщина, несёт корзинку куда-то. Он, значит, прыгает впереди, а женщина решила, значит, поймать этого дроздя. Корзинку-то поставила, а дрозд всё дальше и дальше. А лиса, значит, это, шаньги-то из корзинки и съела. «Ну, – говорит, – теперь ты напой меня». Ну, и он, значит, решил напоить. Ехал там мужик, бочку пива вёз. Он взял да и сел на гвоздь. А старик-то ударил по гвоздю – пиво пролилось. Ну, лиса потом подбежала и налакалася этого пива, пьяная стала. «Ну, – говорит, – теперь ты меня рассмеши». Ну, он её рассмешил. Там женщина корову доила, а она, дрозд-то сел женщине на плечо, а старик хотел дроздя ударить да и старуху-то опрокинул вместе с подойницей. Вот лисе было смешно! «Теперь, – говорит, – ты меня испугай!» Ну, а испугать легче всего. «Ты, – говорит, – закрой глаза и лети за мной». А дрозд летит – кричит, а она… И он подвёл её к охотнику, а у охотника было две собаки. Лиса как открыла глаза, увидела этих собак и побежала от них. Бежит, бежит от собак, ну и скрылась, всё-таки нашла какое-то дупло и спряталась туда. Собаки вокруг дупла бегают, а лису достать не могут. Ну, она сидит, сама с собой разговаривает:

– Ах вы, ноги, ноги, что вы думали?

– А мы, – говорит, – бежали да бежали, чтобы собаки лису не догнали.

– Ах вы, ушки, что вы думали?

– А мы, говорит, думали, думали чтобы собаки… Слушали да слушали, чтобы собаки лису, чтобы собаки лису не скушали.

– А ты, – говорит, что… (запись обрывается)

9.
КОТ, БАРАН, ПЕТУХ И ЛИСА

В лесу, значит, был небольшой домик, и там жил петух, кот и баран. Ну, раз они живут, значит, нужно было и печь топить, и дрова рубить. Они вот по весне пошли заготовлять дрова, кот и баран, а петуха дома оставили – домовничать. А лиса узнала, что петух сидит дома, и прибежала под окно. Ей захотелось этого петуха съесть. Она под окном запела:

Петушок, петушок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку!

Ну, а петух-то услышал про горох, взял да и выглянул. Она его цап-царап и потащила. Ну, петух испугался, конечно, лисы и закричал:

Потащила меня лиса
За тёмные леса,
За высокие горы,
В далёкие страны!
Котик-братик! Отнимите меня!

Они услышали. «Это не наш ли петух кричит? Да, наш». Побежали, догнали лису, отобрали петуха. Принесли домой и сказали: «Ты что делаешь? Зачем ты в окно выглядываешь? Ведь вот если бы мы тебя не отобрали, тебя бы лиса съела. Вот всё равно ведь нам надо идти». На второй день снова пошли дрова пилить. Опять петуха дома оставили, но наказали: «В окно не выглядывай! Лиса, если она зазнала тебя, она снова по тебя придёт». Ну, он согласился, что в окно не буду выглядывать. Сидит дома. А лиса тут как тут. Опять под окошечко.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка.
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зёрнышек!

Он: «Нет, не обманывай, не выгляну!»

Ехали бояре,
Просыпали пшено.
Курочки клюют,
Петушкам не дают.

Ох, и петуху обидно стало, что петушкам не дают. «Ко-ко-ко-ко-ко! Как это не дают?» И выскочил в окно-то посмотреть. А лиса его цап-царап и потащила. Ну, уж тут петух снова закричал:

Потащила меня лиса
За тёмные леса!
За высокие горы,
В далёкие страны!
Котик-братик! Отними меня!

А они не слышат. Дальше ушли. Он снова закричал:

Потащила меня лиса
За тёмные леса!
За высокие горы,
В далёкие страны.
Котик-братик! Отнимите меня!

Ну, они опять: «Неужели это наш петух снова кричит?» Побежали – действительно. Догнали, опять петуха отобрали. Принесли его домой, сказали: «Ну, больше не выглядывай! Ведь всё равно вот тебя бы лиса съела».

На третий день снова пошли дрова пилить. А петушку строго-настрого наказали: «Если выглянешь в окошко, всё равно тебя лиса… А мы сегодня далеко уйдём дрова пилить, не услышим тебя». Ну, и ушли. Он согласился: «Не буду выглядывать». А лиса тут как тут. Опять под окошко.

Ку-ка-ре-ку, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зёрнышек!

«Нет! Не выгляну, не обманывай!»

Ехали бояре,
Просыпали пшено.
Курочки клюют,
Петушкам не дают.

«Нет, врёшь, не обманывай!» – «А что мне тебя обманывать? Хочешь – выглядывай, а хочешь – и не выглядывай. До свиданья! Я домой пошла». А сама отошла и за угол спряталась. А петушок сидел-сидел и думает: «Чё же, ушла лиса или не ушла?» Охота ему посмотреть в окно. Тут она или нет? И выглянул, а лиса тут его цап-царап и потащила. Уж он кричал-кричал, звал на помощь, а они ушли так далеко и так и не услышали. И притащила его лиса домой. Притащила его, а у лисы семья была большая – шестеро было ребятишек. Все рады, что лиса притащила петуха. Есть чем будет полакомиться. Ну, они петуха решили зарезать.

А эти пришли домой – нет петуха! И пошли искать, где лиса живёт, всё равно лиса утащила. И нашли это гнездо, где лиса. А взяли с собой гусельцы. Пришли и на крыльце играют:

Трень-брень, гусельцы,
Золотые струночки.
Много ли у лиски детей?
Немного – шестеро.
Первая – Чи́челка,
Вторая – Подачелка,
Третья – Подай-челнок,
Четвёртая – Разбей-горшок,
Пятый – Ерефей,
Шестой – Алексей.

Они услышали: кто-то играет музыку. И послала лиса старшую дочь Подачерку. Нет, Чичелку. Чичелку послала. Ну, Чичелка ушла посмотреть, кто там, а они её цап-царап и в мешок. Завязали мешок. И опять играют:

Трень-брень, гусельцы,
Золотые струночки.
Много ли у лиски детей?
Нет, немножко – шестеро.
Первая – Чичелка,
Вторая – Подачелка,
Третья – Подай-челнок,
Четвёртая – Разбей-горшок,
Пятый – Ерефей,
Шестой – Алексей.

Ну, а те опять услышали: «Дак чё же она там? Заслушалась музыку, наверно. Ну-ка, вы», – говорит. Сразу двое ли, трое ли ребят побежало. Они их всех в мешок посадили, кот с бараном. А сами снова играют опять эту же музыку, опять:

Трень-брень, гусельцы,
Золотые струночки.
Много ли у лиски детей?
Немножко – шестеро.
Первая – Чичелка,
Вторая – Подачелка,
Третья – Подай-челнок,
Четвёртая – Разбей-горшок,
Пятый – Ерефей,
Шестой – Алексей.

Ну, тут и лиса сама решила узнать, что там такое, все музыки заслушались, никто и домой не идёт. С остальными ребятишками за ней побежали. А те там – цап-царап их скорей и в мешок. И посадили всех в мешок. А сами, раз тех засадили в мешок, свободно зашли в избу, где лиса жила. А петух уже на столе, готовился, съесть бы его. Но еще не успели съесть. Баран как увидел петуха на столе, обидно стало ему, что вот петух-то уже мёртвый лежит. Он как головой закрутил-закрутил-закрутил да как чихнёт! Да этой слюной-то своей и брызнул на петуха. А петух-то и стрепенулся сразу, почувствовал, ожил, крылышками захлопал, соскочил, тут же прямо на столе и закукарекал: «Ку-ка-ре-ку-у!» Обрадовался тоже, что тут за нём пришли баран и кот. А они его скорей взяли и домой понесли. Принесли домой и стали жить-поживать и добра наживать. С тех пор, конечно, петух поумнел и не стал… Стал хоть и дома сидеть, но в окно не стал выглядывать. На том и сказке конец, кто слушал, тот молодец.

(Вариант концовки: «голову отрывали, кто выглянет из дверей, они голову оторвут…»)

10.
СКАЗКА ПРО ЛИСУ (ЛИСА И ТЕТЕРЕВ)

Ну, сказка про лису. Лиса, ведь она хитрая всегда. Бежит лиса по лесу, и хочется ей где-то корму какого-то найти, чаще всего она и гнёзда зорит или птиц ловит, или мышей по лесу ищет. Бежит по лесу и вдруг слышит, что где-то птица какая-то токует на дереве. Она подошла, смотрит, а на дереве сидит косач, Терентий, тетерев. Тетерев сидит. Она заглянула: «А, вот бы хорошо полакомиться!» И говорит ему:

– Эй, тетерéв, тетерéв! Я, – говорит, – на базаре была.

Он:

– Гу-гу-гу-гу-гу. Была, так и была.

– Тетерéв, тетерéв, я приказ добыла.

– Гу-гу-гу-гу-гу. Добыла, так добыла.

– Тетерéв, тетерéв, вам, тетеревам, не сидеть по деревáм, а гулять по зелёным лугам.

– Гу-гу-гу-гу-гу. Гулять, дак и гулять.

– Так слетай, – говорит, – сюда.

– Да, нет, – говорит, – я вон вижу, там мужик едет на телеге. Проедет – тогда.

Она прислушалась, услышала: брякает телега, кто-то едет.

– А на лошади мужик-то?

– Да, – говорит, – на лошади.

– А за лошадью-ту кто бежит?

Он говорит:

– Гу-гу-гу. Жеребёнок.

– А у жеребёнка-то как хвост-от?

Он говорит:

– Гу-гу-гу. Крючком.

– А! Крючком, ну, до свиданья, тетерéв. Я домой пошла.

Убежала. Ну, тетерéв остался доволен. Он понял, что она хотела его выманить, чтобы съесть. А спасла тетеревá, это, собака, за лошадью-то шла собака. А вот лисы, видите, хоть и хитрые, а собак боятся. На том и сказке конец.

11.
МЕДВЕДЬ, ЛИПОВАЯ НОГА

Вот жил-был старик со старухой. Старуха всё дома да по хозяйству была: пироги пекла да суп варила, а старик всё на охоту ходил да и за лыками, лапти плёл.

Вот однажды пошёл он за лыками в лес, стал рубить и смотрит – какая-то колодинка. Он на этой колодинке хотел лутошку обрубить. Тяпнул, а смотрит: перед ним медведь оказался, да зарычит так страшно: «У-у-у!»

И побежал от этого мужика – испугался. А он посмотрел, а на этом месте осталась лапа медвежья.

Он взял эту лапу и принёс домой. Отеребил её, из шерсти кудельку сделал. Кожу ободрал. Старуха взяла её, на лавку постлала, чтобы сидеть помягче было, а мясо в печь варить поставила.

А медведь сделал себе ногу другую, из липы, а ночью-то идёт в деревню. Старик лапти плетёт, а старуха сидит пряжу прядёт. А медведь идёт и говорит:

Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По деревням спят,
По сёлам спят,
Одна баба не спит,
На моей кожé сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско варúт,
Я приду да съем!

А старуха услышала первая и стала старику говорить; старик-то глуховатый был: «Старик, – говорит, – слышишь, медведь идёт?» А медведь поближе подошёл и опять кричит:

Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По деревням спят,
По сёлам спят,
Одна баба не спит,
На моей кожé сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско варúт,
Я приду да съем!

Старик услышал, испугался, не знает, что делать. Взял да половицы-то достал в избе, а сам взял ухват. А старуха не знает, куда спрятаться, залезла на поличку, а там сельница стояла с мукой. Некуда спрятаться – в эту сельницу залезла.

А медведь той порой уже в сени зашёл и кричит снова:

Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По деревням спят,
По сёлам спят,
Одна баба не спит,
На моей кожé сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско варúт,
Я приду да съем!

И открывает дверь-то, заходит. А не видел, темно в избе-то, как шагнул да и упал в голбец-то. Как в голбец-то упал, старик-то с ухватом соскочил, давай его там ухватом. А старуха-то тоже хотела, да с сельницей-то вместе упала туда, в голбец-то! Ну, медведь, конечно, очень испугался, как прыгнул и еле-еле ноги уволок, так и ушёл. Так, наверно, сейчас и живёт с липовой ногой, а больше в деревню не приходит.

11.1.
МЕДВЕДЬ, ЛИПОВАЯ НОГА

А вот сказку про медведя Липовая нога. В деревне жил старик со старухой. Старуха-то всё больше по хозяйству: пироги в доме пекла, суп варила, старика кормила. А старик-то всё больше лапти плёл. А чтоб плести лапти, нужно было лыка. А за лыками нужно сходить в лес.

И вот однажды он пошёл в лес с топором, чтоб лык, чтобы лутошки нарубить. Стал рубить лутошку и лутошку-то упёр на какой-то обрубыш дерева якобы. Только стукнул топором-то, а оказывается, это был не обрубыш дерева-то, а медведь лежал. И отрубил медведю лапу. Медведь, конечно, испугался, больно ему стало, и убежал в лес. А старик тоже испугался, что вот медведя поранил, но однако ногу медвежью подобрал и побежал тоже домой. Пришёл и рассказал своей старухе, что вот я медведю лапу обрубил. А старуха говорит: «Ну что, раз обрубил, давай оснима́й её». Значит, он её отеребил сначала, кожу содрал с этой лапы. И старуха села прясть, кожу, чтоб помягче было, на лавку себе постлала, шёрстку сделала для кудельки, чтоб прясть, а мясо в горшок варить поставила. А старик отдыхать лёг на печку. И так стало уже вечереть, пока это она тут всё это сидит, прядёт, темно стало.

А медведь-то той порой (как быть-то? без ноги же нельзя ходить), он взял да из липы и сделал себе лапу, ногу. И идёт ночью-то в деревню. Идёт и причитает так, как бы воет:

– Скрипи, нога!

Прислушалась старуха: кто это на улице идёт так с скрипом да с причётами? А медведь снова причитает:

Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По дере́вням спят,
По сёлам спят,
Одна баба не спит,
На моей коже́ сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско вари́т,
Я приду да съем!

Старуха испугалась и стала будить старика: «Старик! Медведь идёт!» Старик тоже прислушался. А медведь уже ко двору пришёл и снова кричит, как бы воет, ревёт, что ли:

Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По дере́вням спят,
По сёлам спят,
Одна баба не спит,
На моей коже́ сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мяско вари́т,
Я приду да съем!

Испугался старик. Взял топор, скорей достал половицу в избе под порогом, а сам не знает, куда деваться. Залез на печь, взял ухват и сидит. А старуха тоже испугалась, не знает, куда спрятаться, чтобы её медведь не съел. Увидела – поличка там, а на поличке сельница. Она туда. В сельнице-то мука была, она всё равно в эту муку залезла и сидит. А медведь той порой открывает дверь и заходит. Как зашёл, хотел дальше-то идти искать старика со старухой, да в голбец-то и упал, раз половички-то не было. Вот тут соскочил старик с ухватом, и старуха-то упала с полички вместе с сельницей! Медведь-то так

испугался этого шуму, не знает, всё равно каким-то путем выскочил из этого голбца и убежал в лес. И больше он никогда в деревню не приходил. Так, наверное, медведь и жил всё, и живёт всё со своей липовой ногой. А старик со старухой после испуга всё в избе прибрали и всё убрали и так и стали жить. И живут-поживают, добра себе наживают.

12.
СКАЗКА ПРО СТАРИКА И СТАРУШКУ

На краю деревни в деревянной избушке жил старик со старушкой, парень в сапожках, девка в серёжках. Было у них семеро овец, восьмой жеребец. Жили не тужили. В зимний вечер пришёл к ним волк под окно, завыл с приговорами:

Живёт старик со старушкой
В деревянной избушке,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках.
У них семеро овец,
Восьмой жеребец.

Слышали в доме волка, испугались. Как им без лошади жить? Как полевые работы сделать? На ком на базар и в гости съездить? И решили отдать волку овцу.

А через день волк снова пришёл ночью под окно и снова завыл с приговорами:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках,
Шестеро овец,
Седьмой жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем.

Все испугались и отдали овцу.

Через ночь опять волк под окном завыл, запричитал:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках
Да пятеро овец,
Шестой жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем.

Её отдали, уже третью овцу. Через ночь ли через две снова волк под окном. Громче прежнего воет да причитает:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках,
Четверо овец,
Пятый жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем.

Старик отдал четвёртую овцу, а сказал волку, что больше не приходи, не отдам тебе. Две или три ночи прошло – опять волк под окном ночью и снова воет, причитает:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках,
Трое овец,
Четвёртый жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем.

Старик не идёт, не даёт. Волк в окно постучал – испугался старик, отдал овцу. Три ночи не приходил волк, но снова под окном завыл, запричитал:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках,
Двое овец,
Третий жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем.

Отдал. Неделю не приходил волк. Проголодался, снова пришёл ночью под окно за последней, седьмой, овцой. Снова завыл с громкими причитаньями:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках,
Одна овца,
Второй жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем.

Старик не выходит, овцу не выводит. Волк вой повторил да даже в дверь постучал. Отдал старик со страху овцу, надеясь, что больше волк приходить не будет, нет овец.

А жадный волк снова под окном и пуще прежнего поёт да причитает:

В деревянной избушке
Живёт старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в серёжках.
Есть жеребец.
Отдай, старик, жеребца,
а то внучат твоих съем.

Тут и вовсе все испугались. Пусть уж жадный жеребца возьмёт, только детей не трогает.

Пошёл старик и отвязал жеребца. А жеребец как увидел волка и давай обеими задними ногами лягать волка. Волк старается жеребца за горло схватить, а жеребец всё задом, задом к нему, обеими ногами всё по волку да по волку. И угодил копытом волку в голову. Тут и издох жадный волк. Старик ободрал волка, шкуру продал, деньги большие взял, а старуха всё волчье мясо курам скормила, от кур целый короб яиц получила. Парню большую весёлую свадьбу справили, а девку замуж выдали. А кур да овец опять полный двор, и жеребец жив-здоров, живут поживают да правнуков ожидают.

13.
СТАРУХА С ЛАПТЕМ

В разные времена по-разному люди жили. Вот в одной деревне люди-то все были работящие, имели участки земли, сеяли, пахали. А среди такого населения была одинокая женщина, она не любила работать, у ней не было ни двора, ни кола, она просто ходила из дома в дом – побиралась. Ей лень было работать. И вот, бывало, в своей деревне ей надоест – она пойдёт в другую деревню. Идёт в другую деревню. И на пути нашла ошамёток. Смотрит –

ошамёток, вроде и оборки ещё есть, подобрала этот ошамёток, заверула его в тряпочку и идёт. Дошла до деревни, а уже было поздно, она попросилась ночевать. Ну, пустили её ночевать, как одинокую женщину, покормили, попоили, спать стали укладывать. Она говорит:

– А вот куда же мне ошамёточек свой положить?

– Да положи, – говорит, – его под лавку.

– Да нет, что вы? У меня дома-та всё с курочками спит.

– Ну так что, снеси его в курятник.

Она пошла в курятник, ошамёточек положила. А действительно-то она его не положила, а из курятника-то вышла да бросила его подальше в снег, подальше откинула от дома. А утром встала, опять они её напоили, накормили, она хотела идти в поход и спрашивает:

– А где же у меня курочка?

– Да какая, – говорит, – курочка?

– Так у меня ведь курочка была, я к курочкам её снесла.

– Да нет, ведь у тебя был ошамёточек.

– Да нет, курочка.

Ну, спорить-то они не стали. Уж, ладно, взяли отдали ей курочку: «На! Но только не спорь». Взяла она эту курочку, мешочек такой ей дали, завернула и пошла. Опять долго идёт, где посидит, где полежит. Опять до следующей деревни к вечеру подошла, попросилась ночевать. Её пустили, напоили, накормили. Она вечером, ложась спать, и говорит:

– А куда же мою курочку посадить?

– Дак, – говорит, – снеси к нашим курицам, может, они не заклюют.

– Нет, она у меня дома-то всё с овечками спит.

– Да как, курочка… Ну, с овечками, так с овечками, иди, – говорит, – вон там в конюшню отпусти. Она пошла и курочку не отпустила в конюшню, а в чужой двор забросила её. А утром встала, когда её напоили, накормили, в поход собралась и говорит:

– А где-то у меня барашек был?

– Да ты что, какой у тебя барашек? У тебя же курочка была.

– Нет, барашек.

– Да нет, у тебя курочка была. Ведь ты же говорила – курочка.

– Нет, барашек.

Спорила, спорила, ну, надоело хозяевам спорить с ней и отдали ей барашка: «На! Уйди только от нас». Взяла она барашка, привязала она барашка на верёвочку, идёт. Опять где-то полежит, где-то постоит, где-то поспит. Опять до следующей деревни дошла. Попросилась снова ночевать. Опять, как обычно, чужих людей принимают, поят, кормят и спать. Она говорит:

– Куда же мне барашка-то?

– Дак отпусти к нашим овцáм.

– Да нет, – говорит, – он у меня всё больше с коровками спит.

– Ну, пусти там к коровам, если он коров не боится.

Пустили к коровам. А сама же его не спустила туда, а выгнала на улицу, и он убежал куда-то. А утром встала, напилась, наелась и говорит:

– Где-то у меня был бычок?

– Да какой бычок? У тебя же был баран.

– Нет, бычок. Нет, бычок!

Спорила, спорила, ну, никак они бычка не отдают, барана найти не могут. «Нет, – говорит, – у меня вот бычок был!» И дали ей бычка. Она

пошла с этим бычком, зашла в какой-то двор, запрягла сани, хомут нашла и этого бычка запрягла как лошадь и поехала. Едет до следующей деревни, и попадает ей навстречу заяц:

– Эй, ты, тётка, куда поехала?

– Да куда глаза глядят.

– Возьми меня с собой.

– Ну, садись.

Сел к ней заяц, едут дальше. Попадает навстречу волк:

– Эй, заяц, ты куда поехал?

– Да вот меня тётка повезла куда-то. А ты куда?

– Да куда глаза глядят. Ну, возьмите меня с собой.

– Садись.

И волк сел, поехали. Едут, смотрят: косолапит медведь на дороге:

– Эй, вы, куда поехали?

– Да куда глаза глядят.

– Возьмите меня с собой.

– Садись.

Сели, поехали. А она, значит, поёт песни, когда едет:

Тпрутьки, тпручок,
По дорожке течёт…
Санки не наши,
Хомут не свой,
Понужай, не стой…

Ехали-ехали, и оглобля у них изломалась. Остановились, без оглобли ехать нельзя. Она послала зайца:

– Иди, заяц, в лес и принеси на оглоблю, чтобы оглоблю сделать.

Заяц пошёл, принёс маленькую тоненькую лутошечку. Ну, женщина эта заругалась, говорит:

– Из такой лутошечки оглобли не бывает. Неправильно ты сделал.

Послали волка. Волк сходил, принёс косматую-косматую ёлку, длинную, но тонкую очень, но очень косматую. Никак. Примеряли, примеряли, никак нельзя из такой сделать оглоблю.

Медведь:

– Я вот схожу, дак принесу, так принесу.

Пошёл медведь. Пришёл в лес и сломал толстое дерево. И волокёт. Ну, она говорит:

– Да что ты, что ты, куда такое дерево? Ведь нельзя, надо ведь такую тоненькую, чтобы, вот видишь, какая лутошечка, какая оглобля вторая. Вот такую же надо.

И оставила тут зверей, пошла сама в лес за оглоблей. Пока ходила, сразу не может найти ещё там, в лесу, они решили этого быка съесть. Они есть захотели. Они сдрали с него шкуру, мясо съели, а туда соломы натолкали. И снова запрягли. Пришла она с оглоблей, смотрит – зверей нет. Ну сделала оглоблю, стала понужать лошадь. И запела опять:

Тпрутьки, тпручок,
По дорожке течёт…
Санки не наши,
Хомут не свой,
Понужай, не стой…

Как понужнула, а бычок-то и упал. Она соскочила, посмотрела, а там бычка-то и нет, одна солома.

Ну вот так и наказал эту ленивицу Бог. Бросила она санки в сторонке и пошла дальше. Как уж она там дальше стала жить? Ну, по всей вероятности, она не стала больше лениться. Видимо, где-то пристроилась и стала жить и работать.

На том и сказке конец.

14.
КОЗА-ДЕРЕЗА

Жили-были старик со старухой. А коровы у них не было, и оне решили купить ко́зу. Поехал старик на базар и купил ко́зу за три гроша. Привёз ко́зу домой. Ну, чтоб коза давала молоко, надо её хорошо кормить. И внучку послал на другой день её пасти. Пасла, пасла внучка эту козу, напоила, накормила и под вечер гонит домой. А старик сидит около дома на камешке и спрашивает козу:

– Пила ли ты, козонька, ела ли ты, козонька?

– Нет, старик, не пила, не ела. Через мостик бежала, капельку водички схватила. По́ полю ходила, листочки… листочки ловила.

Ну, рассердился старик на внучку:

– Ах, ты такая-сякая! Зачем ты ко́зу плохо накормила?

И не накормил даже её ужином и закрыл её в голбец.

На второй день пошла пасти бабка. Она ко́зу поила, кормила, а под вечер гонит домой.

А дед опять сидит на камешке, опять спрашивает:

– Пила ли ты, козонька, ела ли ты, козонька?

А коза:

– Нет, не пила, не ела. Бежала через поле, меня бабка всё гоняла по́ полю, с одного поля на другое, я поесть не успела.

И рассердился дед на бабку и её тоже закрыл в голбец.

Некому ко́зу пасти, погнал сам. Ну, он уж старался накормить ко́зу, напоить, несколько раз её на речку тут, возле речки и пас её, чтобы она напилась, наелась. Ну, гонит домой. А сам вокруг дома оббежал вперёд её да и сел на камешек и спрашивает:

– Пила ли ты, козонька, ела ли ты, козонька?

– Нет, – говорит, – старик, не пила, не ела.

– Ах ты обманьшыца такая!

Рассердился на козу, взял верёвку, привязал её за рога к огороду, а сам пошёл домой, выпустил из голбца и бабку, и внучку, напоил их, накормил, извинения попросил. И решили ко́зу зарезать, чтобы она не врала. Стал её драть, полбока ободрал, а ножик-то был тупой, он решил сходить нож-то наточить. А в это время коза-та верёвку оторва́ла и убежала в лес. Бежала-бежала, бежала-бежала, не знает, куда деваться, и вдруг нашла зайчиковую избушку. И залезла к зайчику в избушку, на печь, подальше. А зайца дома не было. Идёт заяц, захотел в избу зайти, видит: дверь открыта, кто-то есть. Он и спрашивает:

– Кто в зайчикову избушку забился?

А она с печи:

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплено, рожками заболу, ножками затопчу, хвостиком замету!

Испугался заяц, сел под окно и сидит плачет. Идёт лиса:

– Что ты, заяц, плачешь?

– Да кто-то в мою избушку залез.

– Дак пойдём выгоним.

– Дак я гнал, да не мог выгнать.

– Дак я помогу.

Идут. Лиса спрашивает:

– Кто в зайчикову избушку забился?

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплено, рожками забоду, ножками затопчу, хвостиком замету!

Испугалась лиса, убежала. А заяц снова сидит под окном, плачет. Идёт волк:

– Что это ты распричитался, заяц, тут?

– Да кто-то в мою избушку забился.

– Дак выгонь.

– Да я гнал-гнал – не выгнал, лиса гнала, гнала – и то не выгнала.

– Дак я вот пойду выгоню.

Пошёл:

– Кто в зайчикову избушку залез?

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплено, рожками забоду, ножками затопчу, хвостиком замету!

Испугался волк, убежал. Ну, и медведь даже выгнать не мог. Сидит заяц, час сидит, два, в избушку попасть не может. Идёт петух:

– Чего ты, заяц, ревёшь?

– Да как не реветь? Кто-то в мою избушку залез.

– Дак выгонь!

– Я гнал – не выгнал, лиса гнала – не выгнала, волк даже, даже медведь, и тот испугался, убежал! Не мог выгнать.

– Вот я-то и выгоню.

Он приходит, говорит:

– Я иду-иду-иду, шпоры на ногах, коса на плечах, хочу козу посе́чи, слезай, коза, с пе́чи!

Коза говорит:

– Одеваюсь!

Он опять:

– Я иду-иду, шпоры на ногах, коса на плечах, хочу козу посе́чи, слезай, коза, с пе́чи!

– Обуваюсь! Открывай шире ворота, двери.

Он открыл дверь, и коза как соскочит оттуда и скорей побежала. Ну, и обрадовался заяц и стал в своей избушке жить да поживать и добра наживать. Больше коза к нему и не приходила. А коза так и стала всё по лесу бегать.

15.
ЛИСА И ДРОЗДЬ

Свил дрозд гнездо на дереве и вывел трёх детёнышей. А лиса есь лиса – она всегда хитрая, ей захотелось взять у лисы (дрозда) детёныша. Она подошла к дереву, не знает, как взять, и хвостом по дереву стучит. А дрозд смотрит, что делает лиса. Ну и лиса говорит: «Отдай детёныша, не то я дерево срублю и всё гнездо разорю!» Ну, куда дрозду деваться – взял и выкинул ей одного детёныша. Съела лиса, убежала.

На второй день она снова бежит, пришла к дереву. Опять хвостом по дереву стучит: «Отдай, дрозд, детёныша, не то дерево ссеку и всё гнездо разорю!» Ну, дрозд взял и второго детёныша отдал ей.

А на третий день она снова прибежала. Опять: «Отдай детёныша!» Ну и что? Пришлось отдать и этого детёныша. Отдал. А она потом ещё прибежала, не знает, как самого дрозда съесть. Смотрит – дрозд наблюдает

за ней. Она отошла подальше, легла на дорогу, язык высунула, лапы протянула, хвост тоже протянула и лежит. А дрозд летит, смотрит: «О, лиса-то пропала, пропащая лежит. Что это с ней сделалось? Ну-ко надо проверить». И сел ей на… около хвоста сзади. Нет, смотрит – не шевели́тся. Он прыг-прыг, а тело нет, всё равно не шевелится. Он клюнул её раза два – опять не шевелится. Ну, тогда он на голову стал поближе. Думает: «Съест она меня или нет? Живая она или нет?» Ну, лиса всё равно лежит. Ну, он стал поближе, она его хап! И съела.

Так глупый дрозд и попал лисе в рот.

ВОЛШЕБНЫЕ сказки

РАЗДЕЛ 3

16.
ПРО КОЩЕЯ

В некотором царстве да в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живём, жил да был один царь с царицею. Всё-то у них было, всё-то было хорошо, да только одно плохо, что детей не было. Уж очень они хотели, чтобы у них был наследничек или бы хотя дочка была красавица. Ну, раз нет детей, очень они переживали.

А раз царь – нужно было и свои владенья, когда-то свою работу выполнять. Поехал он по владениям по своим. Долго ли, коротко ли ездил на своём красивом богатом коне, который был, конь был очень такой, сбруя на нём была хорошая, уздечка золотая, седло, шитое золотом. Ездил он, ездил и вот вертается домой. Не доехал – пить захотел. Думает: «Ну, немножко отдохну да и коня заоднем накормлю». Слез со своего коня. Уж во своих владениях был, своих полях, помнится, что тут где-то колодец был недалеко.

Отпустил коня на полянку погулять, а сам войлочек разложил, посидел немножко да и пошёл колодец искать, который знал где-то. Нашёл он этот колодец. А колодец полный серебристой воды, а сверху плавает золотой ковшичек. Захотел он взять этот ковшичек, а он отплыл на другую сторону. Он с другой стороны зашёл, хотел только взять ковшичек, а ковшичек на эту сторону переплыл. И так он ходил, ходил вокруг колодца и не мог поймать ковшичек. «Ну, – думает, – ну и пусть, я и без тебя напьюсь». И стал пить. Наклонился, пил, пил, пил, пил, а у него борода была, она всё валится,

валится в этот колодец, валится, валится и свалилась, а когда он напился, стал оттуда бороду доставать, ну, стал вставать-то, а бороду кто-то там поймал, за что-то она зацепилась. И он не может от колодца отойти, туда-сюда дёргается. Ну, в конце концов понял, что его кто-то держит, и говорит: «Отпустите, я дорогой выкуп за себя дам». А оттуда отвечают: «Вот если ты отдашь нам то, что ты в доме своём не знаешь, тогда отпустим». Подумал, подумал: «Ну, – думает, – что я в своём доме не знаю? Как будто я всё знаю. Если что и не знаю, дак того и не жалко пусть и будет». Ну, ладно, договорились, что он отдаст то, что он в доме не знает. Его отпустили. Забрал он своё лошадиное там обмундирование. Сел на лошадь, теперь уж вроде отдохнувший, напился. И поехал.

Как только стал поближе подъезжать, смотрит – колокола зазвенели, смотрит – люди какие-то ковры расстилают перед ним, чтоб он заехал, люди на колени становятся, шапки снимают. «Что это, – думает, – такие почести? Почему меня так на этот раз принимают? Раньше я тоже ездил, но таких почестей мне не было». Ну и вот. Подъезжает поближе, смотрит, и царица выходит на крыльцо и в руках держит ребёночка. «Вот, – говорит, – ребёночка-то я и не знал». Тут и потекли его горькие слёзы. Ну, что поделаешь? Всё равно подъехал, все были рады, встречали его, радовались, все его поздравляли с сыном. А у него всё равно была одна печаль. Но всё равно виду не подал. День прошёл. Праздник они устроили в честь приезда. Второй прошёл, за сыном никто не идёт, никто не напоминает, что нужно его отдать. Три прошло, неделя прошла, месяц прошёл, и так и год прошёл. И никто сына не забирает. Той порой царь о своём горе забыл. Думает: «Ну что, так и надо, видимо, никто у меня теперь не потребует».

И так прошло 18 лет. А сын подрос, стал такой красавец, красивый. Ну, обычно царские сыновья, они больше занимаются охотой, на прогулки ходят, гуляют, меньше работают. Ну, конечно, был очень умён, грамотен.

И вот однажды он поехал на охоту. Едет, и вдруг из одного дупла вышел старый такой, чёрный высокий дядька. И говорит:

– А я тебя уже 18 лет поджидаю, когда ты подрастёшь. Вот тебя-то твой отец мне отсулил.

– Нет, – говорит, – неправда, чтоб меня мой отец тебе отсулил.

– А вот, – говорит, – правда. Вот поедешь домой и на третий день приедешь сюда обратно к этому дуплу. Спросишь у отца, отсулил он тебя или нет. Если отсулил, то приедешь. А если не отсулил, то ты дома умрёшь, если он скажет, что ты не поедешь ко мне, то, значит, ты дома умрёшь.

Вот он приехал и сказал отцу, что вот встретил такого-то дядьку в лесу, что он сказал, что якобы ты меня отсулил какому-то вот этому дядьке. Тут заплакал снова царь, ну, и пришлось признаться, что, действительно, вот всё и рассказал снова, как он пил, как у него борода упала в колодец, как его кто-то задержал за эту бороду и попросил то, что я в доме не знаю. А я вот как раз и не знал сына, потому что у нас не было детей.

Ну что, царь собрал, дал ему лучшего коня, опять собрал ему сбрую такую, саблю, всё. Может быть, придётся, говорит, воевать, сражаться с кем-то, как-то снарядил его как воина. И поехал этот царский сын, Иван его звали, Иван царский сын снова в лес.

А его там уже поджидает этот чёрный дядька, говорит: «Ну, молодец, что приехал, давай пойдём со мной». Вот они пошли, пошли. Он лошадь взял под уздцы. Шли, шли. Вдруг он, значит, это, топнул ногой, и земля растворилась, и они вместе с лошадью спустились туда, вниз, в царское подземелье. Говорит: «Вот, лошадь оставь пастись вот здесь на лугу». Там тоже луга такие – зелень, красиво всё, солнце тоже светит; такой же мир, как тут, но только под землёй. И вот подошли они к царскому дворцу. «Это, – говорит, – мой дворец. А меня, – говорит, – зовут Кощей Бессмертный. Я в этом доме живу. И ты будешь мне во всём подчиняться и будешь теперь жить у меня как слуга». Дал ему комнату отдельную жить. «Вот, будешь жить тут».

А через неделю примерно он посылает слуг.

– Слуги, – говорит, – сходите-ка позовите Ивана-царевича ко мне.

Приходит Иван-царевич к нему, падает в ноги.

– Что прикажете?

А вот, – говорит, – для начала сшей мне сапоги, – отдаёт ему материал на сапоги, – да чтоб красивые были!

Ну, Иван-царевич говорит:

– Я же не портной, я никогда не шил сапоги, я же царский сын.

– Ну всё: был царский сын, а теперь ты мой слуга. Что хочу, того и заставляю. Если не сошьёшь, мой меч – а твоя голова с плеч.

Взял он материал на сапожки, пошёл в свою комнату и сидит и плачет: «Как же сшить сапоги? Я же не умею. Как я их буду шить?»

И вдруг слышит: прилетела пчела и вот что так и набивается о стекло, стучит, стучит, набивается. Ему что-то жалко стало эту пчёлку, что это она так набивается, открыл форточку, а пчела залетела в эту форточку, ударилась о пол и сделалась девицей и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич. А я Марья-царевна. Я дочь Кощея Бессмертного. Я знаю, что мой отец заставил тебя сшить сапоги. Он уже неоднократно и других людей тоже заставлял. И тоже несколько человек таких у нас было, как ты. Ну, – говорит, – они не могли уноровить моему отцу, и он их уничтожал. Так же, – говорит, – он может убить и тебя, а мне, – говорит, – тебя жалко. Я тебе могу помочь. Вот давай сюда материал, а утром сапоги будут стоять. Форточку не закрывай, сапоги будут стоять вот здесь, на лавке, ты бери и неси ему».

Ну ладно, он, значит, уснул. Она ему забрала, а утром, когда он проснулся, то сапоги уже стояли на лавочке сшитые, красивые. Взял он эти сапожки под пазушку и пошёл, пошёл к царю Бессмертному. Говорит:

– Вот, сшил.

– Ну, – говорит, – молодец, хорошие сапоги. Иди, – говорит, – домой, в свою комнату.

Прожил он неделю или две ли, снова слуги приходят за ним и говорят: «Явись к Кощею Бессмертному». Он пришёл, упал в ноги:

– Что прикажете?

– А вот, – говорит, – в одну ночь построй замок. Если построишь, молодец, если не построишь, мой меч – твоя голова с плеч.

– Ну, как замок я построю? Я, – говорит, – не плотник, я никогда не строил. Я не умею. Я даже не видал, как их строят.

– Всё равно строй!

Ну, пришёл он, снова заплакал. И смотрит: опять эта пчела летит. Вот, думает, счастье.

Прилетела, форточку открыл, она ударилась о пол, опять сделалась Марьей-царевной.

– На этот раз я знаю, что тебя заставили построить замок. Это, – говорит, – тоже горе не горе. Можно, – говорит, – построить. Давай ложись спать. Утром, – говорит, – вставай пораней, умывайся побелей и иди зауголочки поколачивай топориком.

Ну, он так и сделал. Проснулся, умылся, оделся, пошёл, взял топорик и ходит вокруг замка. А царь проснулся, смотрит – замок построен.

– М-м, что-то, – говорит, – это он ли это строил? Как это он построил?

Но всё равно вызвал его к себе и говорит:

– Ну, молодец. Иди домой, в свою квартиру.

Он опять ушёл. Прошло долго ли, коротко ли, опять он его вызывает и говорит. А сам царь подумал, что это не он, это кто-то ему помогает. А кто может помогать из всех его 33 дочерей? Самая такая младшая дочь – это Марья-царевна. И она как бы взяла отцовское такое наследство, что она умеет тоже, как и отец, быть такой, как колдуньей, что ли, что-то вот может сделать, вот даже сшить сапоги может, вот построить замок может в одну ночь. У ней такие задатки Кощеевские, Кощея Бессмертного, или она его слугами пользуется, но делает кто-то. И вот вызвал он опять Ивана-царевича и говорит:

– Вот, – говорит, – у меня 33 дочери, все они одинаковые ростом, все они рост в рост, голос в голос. Ты их ничем не различишь. А вот если ты найдёшь Марью-царевну, то ты молодец, а если не найдёшь, то мой меч – твоя голова с плеч.

Он пришёл домой. И вот поглядывает, не прилетит ли пчёлка опять. Вот и ждёт. Открыл форточку, ждёт, не прилетит ли. Смотрит – летит, у него уже форточка открыта, он со слезами на глазах встречает её. Она стукнулась о пол, сделалась Марьей-царевной и говорит:

– Чё-то плачешь, не плачь.

– Ну как я могу тебя найти, если вы все одинаковые?

– Конечно, – говорит, – если я тебе не помогу, то тебе никогда меня не найти, мы все одинаковые. Мы одеты все одинаково, волосы у нас у всех одинаковые, даже голос, и тот у всех одинаковый. Но не плачь, я тебе помогу. Только ты будь внимательным. Вот, – говорит, – он тебе даст три раза пройти около нас. Если первый раз ты пойдёшь, ты ничего не заметишь. Второй раз пойдёшь – тоже ничего не найдёшь. А вот третий раз пойдёшь – будь внимательным, у меня, – говорит, – на щеке будет маленькая-маленькая мошка сидеть. Если ты пропустишь эту мошку, не опознаешь, значит, тебе больше не найти. Будь внимательным.

И сама опять улетела.

Вот на следующий день приходят слуги за Иваном-царевичем, а там уже на улице построены 33 дочери, все они стоят в ряд, все одеты одинаково, косички заплетены у всех одинаково, сами лицом они все равные. «Вот, – думает, – котора же Марья-царевна? Что бы она подмигнула мне хоть. Как-то ведь могла бы она мне сказать, чтоб её опознать».

Прошёл раз, посмотрел внимательно, смотрел на каждую, думает: «Где-то она сморгнёт, где-то она, может быть, что-то даст как-то знать». Нет, никаких признаков. Второй раз пошёл, смотрел, смотрел внимательно на каждую – нет. Нигде не мог определить, которая Марья-царевна. Третий раз пошёл. А сам уже и ног не чувствует под собой, боится, думает: «А вдруг я эту мушку да и не увижу? Да и муха-то ведь, может, какая-то сесть и на другую. Ведь летают же

мухи». И вот идёт. Внимательно смотрит на каждую, на каждое лицо смотрит. И вдруг видит – около уха у одной маленькая-маленькая мошка бегает. Вот он говорит:

– Это вот Марья-царевна.

Тут Кощей Бессмертный захохотал своим громким хохотом:

– А, – говорит, – теперь я знаю, кто тебе помогает! Сам бы ты по своей воле ни за что бы не нашёл! Это помогает тебе Марья-царевна! Ну всё, я пока отпускаю тебя, но знай, что я тебе меру наказания ещё найду!

Ушёл он в свою комнату, сидит, плачет. Вдруг летит пчела, у него форточка уже не закрыта. Стукнулась она о пол и говорит: «Ну, Иван-царевич, отец догадался о том, что это я тебе помогаю, нам с тобой обоим житья не будет, давай отсюда побежим. А то иначе всё равно нас задержат, убьют. Он и меня не пожалеет. Так я вот занялась тебе помогать».

И вот собрались они бежать. «Надо, – говорит, – скорей!» И она плюнула на стекло и наказала, что когда придут слуги, то скажите, ответьте царю: «Щас иду».

Ну и вот, они побежали. А царь посылает за Иваном-царевичем слуг. Слуги пришли.

– Иван-царевич, иди к Кощею Бессмертному.

А слюна на стекле отвечает:

– Сейчас иду.

Ну, ждут и ждут, ждёт, ждёт, а никто не идёт. Тогда опять, снова посылает слуг:

– Идите, приведите его!

Ну, слуги опять спросили:

– Иван-царевич, иди к Кощею Бессмертному.

– Щас иду, – говорит.

Ну что, ждал, ждал, нет, не пришёл. Третий раз:

– Сейчас же привести его силой ко мне!

Они зашли в квартиру, в эту комнату, а там никого нет. Приходят и говорят:

– А там никого нет.

Тут опять рассердился Кощей Бессмертный, говорит:

– А тут ли Марья-царевна? Ну-ка найти мне Марью-царевну!

Начали искать, и Марьи-царевны нет. Ну, тогда он догадался, что они вместе сбежали, и стал организовывать погоню: самых лучших своих слуг на лошадях послал догнать их. А они бегут, бегут, бегут, бегут. Марья-царевна ляжет на землю, положит ухо на землю, на тропинку и слушает: гонятся за ними или нет. Нет, нету погони. И опять бегут. Опять ухом ложится на землю, слушает: «Есть, нет погоня». Нет, нету погони. А третий раз, когда прилегла на землю, и говорит:

– Да, за нами погоня. И нас могут догнать. Давай будем спасаться!

– А как спасаться?

– А вот, – говорит, – я буду лошадью и возом сена. А тут будет стог. А ты, – говорит, – накладывай из стога сена на телегу, на воз. А когда, – говорит, – спросят тебя, погоня спросит, не видал ли Марью-царевну с Иваном-царевичем, ты, – говорит, – скажи: видел, что вон по той дороге побежали.

– Ну, хорошо.

Вот только они превратились в лошадь и там телегу, стог сена появился, он сено ложит. И тут и подогнали погоня, говорят:

– Эй, мужик, не видал ли ты Ивана-царевича с Марьей-царевной?

– Видел, – говорит, – какие-то двое торопились бежали. Вон, – говорит, – они в ту гору убежали, вон по той дороге.

Ну, погоня туда бросилась. А они скорей перевернулись опять в Ивана-царевича и Марью-царевну и побежали по другой дороге, совсем в противоположную сторону им нужно было, по той дороге, по которой им надо было идти. Добежали они, и тут конь пасётся, он никуда не девался. Скорей на этого коня, тогда уж быстрей поехали, доехали до края. Марья-царевна там топнула ногой, земля растворилась – и вышли они на волю. «Ну, – говорит, – всё, теперь, – говорит, – он нас не догонит. Теперь, – говорит, – мы поедем».

Ну вот, Иван-царевич говорит:

– Ну, хорошо, ты мне спасла жизнь, ты столько раз меня выручала, так ты за это будь моей невестой. Я тебя возьму замуж.

Ну, она говорит:

– А как же это мы приедем в дом к царю и сразу ты приедешь с невестой, с женой? Так не положено, так некрасиво. Надо сначала посватать, как-то спросить дома, разрешат ли тебе жениться или нет, а уж потом и за свадьбу. Ты, – говорит, – поезжай на своём коне, а меня, – говорит, – вот здесь, на горе, оставь, я посижу, а ты съездишь домой, спросишь, разрешат ли тебе жениться. И тогда ты и скажешь, что у тебя есть невеста. И тогда разрешат, значит, ты меня приведёшь домой.

– Ну, хорошо.

– Только, – говорит, – тебе один наказ, чтоб ты никого не целовал. Если ты кого-то поцелуешь, то про меня забудешь.

Ну, он дал слово, что целовать не будет никого, и поехал.

Приехал домой, а там царь и мать его увидели, встретили, сёстры там уже народились какие-то у них, в общем, слуги все эти, все были очень рады, что вернулся Иван-царевич. И открыли такой пир-мир, и всех там созвали своих родственников, в общем, близких друзей, что Иван-царевич вернулся. И были такие красавицы на вечере, женщины, девушки, что он, глядя на них, прямо ну никак не мог стерпеть и поцеловал одну. И стал дома жить, и полюбил эту девушку, и все стали готовиться к свадьбе, что вернулся. Ну, надо свадьбу сделать. Девушка ему понравилась, а хотя у девушки был тоже жених свой, она хотела тоже замуж выходить, но, так как он царь, то есть царский сын, поэтому уж решили отдать за него эту девушку.

А Марья-царевна сидела-сидела на горе и превратилась в камень, никто за ней не идёт, никто её не зовёт.

Шла одна женщина и на камне увидела голубой цветочек, очень красивый и думает: «Как же это на камне и цветок вырос?» Очень цветочек ей понравился, она его сорвала, принесла домой, поставила в стеклянную бутылку с водой на окно. А женщина была одинокая, никого у ней не было. Вот уйдёт она на работу, придёт, а у ней в комнате всё прибрано, посуда помыта, пол помытый, всё везде сделано аккуратно, красиво, цветы политые, окна промытые. Думает: «Кто это мне помогает?» Второй раз придёт, снова так всё. А никого не видит.

А пока она уйдёт, а Марья-царевна из цветка превратится в Марью-царевну и всё по дому сделает. Была очень рада, что её эта женщина подобрала. А потом кто-то женщину научил: «Ты, – говорит, – не ходи на работу, а спрятайся

куда-нибудь и наблюдай. Как, – говорит, – что-то где-то зашевелится, ты, – говорит, – на это место набрось белый платок».

Ну, она так и сделала. Спряталась, будто ушла на работу, а сама сидела где-то в уголке. Как зашевелилось, в котором месте Марья-царевна, когда она стала превращаться в девушку, она и бросила белый платок. И очутилась под платком девушка – Марья-царевна. Ну, Марья-царевна заплакала даже, говорит:

– Вот ты меня снова, женщина милая моя, меня снова оживила, и я теперь снова буду человеком. Я, – говорит, – Марья-царевна. Теперь я буду пока от тебя должна уйти.

Ну, женщина пожалела, да чё ж, видимо, надо ей домой торопиться. И пошла она по городу, эта Марья-царевна, а там везде висят плакаты, о свадьбе извещают, что женится царский сын, что приглашаются все. Многие люди приглашаются: кто умеет стряпать, печь пироги, куличи, сделать там какие-то разные кушанья на стол, то всех приглашают приходить в царский дворец.

Ну, вот она узнала, что Иван-царевич женится, и пошла. Пришла на кухню и говорит:

– А я умею печь пироги.

– Ну, раз умеешь печь пироги, то пожалуйста, – говорит, – вот, давай.

Ну, она сделала там, квашонку завела, всё стала печь. И такой она пирог испекла, знаменитый прямо. Во-первых, он был большой; во-вторых, на корочке было у ней там всё так, чтобы целый царский дворец нарисованный. И вот когда всё это у ней сделалось хорошо, старшие по этой стряпне стали говорить: «Этот пирог поставим перед молодых на первый стол». И когда приехала свадьба, поставили этот пирог перед молодых. Ну, обычно, когда сядут молодые за стол, то сначала встают на ноги все, тихо становятся, как бы невеста должна кланяться влево, вправо, вперёд – приветствовать всех. А пирог там уже слуги в это время разрезали. И вдруг из пирога вылетело два голубя. И полетели эти голуби и сели на божницу перед иконы. Все люди обратили внимание, такая тишина. И вот они угу-угу-угу, гулят между собой. Голубь и говорит:

– Голубка, выходи за меня замуж.

А голубка говорит:

– Нет, я за тебя замуж не пойду. Ты, – говорит, – забудешь меня, так же, как Иван-царевич забыл Марью-царевну на горе.

Тут-то он услышал эти слова и вспомнил, что у него на горе Марья-царевна, которая спасла его от смерти, которая его выручила. А он вот так сделал, изменил ей – поцеловал другую!

И тут же он из-за стола побежал, говорит:

– Это не моя невеста! Моя невеста Марья-царевна! Я щас её, сбегаю за ней. Щас я её приведу!

Ну, когда он побежал, Марья-царевна сама к нему вышла и говорит:

– Не бегай, Иван-царевич, я здесь.

Он говорит:

– Вот, вот, это моя Марья-царевна!

Ну, все удивились вначале, что как это так вдруг – царский сын и одну невесту брал, а тут вдруг оказалась вторая?! Ну, он никого не слушал, говорил, что это только вот эта моя законная невеста, и всё.

Снова встали они с ней за стол. Ай нет, её сначала ещё приодели, нарядили, она такая стала красавица, красивая. Там наряды уже были

какие-то, и за стол уже. А тут к этой невесте подошёл тот жених, который у ней был. Ну, и сразу образовалось две свадьбы. Ну, людей было очень так много. Пир был очень большой, раз царский сын женится.

Ну, и я вот там была и мёд-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А на свадьбе мне сделали подарок – дали мне шлык да в подворотню меня швырк. А я пошла с этим подарком, а пришлось идти-то всё лесом, лесом. Села на какое-то бревно, а подарок-то положила под кору и теперь не знаю, под котору. Вот всё и хожу ищу. Ну, вот на том и сказке конец, кто слушал, тот молодец.

17.
ПРО ЛЕШЕГО

Сказка про лесного Лешея. Это уже длинная. В каждом большом лесу живёт лесной Леший. Он берёт людей к себе в рабство, тех, кто далеко уходит в лес. Леший действует на людей какой-то неведомой силой, видимо. Люди заблуждаются в лесу, теряют дорогу и не могут из леса выйти, нет дороги. Видят: вроде бы в той стороне свет, пойдут, идут, идут, идут – нет дороги, совсем непроходимый лес. В другую сторону пойдут – опять нет дороги. Так ходят-ходят, их как бы Леший водит по лесу. В народе говорят, что есть способ от Лешего. Это нужно вывернуть на себе одежду, всю одежду: ну, платье там, брюки – на левую сторону. Якобы Леший не любит таких людей вывернутых и отпускает их.

А вот однажды пошли три девочки в лес за грибами. Среди них одна-то была очень слабая, плохо ела, часто болела. В семье её звали просто Заморыш. То она есть не хотела, то ей молоко не нравилось, то было ей невкусно сварено. Вот ходили, ходили эти девочки по лесу да и не заметили, что далеко в лес забрались, и потеряли дорогу, заблудились. Стали кричать, но их никто не услышал. Стало вечереть, дождик пошёл. Идут туда – нет дороги, идут сюда – нет дороги. Поплакали – что делать? Всё равно идут, идут и вдруг видят избушку. Обрадовались, потихоньку зашли в неё. А там на полу лежит огромный косматый кто-то: не то человек, не то зверь. Испугались, хотели обратно идти, а этот зверина и говорит: «Вот хорошо! Давно я людей к себе хочу! Не ревите, а ложитесь вот спать». И бросил им на пол какую-то грязную тряпицу. Они и этому были рады. Скоро уснули с устатку. Раньше всех проснулась Заморыш. Видит, что этот косматый топит печь и что-то готовит, варит. Руки у него грязные, косматые. Ложит в горшок каких-то мышей, лягушек, коренья. Что-то вокруг собират всё, в похлёбку толкает. Проснулись и другие девочки, и стал он их этой похлёбкой кормить. Две-то девочки, они не видели, из чего похлёбка сварена, они-то наелись. А вот Заморыш-то не стала есть, была, осталась голодней. А после завтрака Леший

им предло́жил прыгать через верёвочку. Кто перепрыгнет, тот, значит, домой пойдёт. Кто не перепрыгнет – нет. Эта девочка не могла перепрыгнуть. И потом дал им другое задание – прыгать через яму. Две-то перепрыгнули, а третья опять упала в яму. Ну, он двоих-то отпустил, они убежали, а третья у него осталась. Ну, он говорит: «Хорошо, что хоть одна осталась. Много-то мне и не надо, не прокормить их». Приташшыл в избу очеп и такую большую зыбку, как сани, привязанные на верёвках. Забрался сам в эти сани, сани привязал к очепу и заставил девочку качать да песенки петь. День качает, два качает. Домой, конечно, хочет девочка, плачет. Как увидит, что он спит, выбегает на улицу и старается крадучись убежать. Просыпается Леший, догоняет её, снова заставляет песни петь, качать его. Ну, девочке, конечно, хороших песен не хотелось ему петь, она поёт: «Спи, глаз, спи, два, спи, коростина дыра». Снова, когда он уснёт, старается убежать. Нет, опять поймает, опять догонит.

Сидит однажды она около избушки, а тут телята ходят. Она и говорит одному так ласково, погладила телёночка:

– Миленький, помоги мне отсюда убежать. Домой я хочу, да Леший не отпускает. Как побегу, он меня догоняет.

А телёнок-то и говорит:

– Ну ладно, помогу я тебе. Сделай пробку из дерева, чтоб мне задницу заткнуть. А завтра я снова здесь буду. Ты сядешь на меня, а мне пробкой задницу заткни. Как он будет тебя догонять, ты пробку-то и достань.

Она так и сделала. Выстрогала деревянную пробку, ждёт телёночка. А он тут как тут, прибежал. А этой порой она укачала своего Лешего и села на телёнка. Телёнок-то побежал, а Леший-то и проснулся. Проснулся и видит – нет девочки. И побежал. Видит, что она едет верхом на телёнке. Вот бежит-бежит, он быстро бегал, Леший-то, вот догоняет. А телёнок говорит: «Кода он близко подбежит, будет тебя ловить, и добывай пробку!» Она как достала пробку, как брызнет дерьмом-то прямо в морду этому Лешему! И залепило ему все глаза. Ну, а пока он эти глаза ковырял, промывал их, проковыривал, в это время телёнок-то с девочкой уже и дальше убежали. Так тёленок-то и довёз девочку домой, и остался Леший ни с чем. Тут и сказке был конец.

18.
ЖИЛ-БЫЛ СТАРИК СО СТАРУХОЙ (МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК)

Ну вот, жил-был старик со старухой, у них ребят-то было много-много – семеро. И всех надо было кормить, всех надо было поить, одевать. А год-то был голодний. Вот они жили-жили, да чё-то и старухе-то тоже пришло на ум. Говорит: «Надо ребят-то как-то это…» Ну, видимо, я вот точно не знаю, она, видимо, всё-таки была неродная, родная бы так не сделала, неродная была у них мать-то. И вот она сказала старику, говорит: «Отведи этих... ребятишек-то в лес и оставь там».

Все ребята спали, а вот самый маленький мальчик, он не спал, он и выслушал, что хотят

их в лес отвести, он побежал на речку и полный карман набрал камышков.

Отец сказал: «Сегодня пойдём в лес дрова рубить». И повёл их. Сначала дрова рубил вместе с ними, а потом, ёлочка за ёлочку, лесинка за лесинку, да и убежал от них и оставил их в лесу.

Ну, они смотрят, кричали, кричали: «Тятя, тятя!» А он и голос не подал – он уже убежал.

Тогда они, это, заплакали все: не знают, куда деваться. А этот мальчик, он был очень маленький, его звали мальчик-с-пальчик, он говорит:

– Не плачьте, братья, я дорогу знаю.

– А как? – говорят.

– А я, – говорит, – шёл взади всех и всё из кармана камешки выкладывал на некотором расстоянии. А теперь по этим камешкам и дорогу найду.

И стал: один камешек нашёл, второй, третий и пошёл впереди всех, и по этим камешкам всех вывел домой.

Пришли они поздно домой, ночью. Сели на завалинку и сидят.

А старик и говорит старухе:

– Напрасно я свёл ребят-то в лес, они, поди, там замерзли, плачут, поди.

Ну, а старуха, она не любила детей, она говорит:

– Да нет, не замерзли, ничё твоим ребятам не сделается.

А ему всё равно жалко, он заплакал. А они говорят:

– Не плачь, отец, мы здесь.

Ну, он вышел, пустил их в избу.

Долго ли, коротко ли прошло, опять старуха говорит:

– Старик, отвези ребят в лес, не надо мне их, не люблю я их, не могу на них смотреть, кормить у меня их нечем!

Ну, опять старик повёл в лес. А этот выслушал, мальчик-то. А дали они им по куску хлеба. А мальчик-то взял да хлеб-то всё стал кидать по кусочку, взади шёл дак, сам-то не съел. Зашли в лес. Он опять там, сначала-то рубили, потом, ёлочка за ёлочку, пихту́шка за пихту́шку, да и убежал от них. Они остались в лесу, не заметили, когда он ушёл. Опять заплакали:

– Как мы теперь дорогу найдём, как мы выйдем?

А мальчик-с-пальчик говорит:

– Ребята, не плачьте, я дорогу найду! Я, – говорит, – хлебушко кидал на дорожку!

А стал искать кусочки-то, а кусочков-то нет на дорожке: птицы всё склевали, хлеб-то. Вот и он вместе с ними заплакал:

– Да, – говорит, – я ошибся, потому что хлебушко-то птицы склевали.

И стали они по лесу ходить, дорогу искать. Ходили, ходили, искали, искали – замерзли, найти ничего не могут.

Смотрят – вроде какая-то избушка, и маленький огонёк светится. Они пошли к этой избушке. Подошли поближе, сели. Слышат – кто-то там, в избушке, шевелится.

А вышла из избы женщина, красивая, аккуратная. Увидела этих мальчишек и говорит:

– Мальчики, зачем вы сюда пришли? Здесь близко нельзя, здесь живёт людоед.

Ну, они говорят:

– Да нам куда деваться? Нас всё равно волки съедят. Пусть уж тогда людоед, может, и подавится, не съест.

Ну, она пожалела этих мальчишек, привела в комнату. Напоила их, накормила, обогрела да и спрятала под кровать. Сидят они.

– Ну, – говорит, – ночь-то сидите, а завтра, – говорит, – я вас днём провожу, чтобы вас не было.

Тут и прилетел огненный такой змей ли кто, он летал всё, людоед. Говорит:

– Фу-фу, русским духом пахнет!

Ну, она говорит:

– Дак ты налетался по Руси-то там, может быть, от тебя и пахнет Русью-то!

– Нет, кто-то тут есть!

– Нет, никого у меня нету!

– Напой меня, накорми.

Ну, он сел, она ему принесла есть. А он так много ел! Прямо целого барана сразу съел, ну, пива выпил ведро. Ну, и уснул, тут же за столом развалился, чуть не рядом с этими парнями на полу.

Парни испугались его. «Ночью-то, нет, – говорят, – пока он утром проспится, дак, может быть, это, нас увидит, дак съест – он такой жадный!»

Решили бежать. Вышли на крыльцо, ну, стали свои ботинки-то там, у кого что есть, одевать. А один парень сунул ноги-то, да не в свои ботинки-то, а вот в это... этого людоеда. А они, видимо, были такие скороходы какие-то. Вот и полетел. Говорит: «Держитесь, парни, все за меня!» Они все за него поймались, и его понесло по воздуху. Высоко поднялись они. Вот он командует: «Ветер могучий, несите меня домой, нас домой, домой!»

Ну и вот, ветер с этими скороходами...

А он проснулся, он проснулся, хватился скороходов-то – нет. Он заругался на эту женщину-то: «Кто у тебя был, кто мои скороходы надел?!» Надел другие скороходы и побежал догонять. И вот-вот догонит, вот-вот летит уже взади этих мальчишек. А мальчишки только и думают: «Скорей бы, скорей бы только прилететь бы домой!» Ну, прилетели, не успел он их поймать. Видит, что уже они в деревне в своей – вернулся обратно.

А они, значит, прилетели домой. И опять сели под эту, под окошечко, и сидят, плачут. А старик услышал: кто-то всхлиптывает, вышел, а там дети. Снова обрадовался, опять их пустил домой.

Ну вот, оне, значит, живут, теперь уже подрастают. И вот им хочется эту женщину поблагодарить, которая их спасла. И не знают, как людоеда победить. Думают: как это сделать, как бы этого людоеда победить? И всё-таки на это... оружья у них никакого нет, а думают: «Всё-таки как-то бы это надо сделать».

Ну и пошли в лес. И опять же вот пришли к такому домику, а там какой-то жил добрый человек, такой старичок седенький. Они к нему обратились и рассказали о своём, как их мачеха не любит, как она их в лес провожает, как отец слушается мачехи, как их оставляет и как их спасла вот добрая женщина от людоеда.

– Нам бы, – говорят, – поблагодарить или выручить бы эту женщину. Ведь мы думаем, что она ему не жена, а что он её, наверно, приволок откуда-то так же, как вот и нас, хотел съесть, а её вот когда-нибудь, поди, съест.

Ну, это, старик, значит, старичок им сказал:

– Ладно, я вот вам, – говорит, – дам гребень и покажу дорогу. Вот, – говорит, – вы когда придёте к этому домику к людоедскому, он, – говорит, – не всегда дома бывает. Вы, – говорит, – послушайте, если его дома нет, то заходите.

Тогда они пришли к этому домику и эту женщину увидели. Поблагодарили её, что она их спасла, и сказали, что они пришли за ней. Она заплакала:

– Что, я ведь, – говорит, – давно в этом вот царстве у него живу. Я совсем не хочу у него жить.

Ну, они говорят:

– Давайте пойдёмте с нами, мы будем это... тебя выручим.

И побежали. Только как побежали, а людоед-то прилетел откуда-то, хватился – женщины-то нет. И сразу по запаху определил, что русским духом пахнет, что кто-то был и что это кто-то женщину забрал. И побежал за ними. У него ботинков-то, ботинков-то уже скороходов не было тех настоящих, которые были первые, а вторые-то уж, они не такие, как были. Вот они бежали, бежали и бросили тот частый гре́бешек. И вырос, вырос высокий-высокий лес, что ему ни пройти, ни проехать, ни пролететь. А сами дальше бегут. Вот он и остался у этого леса.

Они привели эту женщину домой и сказали, что эта женщина будет ихной мамой. «А мы не хочем с этой жить, с мачехой!» И вывели они, выгнали оне старика с этой старухой из дома, а сами стали в доме жить с этой женщиной, жить-поживать да добра наживать.

19.
ЛУТОНЮШКА

Ну вот, жила-была одна женьшына, одинокая, и был у неё сын. И сына звали Лутонюшка. Женьшына была очень красивая, работящая, а сын ещё того красивей.

А жили они на берегу, около большого озера. И Лутонюшка соорудил себе лодку и стал на озере рыбу ловить. Это занятие ему очень понравилось, понравилось занятие это его и маме, так как он много ловил рыбы, привозил эту рыбу и отдавал маме.

Но так как сэкономить время, иногда мама утром рано напечёт пирогов да шанежек да и пойдёт к Лутонюшке на бережок. Придёт, а иногда Лутонюшка далеко в озере. И начнёт его кликать:

Луты́-луты́, Лутонюшка,
Приплыви ко мне;
Кашка масленая,
Ложка крашеная!

Ну, иногда Лутонюшка услышит, а иногда и не услышит, она снова закричит:

Луты́-луты́, Лутонюшка,
Приплыви ко мне;
Шаньги масленые,
Пирожки квашеные!

Ну, Лутонюшка порой и услышит, прислушивается. Приплывёт, отдаст ей рыбы ведро, поест у ней тут и опять уплывёт.

А она приходит домой, приберёт эту рыбку, часть сварит, часть соседям снесёт, так как она

любила и соседей всех. Ну, а что лишнее и продаст, у ей денежки будут. А на второй день снова идёт к Лутонюшке днём-то. Он утром рано уходил на работу. Надо же его покормить. Опять кличет:

Луты́-луты́, Лутонюшка,
Приплыви ко мне;
Кашка масленая,
Ложка крашеная!

Ну, Лутонюшка и приплывёт к ней. Опять они обменяются: она ему пирожки да шанежки, да кашку масленую, да молочка бутылочку, а он ей рыбы ведро.

И вот тут на берегу недалеко жила одна женьшына, ведьма так называемая. Она и подслушала. И позавидовала как это. А у этой ведьмы была дочь. Вот захотелось ей этого Лутонюшку съесть. Она выслушала, как мама его кричит, тоже пришла пораньше мамы да и кричит:

Луты́-луты́, Лутонюшка!
Приплыви ко мне;
Кашка масленая,
Ложка крашеная!

А Лутонюшка думал, что это мама кричит. Приплыл, а она его цап-царап в мешок, так как она была сильнее его, Лутонюшка ещё был недоросток. И утащила домой. Утащила и закрыла его, никуда не отпускает. И в тот же день велела дочери жарко истопить печь, чтобы изжарить Лутонюшку и съесть. Истопила дочь печь и говорит:

– Иди, Лутонюшка, садись вот на лопату, я тебя в печь посажу.

Ну, куда Лутонюшке деваться? Пришлось сесть на лопату. Сел он на лопату, а ноги – одну сторону вправо, другую влево, руки тоже – то, вверьх поднял. Толкала, толкала она его на лопате, никак не может затолкать его в печь, говорит:

– Так, Лутонюшка, ты что так-то? Ты свернись так, как кошечка.

Он говорит:

– А я не умею, покажи мне так, как кошечка.

А она говорит:

– Дак вот так! – и легла сама на лопату-то и свернулась.

А он взял лопату-то, швырк в печь-то и закрыл заслонку-то и припёр. Вот там ведьмина-то дочь и изжарилась. А сам-то хотел убежать, но кругом всё закрыто. Всё, некуда убежать! Убежал на полати, спрятался в угол и лежит.

Пришла ведьма.

– Ну, пахнет хорошо, вот я щас позавтракаю.

Раскрыла печь, достала и начала есть. Наелась досыта и катается по́ полу:

– Эх, покататься бы мне, поваляться бы мне на Лутонюшкиных-то косточках!

А Лутонюшка с полатей не вытерпел и говорит:

– Покатайся-ка, поваляйся-ка на дочериных-то косточках!

Она услышала, посмотрела, покликала – и правда, дочери нет. Ну, думает, ладно, пуще того рассердилась на Лутонюшку:

– Изжарю я тебя, съем за это ещё больше!

Опять жарче того печь натопила. Лутонюшку поймала, сбежать ему некуда. Опять:

– Садись на лопату.

Он сел, опять точно так же ноги в одну сторону раскырил, в другую ногу, руки вверьх поднял. Она его толкала, толкала, никак не может затолкать туда, в печь. Говорит:

– Дак, Лутонюшка, что это такое, неужели ты не можешь свернуться, как кошечка?!

– Это как, как кошечка? Я не умею.

– А вот так.

Он говорит:

– Ну, покажите, как это.

Свернулась ведьма на лопате, а он швырк её туда и затолкнул. Ну, а сам закрыл заслонку покрепче, знает, что в доме больше никого нет. Тогда уж он стал коверкать, ломать, выдёргивать. Освободился и прибежал домой к маме.

Ну, мама была очень рада, что сын её вернулся. Да ещё после того рассказал, что он так, у ведьмы был да что вот он справился с ведьмой и с её дочерью. Она его одобрила, похвалила. Ну, на речку боялась отпустить, пока не подрастёт. Он немножко подрос и снова стал рыбу ловить. И стали они жить-поживать и добра наживать. На том и сказке конец.

20.
ОРЕХОВАЯ ВЕТОЧКА

Вот, значит, в одном селении жил да был один дяденька, и было у него три дочери. Поехал он на базар и спросил, что им купить. Одна заказала платье, вторая – красивый платок, а третья заказала ореховую ветку. И вот он купил одной – платье, другой – красивый подшалок, а ореховую ветку не нашёл. Поехал домой. Едет, едет на лошади, поглядывает по лесу, и вдруг на дорогу наклонилась с дерева ветка. Он посмотрел, а на ней орехи. Вот говорит: «Не эту ли ореховую ветку мне заказывала дочь?» Пошёл в лес и срубил эту ореховую ветку. А как только начал рубить, вдруг медведь зарычал:

– Как ты смел срубить мою ореховую ветку?

– Это я, – говорит, – не себе, а для дочери.

– Ну, вот эта дочь пусь и будет моей женой.

Ну, он заплакал:

– Как же я ей скажу, что за медведя её замуж отдам?

– А вот, – говорит, – так и скажи.

Ну, приехал домой, а дочери ничего не говорит. Прошёл день, прошёл два, а на третий день вдруг колокольцы раздаются, все посмотрели на улицу, а там на нескольких лошадях как свадьба. И вылезает из первой лошади такой в богатой одежде (они думают, что в богатой одежде), а это был медведь. Пришёл и говорит, что вот я приехал за своей невестой, которая попросила ореховую ветку. Ну, старшая сказала: «Это не мне он рвал ореховую ветку». Вторая сказала тоже: «Не мне он рвал ореховую ветку». А третья призналась: «Вот рвал мне». Ну, говорит: «Вот и будешь моей женой. Если, – говорит, – ты сейчас со мной не поедешь, то всё равно умрёшь, а если поедешь, то будешь моей женой». Ей было деваться некуда, она была вынуждена сесть в карету.

И он пригласил: «Сейчас, – говорит, – у нас, – говорит, – свадьба, твой старик, то есть отец, с матерью пусть едут». Они запрягли лошадь, и поехали все. И вот ехали, ехали по тёмному лесу, он, значит, вышел, ногой топнул – земля растворилась, и они въехали в подземное царство. А в подземном царстве там было светло, дороги такие хорошие, на ло́шадях можно

проезжать. Все проехали, и, раз свадьба, подъехали к церкви. И когда подъехали к церкви, как взошли на паперть, с него эта медвежья шкура спала. И он стал красивым молодцом и всем объявил, что это был он проклянённый старой ведьмой до тех пор, пока за него не пойдёт какая-нибудь девушка. И он всех приманивал, старался, но вот только одна согласилась на ореховую ветку и пошла за него замуж, и он стал человеком. И, оказывается, он был сын короля какого-то, богатого человека.

И был пир очень большой, и я на этой свадьбе была, мёд-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А со свадьбы дали мне шлык, да в подворотню меня швырк, да наградили ещё короной. Шла я по лесу, положила корону под кору да и теперь забыла, под котору, так и хожу всё ищу.

21.
У НИХ БЫЛО СЕМЕРО МАЛЬЧИШЕК

…И у них было семеро мальчишек и одна девочка. Ну, так как была большая семья, матери было очень трудно, и она что-то вскоре заболела и умерла. А старик стал совсем старый, немóшный, всё делала вот эта девочка по дому: и стирала, убирала. А мальчишки работали.

Ну, а старик всё-таки ещё вздумал жениться, хоть и старый был. Привёл себе в дом ещё женьшыну. А эта женьшына не полюбила детей, так как они всё делали сами уже. А ей хотелось быть хозяйкой. Не полюбила этих детей и прокляла этих парней, и они превратились в воронов и улетели из дома. А девочка только уж потом заметила, когда стая ворон полетела.

Ей было жалко братьев, было одной скучно дома, она, значит, решила их идти искать. И вот не сказалась дома ни отцу, ни матери, собралась, белый платочек одела, продуктов немножко взяла и пошла. Шла, шла, шла, лесом всё шла, не знает, куда, куда идти.

И стоит в лесу избушка на куриной ножке и туда-сюда поворачивается. Подошла она к этой избушке, а избушка от неё отвернулась. Подошла с другого конца, а избушка в другую сторону повернулась. Села она под окошечко этой избушки и заплакала.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задóм, ко мне передóм. Я ведь пришла с добрым намереньем, я расскажу всё о своём горюшке.

Ну, избушка повернулась, и вышла оттуда женьшына: нос длинный, сама косматая. Но девочка не испугалась, а припала к ней и говорит:

– Милая женьшына, вот была у меня мама, она умерла, а отец вот женился, взял другую маму. А другая мама не полюбила нас и прокляла моих братьев, и они превратились в воронов и куда-то улетели, а я хочу их найти.

Ну, пожалела Баба-яга эту девочку и говорит:

– Ладно, я тебе помогу, потому что, – говорит, – ты со мной очень ласковая, очень добрая. Вот, – говорит, – я тебе дам клубок, куда этот клубок покатится, ты, – говорит, – всё за ним и иди.

Отпустила она этот клубок. Клубок катится, нитка тянется, а она всё за клубочком шагает

и шагает, шагает и шагает. Сколько она шла, сколько ночей и дней; посидит, поест, что у ней было, и снова шагает. Далеко-далеко ушла. Там уж стало ни людей, ни жилища, какое-то пустое такое поле, только полынь там растёт да лебеда. И солнышком её жгёт, жарко, пить хочется, но она всё равно шагает, пока клубок катится. Смотрит – клубочек-то всё меньше да меньше, всё меньше да меньше. И думает: «Как я буду, если вот он совсем потеряется, куда же я пойду? Мне теперь уж и не найти дорогу-то будет и, поди, никогда и братьев-то своих не найти». И вот идёт, идёт, и так устала, села отдохнуть, а клубочек совсем уже маленький. Села отдохнуть и незаметно уснула. А пока она спала, в это поле прилетело семь воронов. Смотрят: «Что же это? Мы раньше тут летали, никогда не замечали, что тут девочка бывает. И кто это такая девочка?» С той стороны залетят, посмотрят, с другой стороны посмотрят. А один и говорит:

– Так это не наша ли сестричка? Да нет, не наша, вот если бы наша была, я бы её по ручкам определил, что это наша сестра.

Второй говорит:

– Да, это ручки-то нашей сестры.

Третий говорит:

– А вот я бы по ножкам определил.

А четвёртый говорит:

– Да, это ножки-то нашей сестрички.

Пятый говорит:

– А я бы вот по головке, по волосикам определил.

А шестой говорит:

– Да, действительно, это, – говорит, – волосики-то нашей сестрички.

А седьмой говорит:

– Я бы вот её определил по глазкам. У нашей сестрички голубые, красивые, открытые глазки.

А тут она и проснулась и открыла эти глазки. Они все сразу увидели, обрадовались, что это ихная была сестра. А она тем более, увидела их, но сначала она, конечно, думала: «Братья или не братья?» Что это, только видит, что это птицы, но вспомнила, что она, когда улетали они, дак каких-то она птиц видела. Всё равно она так обрадовалась, а они ещё пуще, и вот с радости все запрыгали, запрыгали, закричали, и шкура с них спала эта проклятая. И они сделались такими красивыми мальчиками, как они и были. Все стали между собой целоваться, миловаться. Эту девочку взяли на руки, она говорит:

– Пойдёмте домой.

Но они говорят:

– А мачеха там дома, нас снова проклянёт.

Она говорит:

– Нет, я теперь не дам, теперь уже это...

И вот они идут, идут, идут всё обратно по этой нитке. И опять, снова пришли к этой избушке. А избушка эта опять туда-сюда вертится. Они, а эта девочка говорит:

– Избушка, избушка, повернись к лесу задóм, к нам передóм!

Ну, избушка повернулась. И она говорит:

– Вот тебе спасибо, я принесла, благодарность, что ты мне дала этот клубочек. Вот он, клубочек, мы его свернули, обратно принесли. Вот, нате.

Они свёртывали обратно нитку-то.

– Обратно вам клубочек.

Поблагодарили эту Бабу-ягу, она тоже была очень рада, так как Бабу-ягу многие люди не

любят, всё и называют её Баба-яга, а они не называли её Бабой-ягой, а просто называли: «Милая наша женщина, как мама ты нам, ты у нас вместо мамы». Ну, она сказала, что ладно, раз вы меня зовёте так ласково, раз ко мне хорошо относитесь, то больше вас мачеха не сможет проклясти́. Вот здесь дом недалеко, вот дорогу знает эту уже девушка, давай идите домой и живите.

И оне ушли домой и стали жить-поживать, и мачеха их больше не обижала.

22.
ПРО БУРЁНУШКУ

Жил-был старик со старухой. Была у них доченька Машенька. Старуха-та умерла, а старик-то взял другую жену, да с двумя дочерями. Другая старуха своих дочерей любила, а Машеньку нет. Своих дочерей отпускала гулять, работать не заставляла, а всю работу выполняла по дому Машенька. Она и стирала, она и полы мыла, она и скотину кормила; а дочери у ней только гуляли, играли. А Машеньке тоже хотелось поиграть, но она её никуда не отпускала, а тех на вечёрки отпускала. Те вечеровать ходили к подружкам, к остальным подружкам. А Машенька попросилась:

– Отпусти, – говорит, – меня, мама, тоже на вечёрки.

Ну, она говорит:

– Ладно, иди, только вот я тебе кудели дам, ты её всю опряди, чтоб там меньше у тебя осталось времени на игру.

Ну, она взяла эту куделю, а кудели было много. Где же её вечером опрясь? Там уж вовсе времени не останется поиграть. Зашла с этой куделей во двор, а во дворе там корова, Бурёнушка. Она, эта Бурёнушка, ещё при родной матери жила и была любимицей у этой Машеньки. Обняла она эту Бурёнушку за шею и говорит:

– Бурёнушка-матушка, как мне тяжело жить. Не любит меня мачеха, всё-то меня заставляет делать: я и полы мою, я и стираю, я и варю. А у ней дочери всё только гуляют да бегают. Она вот их на вечёрки отпускает и работушки им не даёт, а меня вот на вечёрку отпустила, дак вот кудели сколько дала, чтобы я её опряла. А если не опряду, она меня бить за это будет, ругать будет, больше никуда не отпустит.

Ну, Бурёнушка и пожалела её, говорит:

– Ладно, Машенька, не плачь, давай куделю, толкай ко мне в рот, а из уха клубочки мотай.

Корова стала эту куделю жевать, жевать, жевать, и превратилось всё это в какое-то месиво, потом получилось, значит, это, нитки из ушей она стала, достала, стала клубочки мотать, мотать, намотала несколько клубочков, в фартук положила, сняла фартучек с себя, под крылечко спрятала, а сама побежала играть.

Такая была весёлая, так ей понравилось на этих вечёрках, там и играли, и песни пели, и парни были. А когда стали расходиться, она взяла фартучек с клубочками, принесла домой.

– Вот, – говорит, – я напряла.

Ну, мать:

– Молодец, – говорит, – хорошо, много ты сделала, ладно. Можно, – говорит, – может быть, тебя и на следующий раз отпустить.

Опять все ходят на вечёрки, а мачеха её не отпускает. Она бы попросилась:

– А мне можно сходить?

Ну, она:

– Иди, вот тебе кудели.

А дала ещё больше и сказала:

– Не только клубочки принеси, а моты́ смотай!

Пошла она к Бурёнушке, упала на шею, заплакала:

– Вот, Бурёнушка, отпустили меня погулять, а опять мне работы дали столько много. Где же я столько напряду да и в моты́ смотаю? Как это я всё сделаю?

А Бурёнушка говорит:

– Не плачь, Машенька, давай толкай мне в рот.

А она столкала ей в рот всё это, а сама только моты́ мотает. Смотала всё и опять в фартучек завернула, под крылечко спрятала и побежала играть.

Так ей там понравилось, даже парень один очень понравился, он за ней стал ухаживать. Ну, когда стали домой расходиться все, и она тоже пришла. Моты́ забрала, принесла матери. Ну, мать похвалила, а на следующий вечер уже сама посылает, так как она ей много приносит пряжи, говорит:

– Давай иди, – говорит, – и не только моты́ смотай, а холсты вытки.

Ну, она думает: «Как это я холсты вытку? В один вечер напрясть всё из кудели, всё сделать и холсты соткать?»

Пошла опять к Бурёнушке. Бурёнушка говорит:

– Да не плачь, я тебе помогу!

Ну, опять она ей кудели затолкала.

– А ты, – говорит, – холсты складывай из ушей.

Она холсты только складывает. Опять смотала эти холсты, спрятала под крыльцо, а сама побежала играть.

Поиграла там, а парень этот даже её стал сватать замуж. Говорит:

– Ты понравилась ты мне очень, вот давай я тебя замуж возьму!

Она говорит:

– Меня же не отдадут замуж, ведь я в семье всё делаю, всё помогаю всем, меня не отпустят замуж.

Ну, принесла эти холсты. А понравилось матери, что дочерей не надо заставлять прясть, самой не прясть, уже готовые холсты. На следующий вечер она снова посылает:

– Иди, – говорит, – вот на, и теперь сделай не только простые холсты, а с рисунками.

Она опять пошла к Бурёнушке, а мать следит за ней. Куда это? Всё равно это ей самой так не сделать, кто-то ей помогает. Следит и видит, что это Бурёнушка ей помогает. Ну, на следующий день говорит своему старику:

– Давай Бурёнушку зарежем!

Он говорит:

– Ты чё, баба, белены объелась? Как же это мы без Бурёнушки-то жить будем?

– Да нет, – говорит, – я, – говорит, – от такой коровы даже и молоко не хочу есть, не надо мне, не надо мне такую корову!

Ну, спорила, спорила и переспорила старика. Старик решил зарезать эту корову. А Машенька

выслушала, пошла к Бурёнушке, упала ей на шею и говорит:

– Бурёнушка-матушка, тебя зарезать хотят. Я вот выслушала, вот она сказала, что не будет даже твоё молоко есть.

Ну, Бурёнушка говорит:

– Ну что, я теперь уж всё равно старая, пора б мне и умирать, всё равно когда-то смерть доложна прийти! Ты, – говорит, – не расстраивайся, пусь меня зарежут, только, – говорит, – ты все косточки мои собери в лукошечко и под окошечко закопай.

Ну, она так и сделала: они мясо едят, а она под столом всегда сидит, все косточки собирает. Собрала все косточки в лукошечко и тайком от всех под окошечко закопала. А через некоторое время под окном вырос сад. Всякие фруктовые деревья: яблони, вишни, сливы. Что только нет! И вот когда мачеха её посылает что-нибудь сделать, она идёт в этот сад. А в саду ей эти деревья всё помогают, птицы. Всё ей делается легко, само както быстро всё делается, она всё сделает, и яблоки наклонятся, чтобы она взяла в руки их, чтобы она их съела. А как только зайдут сёстры в этот сад, сучья все кверьх подымутся, ни одно яблочко им не достанется. А птицы напукают на них прямо, на головы им, на́ руки. Некоторые даже нахальные птицы прибегут, клевать их начнут. И они боялись даже в этот сад ходить. Ну, мачеха наблюдала, наблюдала, видит, что её дочерей этот сад не любит, и говорит опять старику:

– Давай Машеньку отдадим замуж, пусть она уйдёт, а сад останется нашим девочкам, и что наши девочки будут ходить и всю работу будут выполнять легко!

Ну, старик согласился отдать Машеньку замуж. А тут и у них же жених есть, который её полюбил. Ну, жених этот жил где-то дальше от них, не рядом, в конце деревни.

Ну, соорудили небольшую свадебку, а когда от венца везли эту Машеньку с этим женихом, Машенька была согласна выйти за него замуж, она его тоже полюбила, этого парня. А когда везли от венца уже в тот дом, и сад взади свадьбы пошёл, все деревья пошли, пошли, пошли, и где она стала жить, и этот сад стал расти под её окном. А там мачеха осталась и без Машеньки, которая выполняла всю работу чёрную по дому, и без сада, который помогал Машеньке во всём.

И остались эти дочери только при своей мачехе. И пришлось им всё выполнять, всю работу самим.

23.
ПРО СИВКУ-БУРКУ

Вот жил-был старик со старухой. В сельской местности оне жили. Поля у них были, пшеницу они сеяли, урожай высокий собирали. И своих сыновей троих кормили, растили. И вот однажды, в одно лето, кто-то у них стал топтать пшеницу. Ну, старик сначала одного сына послал – он никого не укараулил. Второго сына послал – тоже ничего. А третьего сына Ванюшу послал –

Ванюша всё не спал. Слышит: земля дрожит, конь бежит. Прибежала лошадь и стала пшеницу щипать, а потом стала по пшенице кататься, ноги вверьх задирать. Тут Ванюша не вытерпел, тихонько подкрался, за гриву поймался и сел задом наперёд. Лошадь выше церквей подымалась, выше лесу была, выше домов, но он всё равно усидел, не могла она его сшибить. Ну, в конце концов устала лошадь, спустилась около поля и говорит:

– Хорошо, Ванюша, ты на мне усидел, тебе мной и владеть. Только ты меня отпусти в чисто поле, а когда потребуюсь я тебе, я тебя не забуду, ты скажи: Сивка-Бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой, я к тебе и прибегу.

Ну вот, он взял да и отпустил. Пришёл домой, а отец спрашивает:

– Ну как? Видел кого-нибудь?

– Нет, никого, – говорит, – не видел. Только, – говорит, – пшеницу нашу больше топтать никто не будет.

Ну и ладно, долго ли, коротко ли прошло, старик-то заболел да умер. Старушка-то тоже старая совсем стала. А там жил один очень, ну царь, а у царя была дочь. И вот этой дочери нужен был жених. Уже ей пора бы замуж, а женихов нет. И вот царь решил выдать вот за какого-то парня, за такого выдающегося, что ли, за бойкого очень.

Взял да и посадил её на второй этаж в окно. А на палец одел золотое кольцо и везде написал афиши: «Вот если какой-то парень достанет кольцо с руки, за того и отдам замуж, и полцарства ещё в приданое отдам».

Ну, парни когда это узнали, всем захотелось. Не так уж взять царскую дочь, как захотелось быть, взять в приданое полцарства! А ещё вот, когда-то царь умрёт, может быть, и царём будет.

Все стали стараться, как это снять кольцо. Думали, думали, ведь не запрыгнуть, лестницу не разрешается ставить, только так, с полу. Как это снять кольцо? И спросили царя:

– А можно на лошади?

Говорит:

– Можно, всё равно, мол, только с лошади ведь надо всё равно прыгать как-то.

И вот эти братья двое стали своих лошадей овсом кормить, чтоб они, стали их чистить, хвостики подрезали, гривы подчистили. Ну, и в один прекрасный день собираются утром. А Ванюша говорит:

– Возьмите меня тоже с собой.

– Да куда тебе? У тебя и коня нет, да и сам-то ты мазуля, грязнуля. Сиди вон на печи да перегребай зóлу.

Уехали. А Ванюша взял лукошко и пошёл в лес. Насобирал полное лукошко грибов, спрятал под ёлочку. А сам крикнул:

– Эй, Сивка-Бурка, вещий каурка, будь передо мной, как лист перед травой!

Сивка бежит, земля дрожжит, из ноздрей жар пышет, хвост по полу тащится, грива по земле волочится. Прибежал, встал как вкопанный:

– Что, Ванюша, тебе надо?

– Да вот, говорят, царь отдаёт дочь замуж за того, кто достанет кольцо у ней с руки. У меня вот братья уехали, а мне лошади не было.

– Ну, так что, недолго. Давай, – говорит, – эта служба не такая уж большая, давай залезай в правое ухо, вылезай в левое.

Он залез в правое ухо, вылез в левое – сделался таким каким-то красивым, да он и так по себе был красивый парень, но только чистым, опрятным, и одежда на нём другая стала.

– Теперь – говорит, – садись на меня.

Ну, сел он на эту лошадь и погнал. А людей там около – целая площадь, видимо-невидимо. Столько людей собралось, всем хочется кольцо достать, а кто просто посмотреть, как это достают парни. Родители собрались, друзья, товарищи. А девушка красивая сидит на подоконнике и руку спустила вниз. А кольцо золотое так и светится, так и сверкает.

Подогнал он на этой лошади, прыгнул – ну, не мог достать кольцо. Прогнал дальше, уехал. Уехал снова в лес.

Ну, Сивка-Бурка говорит:

– Да, оплошал я, ладно, на следующий раз.

Залез он в правое ухо, вылез в левое – опять такой же Ванька стал. Отпустил Сивка-Бурка в лес погулять, а сам взял эту и идёт домой.

А братья приезжают и говорят:

– Ух, Ванька, какой там приезжал парень! Да на какой лошади-то, совсем нашим лошадям не чета! Да какой он красивый, да как он одетый! Да он ведь прыгнул, он чуть-чуть не достал, а мы эдь никто ничё не могли достать.

Ну, всё равно затея не решается. На следующее воскресенье снова собираются, снова. Никто кольцо-то не достал. Снова собираются ехать. Опять они своих лошадей моют, чистят, сами чисто одеваются. А Ванька говорит:

– Возьмите меня с собой, я хоть погляжу, что там за невеста.

– Куда тебя такого грязного? Сиди на печи да перегребай золу. Нечего тебе там делать!

Уехали. А Ванька опять взял лукошко и опять в лес. Насобирал грибов, спрятал под ёлочку, закрыл лопушочками, а сам свистнул:

– Ш-ш-ш... Сивка-Бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!

Сивка бежит, земля дрожжит, жар из ноздрей пышет. Прибежал.

– Ну, давай, – говорит, – ты теперь уже знаешь, залезай в одно ухо, вылезай в другое.

Он залез, вылез, сделался таким, ещё нарядней. Опять сели и погнали.

Как разогна́лась этот Сивка-Бурка, так этот Ванька успел снять кольцо ещё и девушку поцеловать. И опять угнали в лес.

– Ну вот, на этот раз, ты, – говорит, – молодец, хорошо на мне усидел и хорошо прыжок сделал.

Сивка-Бурка в лес пошёл, побежал, там отпустил он его. А Ванька домой пошел. Только заходит в ограду, и братья заезжают. А он с грибами заходит из леса.

– Ох, Ванька, какой был, ведь достал ведь, достал ведь парень-то кольцо-то да ещё и успел невесту-то поцеловать. Да какой конь-то под ним красивый, да какой нарядный да!

– Дак не я ли там был?

– Фу! Тебе ли быть такому?

Ну, приехали, всё, лошадей поставили, там ужин приготовили. А Ванька на́ печь залез. Они ужинают, разговаривают о людях, о коне, на котором приезжал парень, о парне, как он был красиво одетый.

А Ванька кольцо-то одел на палец да и тряпочкой завязал, чтобы никто не видел. А лежит на печи-то и охота стало посмотреть, что это за золотое кольцо. Взял да и развязал тряпочку-то. А от золотого-то кольца, как оно засветилось, как искры посыпались! А братья-то увидели и говорят:

– Ванька, ты чего там спичками балуешься? Подожгёшь ещё!

А Ванька скорей тряпочкой завязал кольцо. И вот поужнали они, спать легли.

А в следующее воскресенье, значит, должен жених явиться к невесте. А невеста ждала, ждала, ждала, ждала – никто не явился, никто не пришёл.

А уж на следующее воскресенье тогда невеста снова позвала всех парней и решила их угостить пивом. Ходит по комнате, кто пришёл к ней, и всех пивом угощает.

Ну, и братья эти тоже пошли на приглашение царской дочери, и Ванька побрёл. Пришёл, когда уже полная изба была людей. Прямо поместиться некуда. И он под самый порог, под умывальничек, только ему место оказалось, там и сел. Ну, она всех пивом обнесла и дошла до Ваньки. Когда он стал брать кружку с пивом, а палец-то завязанный. Она говорит:

– А что это, Ваня, у тебя палец-то завязанный?

– Да я, – говорит, – порезал.

А ей что-то подозрительно стало. Когда стала кружку брать обратно, взяла да и сдёрнула повязку-то. А золотое-то кольцо как засветилось, как засверкало, так прямо в избе-то всё и осветило.

Вот тогда она берёт его за руку и ведёт к столу и говорит:

– Вот, это мой жених.

Все удивились.

– Да как это? Ванька! Ведь это же Ванька!

И братья смотрят:

– Дак это же наш Ванька! Да где? Да он же, он же, он же и не был там!

Ну, один старший выходит, говорит:

– Вы ошиблись, наш Ванька вовсе не ходил. У него и лошади нет.

Она говорит:

– Нет, это всё равно мой жених! Ну, тут пока, – говорит, – временно вот прекращаем.

Повели Ваньку в баню. Вымыли его, вычистили, одели на него чистую одежду, новый костюм.

И тогда они встали за стол рядышком с невестой, и все люди увидели:

– И правда, ведь этот парень-то был!

– И правда этот.

– Ведь это же Ванька!

Ну, и договорились насчёт свадьбы. И отдали эту невесту за этого Ваньку замуж. Хотя и было обидно братьям, но им было деваться некуда.

И вот на свадьбе, значит, было очень весело. И всех-всех, и братьев пригласили, и стали они жить да поживать и добра наживать.

24.
КАК ВЕТЕР МУКУ УНЁС

Сказок много, ну был, видимо, и такая. И такой сказ, что жили два брата не так уж далеко друг от друга. Один был бездетный брат, у него, значит, богатство хранилось, копилось больше, он был богатым. А вот у второго брата было несколько, много детей было – шесь или семь. У него, значит, было нечем этих детей кормить, беднота. И он решил у богатого брата попросить взаймы муки. Пошёл, говорит: «Вот, братец, дай мне муки взаймы». Ну, а тот говорит:

«Я тебе уже много этой муки даю, но ты никода не возвращаешь». Но всё-таки дал, дал ему ведро муки. А тот пошёл, понёс это ведро, и откуда ни возьмись поднялся большой ветер, сильный, и у него муку из ведра выдуло и унесло. Пришёл домой без муки, пришёл и заплакал, и дети все, кормить было нечем. И он рассердился на этот ветер и говорит: «Где бы мне найти этот ветер? Я бы ему сказал! Почему же он моих детей оставил голодом, почему же он мне не дал даже муку донести, которую мне брат дал с таким трудом?» Ну, и решил искать идти этот ветер, чтобы ему поговорить с ним, чтоб он вернул ему эту муку, что ли.

И вот пошёл. Шёл-шёл, долго ли, коротко ли, по всем дорогам, не знает, где ветер живёт. И вот в лесу нашёл он избушку. Стоит избушка на куриных ножках, туда-сюда поворачивается. Подошёл он к этой избушке и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу задóм, к нам передóм». Избушка повернулась, и он зашёл в эту избушку. А в этой избушке сидит Баба-яга – костяная нога, а нос у ней в потолок врос. Зашёл он к ней и говорит:

– Милая бабушка, трудно тебе так сидеть?

– Да, – говорит, – трудно.

– Дай-ка я тебя освобожу.

Взял ей нос из потолка достал, ногу ей исправил. Пожил у ней денька три, познакомился, и Баба-яга полюбила этого человека. Рассказал он ей, пожаловался на ветер, что, мол, вот живу-то я плохо, детей-то у меня много. Занял я муки у брата, а ветер дунул и сдул у меня всю муку, выдул – нечем мне детей кормить. Помоги мне найти этот ветер. Ну, она раздобрилась, пожалела этого мужичка и дала ему клубок: «Вот, – говорит, – иди, куда этот клубок покатится, а ты всё за ним шагай, шагай, шагай, и он тебя приведёт, – говорит, – на высокую гору. А ты, – говорит, – не бойся, всё туда иди, иди. И вот он шёл, шёл. Но пройти, – говорит, – очень трудная дорога, очень дальняя. Тебе, – говорит, – на пути могут всякие препятствия встретиться. Вот, – говорит, – дойдёшь, и дорога на три дороги разделится. Вправо пойдёшь – смерть найдёшь, влево пойдёшь – тоже смерть угрожает, уродом будешь. А ты, – говорит, – иди прямо, там, – говорит, – всякие звери будут рычать, ки́даться, а ты, – говорит, – не бойся, всё иди, иди, иди, иди, они, – говорит, – тебя всё равно не потрогают, потому что, – говорит, – у тебя катится клубок. Это, – говорит, – мой посланец, они не имеют права, кто идёт за клубком, потрогать. Но, – говорит, – не ходи вправо и влево».

И вот он пошёл. Действительно, дорога разветвилась на три части. И он вправо не пошёл, влево, хотя там были лучше дороги, а пошёл прямо. И вот дошёл до такого места, там зверьё такое страшное! Они на него рычат, кидаются – волки. Дальше пошёл – там медведи. Дальше – там ишо рыси. Страшно мужику идти, но всё равно идёт, идёт, идёт. С ними обращается ласково: «Звери, не трогайте меня, я иду не вас бить, я иду по своим делам. Я иду к ветру, пожаловаться на ветер, почему он у меня муку из ведра выдул, почему моих детей голодом оставил. Я вас не хочу обидеть».

Все идёт, идёт, идёт. И, действительно, поднялся на такую большую гору. И сидит там такой не то как человек, не то как какой-то зверь – толстый, щёки у него красные, глаза навыпучку и дует-дует, и это и получается ветер. Он пришёл к нему и думает: «То ли ругаться на него, то ли ласково с ним обойтись?» Думает: «Нет, руганью я тут ничего не сделаю, надо тут лаской».

Подошёл к нему, и упал к нему в ноги, и говорит: «Ветер, ветер, ты могуч, зачем же ты, такой сильный, такой хороший, а оставил моих детей голодом? Зачем же ты у меня муку-то из ведра выдунул? Мне же детей кормить нечем, я же эту муку только у брата занял, чтобы детей покормить, а ты у меня и то взял».

Слушал, слушал ветер и перестал дуть, и стал разговаривать с этим человеком, с бедным человеком. И говорит: «Ну уж раз ты ко мне так отнёсся хорошо, раз ты меня назвал ласковым именем, а не обругал за то, что я у тебя выдунул, я тебе за это дам скатерть-самобранку. Вот иди, и своих детей будешь кормить, пока они не вырастут. А когда они вырастут, то эта скатерть уже не будет действовать, она уже потом износится. Так что старайся, чтоб их воспитать хорошо, чтоб они все уже встали на ноги, работали, а то потом не будет такого питания. И вот понеси эту скатерть домой».

И он взял эту скатерть. Говорит: «Когда развернёшь эту скатерть и скажешь, чтоб эта скатерть кормила. И там на столе будет пища, дети твои наедятся. А потом, – говорит, – снова завернёшь. Но она, – говорит, – кормит только один раз в день, а остальное время вы должны работать сами и приучить детей к работе».

Ну, так он и сделал. Пошёл, этот клубок у него обратно покатился. Он зашёл к этой ведьме на обратном пути, зашёл к этой ведьме и сказал ей, поблагодарил её, что она вот дала ему клубочек, что нашёл он этот ветер, что он дал ему скатерть, которая будет, значит, кормить его детей. Вернулся домой, и, действительно, эта скатерть стала ему помогать в жизни частично. Один раз в сутки она кормила, а остальное уже сами зарабатывали. Тут и дети подросли, стали работать. Ну, и скатерть потом износилась. Ну, они научились сами уже работать. Стали жить-поживать, добра наживать.

25.
ПРО ГОРШОК

Вот жил-был старик со старухой. Он, значит, лапти плёл, а старуха была ленивая – ничего не делала, всё токо больше на печи лежала, поэтому они жили беднó. Ну, а когда стало уже лето, хлеб поспел, колосья, всё равно есь-то хочется, она пошла и стала колоски обрезать. Колоски обрежет, принесёт домой, кашу сварит из зерна. А старик всё лапти плетёт.

И вот однажды она пошла за этими колосьями. А колосья-то срезать не разрешали всё-таки, хлеб-то ведь тех хозяев, кто сеял, дак жалко было. Слышит – кто-то идёт. Она спряталась за ёлку, а ёлка была широкая, большая, и сидит. Смотрит – подошли двое мужчин. Подошли и тоже сели к этой же ёлке и что-то достали из-под корня этой ёлки и говорят: «Скатерть, развернись!» У них скатерть развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко нали́лось. «Кашка, заварись!» Кашка заварилась. Они поели этой каши с молочком, похлебали. А, «Хлебушко, появись!» Хлебушко появился. «И по рюмочке!» И по рюмочке появилось.

Они, значит, наелись, опять это всё свернули и опять спрятали под корень и ушли. А старуха выглядела. Как это они ушли, она схватила этот, эту скатерть (она была завёрнута, как зонтик) и притащила домой, а старику не показывает. И говорит:

– Ступай, старик, куда-нибудь!

Он говорит:

– Да я щас пойду вон лапти продавать на базар.

Ушёл.

Она достала этот зонтик как свёрнутый и говорит: «Скатерть, развернись!» Развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко нали́лось. «Кашка, заварись!» Кашка заварилась. «Рюмочки, появитесь, бутылочка, хлебушко!» И всё тут появилось, что она потребовала. Она наелась и опять ушла на́ печь, лежит. И всё спрятала это от старика. Скатерть свернула опять обратно и спрятала.

Старик пришёл, там денежек, сколько-то продал лапти, денежек принёс, чаю купил да хлебушко купил.

– Иди, старуха, есть!

– Не, не хочу!

– Иди, старуха!

– Не, не хочу!

Не стала со стариком есть, так как она была сытая.

Вот уйдёт старик или в лес, или на базар, она достанет эту скатерть, наестся, а старика не кормит. Старик думает: «Как это старуха у меня всегда сытая стала, чем она питается? Чем-то она питается?» И не стала ничего ни стряпать, ни варить, и старика не стала кормить совсем.

Сказал, что в лес уйдёт, а сам на окно поставил доску с обратной стороны, залез на эту доску и смотрит в окошечко, что делает старуха. А старуха вытащила из голбца эту скатерть, поставила на стол и говорит: «Скатерть, развернись!» Скатерть-то развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко налилось.

А у него доска-то возьми да и подломись под ним, и он полетел. Ну, старуха-та услышала, что там что-то застучало. И ему больше показаться-то уж неудобно стало. Скорей-скорей прикрылся да и убежал, не показался старухе-то.

Пришёл домой и говорит: «Старуха, тебя соседка в гости заказывала!» Ну, старуха пошла в гости.

А он достал эту скатерть, он знал, где она, он видел, откуда она взяла. Достал эту скатерть и говорит: «Скатерть, развернись!» Ну, пока он доставал да пока там, она в соседи-то. «Скатерть, развернись!» Скатерть развернулась. «Чашечка, появись!» Чашечка появилась. «Молочко, налейся!» Молочко нали́лось, а дальше-то не знает, что говорить. Молочко-то из чашки-то и побежало, побежало на пол, ну и на полу много нали́лось молока-то. Он не знает, куда деваться. Залез, значит, это, на лавку – на лавки молоко добежало; он, значит, на голбец забрался – и на голбце; он на печь – и до печи. Всё, полный дом стало. Всё молоко это и льётся, и льётся, и льётся. Много всё. Ну, он на полати – оно на полати, там всё молоко добирается.

Той порой идёт старуха. Как открыла на неё дверь-то, да как молоко-то на неё хлынет. Она чё-то увидела и закричала: «Кашка, заварись!» И кашка и заварилась, и полный дом стал каши.

Ну, а старухе всё-таки к старику-то охота как-то.

– Где ты, старик, живой?

– Живой!

– Ну дак давай, – говорит, – оттуда, ну, проедай дыру!

И вот они, чтобы один к другому проесть дыру, дак три года эту кашу ели, всё ели, больше и не работали, ничё, всё этой кашей питались. Ну, под остатки-то уж потом, остальную-то лопатой выгребли, на улицу выбросили.

А люди всё думают: «Как это они, где это они что берут?» Ну, потом добрались они до этой скатерти всё-таки и стали питаться этой скатертью. Ну, а старику, конечно, не терпится, ему вот самому одному не хочется питаться, дак он собрал потом всех деревенских мальчишек, которые плохо питались, и стал их подкармливать. Всех людей, которые плохо жили, стал, это, через эту скатерть подкармливать.

Ну, так они и дожили до старости. Уж потом кому эта скатерть досталась, уж неизвестно.

26.
ПРО ИВАНУШКУ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живём, жил да был старик со старухой. И был у них сын Иванушка. Заболела у них старушка и умерла. А старик взял другую жену с двумя мальчиками. Новая мама любила своих сыновей, а Ванюшку нет, обижала его и пищей, и работать заставляла больше, чем других. И выросли дети, и стало им лет по двадцать и больше. Провели они посев, и мать им сказала: «Пока делать нечего, поезжайте в город, заработайте деньги, нынче зимой вас женить будем. Купите для себя брюки, рубашки, фуражки и для будущих невесток подарки». Стала собирать их в путь-дорогу. Напекла им пирогов да шанег.

А Ванюша всё это слышал и знал, ему тоже хотелось заработать денег и купить для себя наряды и для невесты. Мать сказала: «Ты будешь чистить двор, пасти скот, помогать в хозяйстве». Ванюша заплакал. Пожалел его отец и сказал: «Ладно, Ваня, поди вместе с братьями. А я за тебя здесь буду работать».

И Ваня пошёл с братьями. Но еды ему мать не собрала в котомку. Шли они, шли, устали, сели, поели, а у Вани нечего есть. Пошли дальше, шли, шли, ночь стала. Костёр разожгли, поели, переночевали, дальше пошли, а у Ванюши нечего есть. Так и на второй, и на третий день. Не вытерпел он и попросил у братьев: «Дайте хоть один пирожок». Они дали ему половинку и дальше пошли. Шли, шли, и дальше пошли, и стали обедать. Ваня опять у них попросил шанежку. «Сколько ты будешь выпрашивать у нас? Зачем ты за нами идёшь?» Набросились и избили его. Глаза подбили, он не стал видеть. Они от него убежали.

Остался Ваня лежать, так как не видел, куда идти. Ели его комары, мухи. И прилетели три ворона. У него даже спичек не было костёр разжечь. Лежит он, поджидает себе смертоньки, прислушивается ко всему. И слышит: какие-то птицы прилетели и сели на какое-то дерево. Одна говорит: «Кар. Я новость знаю. Есть город, где нет воды. Люди копают колодцы, но воды не

достанут. Все хотят пить, но умирают с голоду». Вторая птица: «Кар. Я, – говорит, – тоже новость знаю. Заболела у царя дочь. И кто её вылечит, такой приказ издал царь, и в приданое половину своего владения. И когда умрёт, передаст все владения». Третья птица: «Кар. Вот тут недалеко есть живая вода. Если кто-то капнул бы её в колодец, появилась вода. Если дал бы капельку царевне, она бы поправилась». Всё это выслушал Ванюша. Птицы улетели. Стал Ванюша шлёпать по земле, руками искать воду, круг проползёт, другой проползёт. И нашёл эту воду. Помочил себе один глаз и стал видеть, помочил второй, и второй стал видеть. Он умылся этой водой, и у него сошли все синяки. И он понял, что это та вода, о которой говорили птицы. И ему захотелось помочь людям. Как взять этой воды, в чём нести? Он ходил, придумывал, искал, нашёл жёлудь, достал зёрнышко и в эту желудку набрал воды, закрыл её пальчиками и пустился в путь.

Долго ли, коротко шёл, спрашивал у людей и зашёл в этот город. Шагал-шагал по дороге, видит – лежит мышь, задавленная колесом. Жалко ему стало, и он её капнул этой водичкой, и мышка ожила. Спросила:

– Как тебя, молодец, зовут?

Она поблагодарила:

– Спасибо тебе, Ваня, и когда потребуюсь, ты меня позови.

Он спросил:

– Как тебя позвать?

Она сказала:

– Пи-пи-пи... И я приду.

Шёл, шёл, устал, сел отдыхать на обочину дорожки. А на цветке ползает пчела без крылышек, кто-то крылышки объел. Жалко ему стало пчёлку, он и ей дал водички, у пчёлки крылышки выросли. Она тоже поблагодарила Ванюшу и сказала:

– Если я тебе буду нужна, позови.

– Как тебя позвать?

– Скажи: жу-жу-жу, и я прилечу.

Идёт Ванюша дальше и слышит: кто-то стонет. И он увидел за стогом сена волка. Его кто-то ранил, и он не мог ходить, он взял и тоже водичкой помазал волка, и волк поблагодарил его и сказал:

– Если я потребуюсь, ты меня позови.

– Как тебя позвать?

– Скажи: у-у-у, и я прибегу.

И пошёл дальше, и нашёл этот город, где нет воды. Люди копают колодцы, дети и женщины плачут, все просят пить, а воды нет. И он подошёл, поздоровался с ними, спросил, почему они не могут найти воду, и сказал: «Сейчас будет вода». Капнул в колодец, и колодец стал наполняться водой, и даже через верх, образовался ручеёк, из ручейка небольшая речка. И люди прямо пали на колени и пили эту воду, пока не напились. Прибежали все животные, стали воду пить. Стали домой воду носить, стариков, малых детей поить. И стали все просить Ивана, чтоб он остался жить в этом городе, они построят дом для него, найдут невесту, справят большую свадьбу. Только чтоб он жил в этом городе, и всегда была вода. Поблагодарил он, сказал, что ему ещё работа есть, и пошёл дальше.

И нашёл тот город, где жил царь. А там кругом висели объявления: кто вылечит царскую дочь, её за того отдадут замуж и полцарства в приданое, а когда царь умрёт, он будет царём. Он попросил, что он может вылечить дочь. Ему не поверили:

– Врачи, доктора были, а ты такой – проходной.

Он сказал:

– Вылечу. Проводите меня в ту спальню, в которой она лежит.

Чтоб оставили его там одного. И он остатки воды дал ей попить, умыл её этой водичкой. И царская дочь зашевелилась, открыла глазки. А была она очень красивая, и Ванюше она понравилась. Он стал с ней разговаривать, и она полюбила его. Она знала об этом, что отдадут замуж.

– Я буду твоей женой.

После этого стали собирать свадьбу, стали показывать людям жениха царя. И при этом показе увидели его братья. Они были в работниках у этого царя. Они Ванюше не сказались, а пришли к царю, упали на колени и сказали, что они знают этого парня, что он колдун. Делали они это из-за зависти, не хотели, чтоб ихний Ванька стал царским зятем. И сказали, что он может сделать то, что он хочет. Вот, например, там скирды стоят, что он может обмолотить в одну ночь.

Вызвал его царь к себе и сказал, что:

– Я не хочу отдавать за тебя свою дочь. Вот если ты обмолотишь в одну ночь эти скирды – тогда отдам. А не то мой меч – твоя голова с плеч.

Заплакал Ваня, пошёл домой. Ушёл от царя и всё думал, как обмолотить эти скирды. Вспомнил про мышку, сказал: «Пи-пи-пи». Прибежала мышка: «Что тебе надо, Ваня?» – «Мне надо обмолотить скирды». Она сказала: «Вставай завтра поране, иди на ток, бери лопату и загребай зерно». Она побежала, закричала: «Пи-пи-пи», и собрала всех мышек. Обмолотили это зерно. Зерно в одну кучу, солому в другую. А утром Ваня подгребал лопатой зерно.

Царь увидел это, понравился ему зять, и снова стал он готовить свадьбу.

И снова пришли братья к царю и сказали: «Не отдавайте дочь», что он колдун, что он похваляется построить восковый замок.

Вызвал его царь к себе и сказал, что:

– Я не хочу отдавать за тебя свою дочь. Вот если ты построишь в одну ночь восковый замок – тогда отдам. А то мой меч – твоя голова с плеч.

Заплакал Ваня, пошёл, вспомнил про пчёлку и сказал: «Жу-жу». И прилетела к нему пчела. Он рассказал, что надо построить восковый замок. Она сказала: «Вставай утром пораней и поколачивай зауголочки молоточком».

А утром проснулся царь, увидел замок и вспомнил, что давал такой приказ. И стал снова готовить свадьбу.

А братья снова явились на поклон царю и сказали: «Не отдавай дочь», что он похвалялся собрать всех зверей.

Царь его вызвал: «Соберёшь зверей – отдам дочь. А то мой меч – твоя голова с плеч».

Заплакал Ваня, пошёл к лесочку. И вспомнил про волка, сказал: «У-у-у». Волк прибежал: «Садись на меня, держись за уши». И повёз его в лес. Там было дупло: «Слезь с меня, возьми с этого дупла плётку и трубу». Он слез, взял и снова сел на волка. Волк побежал по лесу. Ванюша заиграл в трубу, защёлкал плёткой и всех зверей пригнал к царскому двору. А звери были злые, друг друга кусали, визжали. И царь проснулся от этого шума и закричал: «Отгоните этих зверей обратно». Иван сказал: «Нет, не отгоню, пусть они разорвут тех людей, которые приносили вред, которые наговаривали на меня. Не выдашь – тогда я зверей не разгоню».

Царю было деваться некуда – он своих работников показал Ване. Он в этих людях узнал братьев. Они упали на колени перед ним

и попросили у него прощения. И царь восстал за них: «Прости их, Ванюша, я отдам за тебя дочь и соберу большую свадьбу, и когда умру – будешь царём». И согласился Ванюша не убивать братьев, и была весёлая большая свадьба.

И я там была, мёд-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. И дали мне на свадьбе в подарок шлык, да оттуда меня – швырк. И пошла я в лес с этим шлыком, села отдыхать. Его положила под кору, и теперь не знаю, под котору...

26.1
ПРО ИВАНУШКУ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живём, жил старик со старушкой. И был у них единственный сын – Ванюшка. Шли какие-то времена, и мама у него умерла. А старик не хотел ещё один жить. Взял вторую жену ещё с двумя сыновьями.

Стали жить снова старик со старухой и три сына. Жили, всё по хозяйству правили, сделали. А вот на осень, когда справились со всеми полевыми работами, мать им сказала, что:

– Пойдите вот вы, сыновья, в город, заработайте себе денег, себе хотя бы на свадьбу. Купите себе наряды, для невесты купите нарядов. А мы потом вас женить будем, когда вы это всё заработаете.

А Ваня это всё выслушал и говорит:

– Я тоже хочу идти.

А мать сказала:

– Нет. Только пойдут вот эти двое. А дома надо вести хозяйство. Надо и за скотом ходить, надо и во дворе убирать.

Ну, Ваня заплакал, всё равно стал проситься: ему тоже хотелось заработать денег, тоже уже взрослый, тоже думал о свадьбе, о невесте. Отец пожалел своёго сына Ванюшку: «Ладно, – говорит, – иди, Иван, тоже вместе с братьями. Я буду за тебя делать. И со скотом буду убираться, и во дворе убирать».

Ну, мать для своих-то сыновей напекла на дорогу пирогов, шанег, собрала им котомки. А для Вани-то ничего и не приготовила. Но всё равно пошли. Идут день, сели, поели, а у Вани-то нечего есть. Идут второй день, опять. Идут-идут, сядут, поедят, а у Вани нечего есть. Он есть хочет. Он и попросил у братьев:

– Братья! Дайте мне хоть один пирожок.

Ну, они ему бросили один пирожок. Съел, а что? И не наелся нисколько, а всё равно опять идут, опять сели, опять отдыхают, опять пирожки да шанежки едят. Ваня говорит:

– Дайте мне ещё хоть пирожок.

– Ты сколько будешь всё выпрашивать? Всё дай да дай. Чё мы тебя доложны кормить?

Ну, он так голодом пошёл, опять за ними плетётся. Шёл-шёл, опять они едят. Ночь пришла, поспали где-то около леса. А у Вани опять есть нечего. Он снова говорит:

– Ну, дайте мне хоть половину шанежки.

– Вот, – говорит, – сколько ты будешь выпрашивать?

Набросились на него и избили его.

– Вот и не плетись за нами.

И так ему лицо всё избили, что он даже глазами не стал видеть. И оставили его тут в лесу, потому что он не мог идти: дорогу не видел.Остался, а они ушли, бросили его. Мухи едят, комары кусают, хотя и была осень. Всё равно страшно. Ну, думает, тут моя погибель, всё равно мне не выйти отсюда.

Сидит около ёлочки. Вдруг слышит: прилетело три птицы, ну, видимо, вороны, сели на ёлку на высокую и между собой разговаривают. А он слышит, как будто они разговаривают человеческим голосом. Один говорит:

– Кар-р-р. Я знаю такую новость. Вот в одном городе у царя дочь очень болеет. И он дал такой приказ: кто вылечит эту дочь, за того и замуж отдаст, и полцарства отдаст. А когда умрёт, так может и всё царство перейти в руки этого человека, который вылечит его дочь.

А второй говорит ворон:

– Кар-р-р. Я тоже знаю. Вот в одном городе нет воды, и все люди пить хотят. Копают колодцы, и сколько копают, копают, а всё воды нет и нет. Прямо с голоду все мрут, умирают. А так скот тоже пить хочет.

А третья говорит:

– Кар-р-р. Все эти ваши беды можно исправить. Вот тут недалеко есть живая вода. Вот если бы этой живой воды капнуть бы немножко в колодец, и вода бы появилась. Или бы этой живой воды вам дать бы этой царской дочери попить или помыть бы ей лицо, она бы и ожила.

Вот Ваня всё это выслушал. Улетели птицы. А Ваня и думает: «А где же эта живая вода? Они сказали, что тут недалеко. Надо бы её найти». А сам не видит. Вот он стал ползком. Ползут, а руками по сторонам ищет эту воду, хлопает. Круг обошёл – не нашёл воды. Второй круг побольше взял пошире. И опять обошёл – опять воды не нашёл. Третий раз пошёл, всё равно руками ищет эту воду, хлопает по земле. И действительно, чё-то у него там забулькало. И он нашёл. Взял и помыл себе один глаз этой водой – ну и этот глаз стал у него видеть. Он встал и второй глазик помыл, и второй стал видеть. Он обрадовался, что он увидел свет. Взял снял с себя рубашку и сам вымылся этой водой. И сделался совсем другим парнем – красивым, здоровым и как будто и есть не захотел, напитался бы этой воды. Такой жизнерадостный! И думает: «А как бы это мне людям помочь? Как бы сделать, чтобы людей напоить? Я-то вот сам-то напился, я вроде и сытый стал. А как же людям помочь, чтобы у них вода была? Или бы этой вот царской дочери помочь, чтоб она живая была. Ведь не хочется же такой молодой умирать». А в чём взять воды? У него нет с собой, ничего нет. Думает: «Как же бы этой водички прихватить?» Ходил-ходил, думал-думал и нашёл жёлудь от дуба. Взял, зёрнышко оттуда достал и в эту желудочку он набрал воды, так между пальчиками зажал эту воду и идёт.

Идёт по дороге, он дорогу теперь уже увидел, знает и идёт-идёт по дороге. Смотрит: на дороге лежит мышь, колесом придавило, видимо, её. Лежит, попискивает.

– Ох, ты, матушка-мышка, кто же это тебя так, нечаянно проехал по тебе?

Ну-ко отнёс её в сторонку, водичкой этой помазал. А мышка и ожила и говорит:

– Спасибо тебе, молодец. Как тебя зовут?

Он говорит:

– Ваня.

– Ну, спасибо тебе, Ванюшка! Я, когда тебе нужно будет, тоже помогу.

– А как ты мне поможешь? Как я тебя найду?

– А ты скажи: «Пи-пи-пи-пи...» Я к тебе сама прибегу.

– Ну, ладно, – говорит, – если когда потребуется, я тебя позову.

И мышка побежала, обрадовалась. А он опять снова по дороге идёт. Идёт-идёт по дороге, идёт. Слышит, с дороги сошёл немножко отдыхать, смотрит: там стог сена, а за стогом волк. Воет как бы такими слезами. Он пошёл: «Кто это там так плачет?» Подошёл, а там волк.

– Что, – говорит, – случилось?

– Да вот, – говорит, – подстрелили меня. Ногу. И бегать я не могу. Ловить, пищи я не могу себе достать.

Ему стало жалко волка. Взял, этой водичкой волка помочил, и волк ожил, сказал:

– Спасибо. Спасибо тебе. Как тебя зовут?

– Ваня.

– Спасибо тебе, Ваня! Я тебе тоже когда-нибудь пригожусь.

– А как мне тебя найти?

– А ты скажи: «У-у-у-у…», я и сам тогда тебя найду.

Ну, ладно, разошлись. Опять Ваня идёт по дороге. Идёт, идёт, идёт, сел отдыхать. Смотрит: пчела на цветке. Ползает, а лететь не может. Крылышки кто-то у ней объел. Ему жалко стало пчёлки: «Что же ты так, пчёлка?» Ну, и решил тоже помочь. Опять этой водичкой её помочил – и пчела полетела, ну, и одновремённо сказала:

– Как тебя, молодец, зовут?

– Ваня.

– Тебе если надо будет когда меня, то позови, я тебе тоже помогу, раз ты мне помог.

– А как тебя позвать?

– А ты: «Жу-жу-жу», я и прилечу.

Вот пошёл Ваня дальше. Шёл, шёл, кто-то там встретился, он спросил, где это такой город, где нет воды. Ему сказали направление. Он зашёл в этот город. Смотрит: копают колодцы. Воды нет, все люди изморённые такие. Ему жалко людей. Он подошёл к колодцу:

– Что?

Говорит:

– Да вот воды не можем достать, все пить хочем.

Он взял и туда несколько капелек капнул в колодец, а там вода появилась, появилась, стал колодец наполняться, наполняться, и вода поплыла, поплыла, сделался такой ручеёк, а потом как бы… А люди упали на колени и стали пить эту воду прямо напáдкой. Другие скорей побежали домой за посудой, чтобы принести да своим детям, своим старикам этой водички. Все обрадовались, а вода всё бежит и бежит, бежит и бежит. Ну, все набрали воды, обрадовались. Узнали:

– Как тебя, – говорит, – зовут?

– Ваня.

– Ты, – говорит, – живи в нашем городе, чтоб у нас всегда была вода. Мы тебя будем поить, кормить, одевать. И работать тебя не заставим.

Он говорит:

– Нет, я не праздный человек. Я люблю сам работать, не хочу я, чтобы вы были в обиде. Сделал я вам водичку, ну и пейте на здоровье, а я дальше пойду.

Пошёл дальше. Шёл, шёл и вот до того города дошёл, где царь живёт. А там объявления кругом повешенные: «Кто вылечит царскую дочь, за того замуж выдам и полцарства отдам. И если умру, то, может быть, всё царство достанется». Ну, Ваня говорит: «Чё, чё, надо

попробовать». И пошёл к царю. Стал просить его милостины, чтобы дочь вылечить. Он говорит:

– Да какой же ты? Проходимец. Да у нас врачи тут всякие бывали, доктора. Кто откуда только ни приезжал, и то вылечить не могут. А ты какой-то проходимец.

– Ну, я попробую. Я думаю, что я вылечу.

Ну, пустил его царь в эту комнату, где эта девушка лежит. Она уже лежит такая больная. Цвета у ней настоящего нету. Плохо светится. Ну, он взял этой водички, лицо ей... а у него водички-то уж совсем мало осталось, желу́дочка-то ведь маленькая, да пока нёс, там ишо высохло, да пока всех, это, наградил. Ну вот последними каплями всё равно он её ещё умыл, дал ей попить. Смотрит: она зашевелилась, как будто лицо порозовело, глаза открылись. И спрашивает:

– Ты кто?

– Да я, – говорит, – Ваня. Я, – говорит, – вот узнал, что ты болеешь, я пришёл тебя попроведать, вылечить. Вон, – говорит, – объявление висит.

Она говорит:

– Да, я знаю. Я ещё когда только начала болеть, уже отец дал такие: «Кто вылечит, за того замуж отдам». А ты, – говорит, – Ванюша, мне очень понравился. Молодой парень, ну. Ты, – говорит, – меня возьмёшь замуж?

Он говорит:

– Да, возьму.

И вот они уже, уже тут же понравились друг другу и якобы как бы и договорились о том, что он её возьмёт замуж, она будет его невестой. Объявили это царю. И царь был согласен, потому что вылечили его, с радости – вылечили его дочь.

Стали собирать свадьбу. И через несколько дней к царю приходят два человека, падают ему в ноги и говорят, что не надо за этого человека отдавать вашу дочь, что это колдун несусветный, что он вот чё придумает, то и может как-то сделать.

– Что-то вот само собой у него получается.

– А что, например, он может сделать?

– Ну вот хотя бы, вон стоят, – говорят, – вот там скирды, если, так он вот хвастался, что он может обмолотить их в одну ночь.

Ну, царь говорит:

– Надо опробовать.

Вызывает этого Ивана к себе и говорит:

– Вот прежде, чем взять мою дочь замуж, говорят вот, что ты хвастался, что ты эти скирды можешь обмолотить. Если вот обмолотишь, то я тебе отдам дочь. А если не обмолотишь, то нет.

Ну и задумался Иван: как эти скирды в одну ночь обмолотить? Вечером пошёл во двор и вспомнил про эту мышку. И говорит: «Пи-пи-пи-пи!» Прибежала мышка:

– Что тебе, Ваня, надо?

– Да вот мне сказали скирды обмолотить.

– Так ложись спать. А утром иди, лопатку бери да зерно подгребай.

А сама побежала, всё: «Пи-пи-пи-пи-пи!» И всех мышей собрала. Много-много. И они в эту ночь всё обмолотили зерно. Всё зерно в кучку, солому в кучку столкали, сделали, стога сметали. А утром проснулся Ваня, взял лопатку, смотрит: там всё обмолочено. Ходит, лопаткой зерно подгребает. А царь проснулся, смотрит: где скирды-то? Нет скирд. Пошли, а там всё обмолочено. Ну что, куда деваться? Раз слово дал, что, если обмолотишь, отдам. Опять стал свадьбу собирать, опять стали как бы жениха показывать, что вот

такой-то жених у нас есть. Ну и опять эти двое идут, опять царю в ноги падают:

– Не отдавай свою дочь. Он опять вот грозился сделать, вот замок восковой может построить!

– Да что? Какой это он? Как это он может построить?

Опять вызывает Ваню:

– Ну, Ваня, вот, говорят, ты замок можешь построить. Я тебе не отдам дочь, если ты замок не построишь!

– Какой замок?

– Да вот восковой.

Ну, как построить замок? Не знает. Пошёл опять, расстроился. И тут вспомнил про пчелу.

– Жу-жу-жу-жу-жу!

Прилетела пчела:

– Что тебе надо, Ваня?

– Да вот, говорят, велели замок восковой построить.

– Так что? Это не беда. Давай ложись спать, а утром зауголочки иди околачивай. Бери молоточек да.

Ну, лёг Ваня спать. А пчела, много пчёл налетело, со всего света, наверное, много. И они все: «Жу-жу-жу-жу». Всю ночь строили-строили и восковой замок построили. Да такой красивый, с такими вышками! А утром царь проснулся, говорит:

– Что-то мне с этого окна темно?

– Дак, – говорят, – там замок построили.

– Да кто?

– Да Иван построил.

Он вышел, смотрит, а Ваня зауголочки околачивает. Ну, куда? Дал слово – опять, видимо, надо свадьбу собирать, опять дочь надо отдавать. А в третий раз идут эти двое мужчин, опять снова в ноги падают:

– Не отдавай! Вот он говорит, что может даже со зверями вести речь, разговор, что может даже собрать вот зверей в одно стадо.

Ну, тут рассердился царь опять:

– Что это такой человек? Как это он зверей может собрать?

Ну, опять вызывает Ивана, говорит:

– Ну вот, Иван, тебе такое задание. Говорят, что ты хвастаешься, что зверей можешь собрать.

Он, ну как, куда деваться? Опять дочь не отдают замуж. Тогда он опять пошёл вечером, около леса идёт:

– У-у-у-у!

И прибежал к нему волк:

– Что, Ваня, ты? Какая у тебя забота?

– Да вот велели всех зверей собрать.

– Так это разве долго? Давай садись на меня!

Вот он сел на волка. Волк в лесу подбежал к одному дуплу:

– Слазь, – говорит, – вот там, в этом дупле, возьми плётку и рожок и снова садись на меня. В рожок играй, плёткой щелкáй! И поехали. Держись мне за уши одной рукой.

Так он и сделал. Сел на волка. Одной рукой держится за уши волка. В одной руке у него и плётка, и трубка. Едет, трубит, плёткой щелкáет! Звери все как будьто это услышали и побежали, побежали. Он как будто их загоняет. Всех они собрали. Ну, тут волк приказывает, что к царскому дворцу, и всех этих зверей загнал в царские ворота, около дворца. А они – зверьё есь зверьё – стали друг друга кусать, выть, драться. Царь проснулся:

– Что это такое? Что это? Кто это?

Посмотрел в окно, а там всякого зверья.

– Ну, разогнать, – говорит, – это всё зверьё! Вызвать, кто это собрал?

– Да это, – говорит, – вот Иван.

– Позвать ко мне Ивана! Убери, – говорит, – этих зверей!

А Иван говорит:

– Нет, не уберу. Потому что, – говорит, – уже третий раз ты обещал мне отдать дочь замуж, а не отдаёшь. Я теперь это зверьё не буду убирать. Вот, как хотите, так они и пусть, это зверьё, тут будет жить.

Он говорит:

– Отгони, отгони, я тебе уже отдам дочь. Уже больше я не буду никого слушать.

А вот говорит:

– Покажи кто.

– А ко мне, – говорит, – я это не сам придумал. Ко мне вот приходят мои рабочие и говорят.

– А покажи, – говорит, – мне этих рабочих.

И царь был вынужден показать этих двух мужчин, которые к нему приходят и жалуются на Ванюшу. А Ванюша и узнал в них своих братьев. Это были его два брата, которые оставили его в лесу слепого. Ну, рассердился он на братьев. Но тут стали уж опять снова показывать его, жениха, стали свадьбу собирать. А они упали на колени, стали прощения просить: «Прости нас, Ваня!» Жалость у Вани появилась. Жалко этих братьев. Как же это он позволит, чтобы братья… Вместе работали, вместе жили, и вдруг это их, какое-то им наказание дать. Смилосердился и позвал на свадьбу их и отца с матерью из деревни. И был такой пир большой.

И я там была, мёд-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А на прощанье дали мне шлык в подарок, да меня в подворотню – швырк. А я пошла по лесу, пошла да села куда-то на кору на какую-то. Положила этот шлык… Села-то я на кору, а шлык положила под эту кору, ну и теперь так и не знаю, под котору... Так вот и живу. На том и сказке был конец.

27.
ШЁЛ СОЛДАТ СО СЛУЖБЫ (СОЛДАТ РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ)

Шёл солдат со службы, тоже шёл, шёл. И обычно у солдата есть нечего. И путь дальний идти. Сколько там было сухарей – всё уже съел. Зашёл на квартиру, попросился ночевать, а старик ему и говорит:

– Вот если будешь мне рассказывать сказки всю ночь, дак тогда, – говорит, – это, я тебя пущу ночевать, а если не будешь рассказывать, то не пущу.

И вот солдат согласился:

– Ладно, – говорит, – буду рассказывать.

– Где ты бывал, что ты видал, как ты жил?

Ну, и поужнали они, покормила их старуха, и легли на полати солдат и дед. Лежат.

– А давай, – говорит, – рассказывай теперь сказки.

Ну, и пришлось солдату рассказывать. Сначала рассказывал, где служил, что видел, какая длинная служба была, а потом уж и на сказки перешёл: и про медведя, и про волков, и про зверей. Старик слушал, слушал да и уснул. Уснул, да и приснилось ему зверьё-то это, он испугался да и с полатей-то и упал на пол. Упал на пол, а солдат-то уснул уже крепко. Шёл, устал, крепко спит, не слышит.

А старик упал на пол, к нему старуха бежит:

– Ой-ой, что же ты, старичок, почему же ты упал?

– Не подходи ко мне, старуха, я не старик твой, я – волк!

– Как, – говорит, – волк? Ты же не волк, ты же мой старичок.

– Нет, я теперь волк. Иди, то я тебя съем.

Испугалась старуха.

– Это, – говорит, – был вовсе не солдат, который к нам зашёл ночевать, это, – говорит, – был медведь. Он, – говорит, – позвал всех зверей сюда и сделал меня волком. Теперь я волк. А ты, – говорит, – старуха, теперь будешь волчица. Не подходи! Если ещё пока ты не волчица, не подходи, я тебя съем!

Тут завыла старуха, заплакала:

– Да что же ты, милый мой старичок, ой, да ведь ты же мой старик, да ведь мы же с тобой долго прожили! Да какой же ты волк? Да ведь это же солдатик зашёл ночевать.

Он всё равно своё:

– Не подходи, не подходи!

Ну, потом всё-таки, нет и нет, она старалась его вразумить, и солдат-то проснулся:

– Что, – говорит, – случилось?

– Да вот, – говорит, – в волка превратился.

Ну, нет и нет, а вразумили старика, что он действительно не волк, а старик. И солдат ему сказал:

– Вот, – говорит, – не надо много сказок-то слушать, а то ведь действительно потом превратишься в каких-нибудь зверей.

И стал после этого старик умней – не стал выпрашивать у всех сказки, а стал спать уже более крепким сном.

28.
ПРО ОХОТНИКА

Ну, я бы не сказала, что это, – сказка или быль, мы раньше считали это былью. Что якобы в одной деревне в старину, и не только в одной, и в других деревнях, в старину, когда пройдёт страда и осенняя уборка картофеля, когда убирают лён, то большинство мужиков отправляются на охоту, в леса, чтобы поймать какую-то дичь, убить белок, лис, волков, и чтоб заработать себе денег.

И вот однажды пошли мужики в разные стороны. И вдруг в лесу один человек потерялся. Когда вечером пришли с охоты, а его нет и нет, нет и нет. И на второй день охотники пошли в этот лес, искали его, искали, а дело было осенью, холодно было уже, снежок так уже начинался, а его так и не нашли.

Ну, дома семья очень переживала: куда, мол, это девался наш муж, наш отец?

А он вот шёл, шёл по лесу, и вдруг земля под ним оборвалась и он упал в глубокую яму. Упал – и вдруг земля над ним как-то задёрнулась, и он оказался в этой яме. И там какая-то дорожка перед ним открылась, и он пошёл, пошёл по этой дорожке. Думает, что раз тут сверху закрылось, может быть, там где-то есть, выход найдёт.

Ходил, ходил, туда идёт дорожка, сюда дорожка, опять придёт в тупик, опять ничего нет.

Но вышел в одно место, там, вроде, посветлей. И смотрит: такое место большое, открытое, как подземелье какое-то. В середине белый камень стоит, как стол большой. А по углам он посмотрел, обратил внимание, а там кого только нет! И все пресмыкающие: змеи, ящерицы, ужи – все они свернулись калачиками, лежат, только глазами посверкивают. Походил он, походил, пошагал через них – больше выйти некуда. Убедился, что хода нет, деваться некуда, и решил остановиться в этом подземелье. Сел в уголок и сидит. День прошёл – сидит, два прошло – сидит. Есть захотел, стал наблюдать. Хоть когда и темно, а когда разглядишься, то видно, что-то где-то просвечивает или от этого стола светится или ещё что-то. Видно, как змеи лежат и немножко пошевеливаются, видно, как ящерицы лежат. Больше все стаями такими, кучками.

И вот смотрит: одна змея зашевелилась, зашевелилась. Он испугался, думает, что вдруг она сейчас к нему подойдёт. Нет, она пошла, зашевелилась, поползла, поползла вот к этому камню. Пришла к этому камню и давай его лизать. Полизала, полизала и ушла опять снова на своё место, легла, опять свернулась, только глазёнками сверкает. Смотрит: вторая змея зашевелилась, больше, чем первая, опять поползла к камню, опять камень полизала, полизала, опять ушла на своё место.

Он боится шевельнуться: вдруг такие змеи нападут на него. Вдруг смотрит: ужи даже оба враз зашевелились, заходили, вдвое пошли к камню, опять камень полизали.

Смотрит, и ящерицы через несколько дней тоже к этому камню подбегают. Вот ему стало интересно: а что же это такое? Почему же они что-то все этот камень лижут?..

«Дай-ка, я посмотрю, что это за камень». Подошёл он к этому камню, пощупал сначала его – он твёрдый, действительно, как камень, но что-то показалось, что можно его и лизать, и он тоже стал лизать.

Полизал этот камень, как будто от него... что-то такое питательное, как будто вот он наелся и стал сытый.

Напитался от этого камня, и камня не убыло. Он не слизался с этого места, где бы он ел. Снова в уголок ушёл. Опять сидит. Всё, ну сколько-то спит, сколько-то смотрит, наблюдает, наблюдает, как эти змеи все живут в этой яме, питаются, ходят попеременно каждая. И он через некоторое время, как захочет есть, так идёт к этому камню. Идёт, полижет этот камень – и сытый. Снова в уголок забивается. И так прошла зима.

Чувствует он, что, вроде, должна наступить весна. И действительно, змеи стали почаще подходить к камню, чаще стали питаться – вроде зашевелились все. И в один прекрасный день они, значит, зашипели, зашевелились.

И среди них был такой один главный, что ли, змей, самый большой, как организатор какой-то, как над всеми змеями змей. Он вперёд пошёл, пополз, за ним змеи, потом ужи, потом ящерицы.

Он смотрит: куда-то они собираются идти, и он примкнул среди змей. Они идут, идут, ползут, ползут. И он тоже так пригибается вместе с ними, тоже как бы ползёт, идёт по коридору по какому-то, какая-то дорога образовалась.

Идут, идут и стали выходить. Выходить стали на поверхность. Вышли на поверхность – поползли в разные стороны. А старший преградил

ему дорогу и стал ему человеческим голосом говорить: «Я, – говорит, – знаю, что ты попал нечаянно в наше гнездо. Я видел, как ты себя вёл. Но ты, – говорит, – не обидел нас никого, не стукнул, не прижал. Также, надеюсь, ты и впредь, и когда будешь жить на воле, то постарайся нас не бить, а защищать, мы тоже вот ведь вреда плохого сильного не делаем, мы только обороняемся, кто на нас наступает, кто нас старается чем-то обидеть, то мы только ведь на тех тоже стараемся напасть. Но, – говорит, – особенно людям не рассказывай, где ты был и как ты жил, а то, – говорит, – у тебя могут быть несчастья».

И вот он вышел и потихоньку пошёл домой. Пришёл домой. Ну, все стали спрашивать: где он был, как он прозимовал зиму, где он жил? А он уж помалкивает. Ну дак конечно, раз ему наказали не рассказывать – не рассказывает. Ну, а после этого он не стал убивать ни одну змею, ни одну ящерицу, ни людям не давал убивать – нельзя, все хотят на земле жить. Каждое существо должно жить, всем хочется быть живыми.

Вот на том и конец этой сказке. Сказка ли, быль ли это... Мы считали в детстве, что это быль, потому что мы не знали, где змеи зимуют, думали, что это они зимуют вот в глубоких ямах.

28.1.
ПРО ОХОТНИКА

Вот сказка про охотника. Раньше, в детстве, мы её не то чтобы считали, что это сказка, а думали, что это быль. Было время поздней осенью, в деревне. Ведь, когда уже проведут все полевые работы, уберут с полей, уже снежок начинает падать, и людям нужно было ещё где-то какой-то промысел, где-то заработать денег. И деревенские мужики уходили на охоту в лес.

И вот однажды пошли они в лес. Дошли до леса, ну, всем вместе ходить неинтересно, стали расходиться по одному по лесу. Пошли, и вот однажды один мужчина шёл-шёл, шёл-шёл, и вдруг что-то под ним земля ослабла, и он куда-то провалился, как бы в яму такую. Ну, он посмотрел вверьх, а там почему-то эта земля задёрнулась, и он очутился где-то в подземелье. Испугался, конечно, смотрит – а там темно кругом. Ну всё-таки чувствует, что там можно куда-то двигаться, простор такой. Пошёл он по этому простору, ну, думает, раз тут земля закрылась, может быть, там где-то есть выход, может быть, там где-то светло, и там выйду. Шёл, шёл, но всё равно туда пойдёт – нету дороги, в другое место пойдёт – снова как-то дороги нет. И вот он не знает, куда деваться. Взял и присел просто в уголок. Думает: «Ну, всё уже. Теперь мне здесь умирать».

Сидит, а когда так это сидел-сидел, присмотрелся, хоть в темноте и темно, а когда в темноте присмотришься, как будто становится что-то видно. Он чувствует, что тут... сначала и почувствовал, что тут кто-то есть вроде, что-то живое, кто-то, что-то шевелится, а потом и увидел, увидел и видит: там такое пространство, среди этого пространства такой камень большой белый, от него ещё какое-то излучение идёт, свет какой-то этот камень издаёт. А вокруг этого камня по углам лежат кругляши такие.

Он сначала не понял, что это, а потом понял, что это змеи. Они зави́лись для зимней спячки. Смотрит: не только одне змеи, там ещё и ящерицы. Одна змея зашевелилась, зашевелилась и поползла. Он так испугался, думал, что вот сейчас она придёт к нему и будет его кусать, жалить. Но смотрит: она прошла мимо. Подошла к этому белому камню (как бы стол, что ли, этот камень из себя представлял) и стала этот стол лизать языком. Полизала, полизала, снова пошла на место. Снова свернулась на своё место и опять лежит.

Через некоторое время вторая змея, ещё даже больше этой, снова зашевелилась, снова пошла к этому камню, снова этот камень полизала, опять ушла на своё место. И так третья пошла, и так постепенно несколько змей всё ходят и ходят, лижут этот камень, снова ложатся на своё место. И ящерицы, зашевелились и ящерицы. И тоже, даже не по одной, а сразу по две, по три, идут к этому камню, лижут и снова уходят на место.

А уже это прошло дня два, три. И так этот мужчина есть захотел, думает: «Что бы мне тоже поесть бы? Что это они ходят этот камень лижут? Ну-ка и я схожу. Может быть, что-то узнать, что это за камень». Подошёл к этому камню и тоже стал лизать. А камень, он как бы не слизывается, не убывает, ямок на нём не становится. А когда он полизал этот камень, тоже как будто наелся, почувствовал, что голод у него уменьшился, как будто он стал сытый. И тоже ушёл на своё место, опять сел в уголок. Сидит. И так день сидит, два сидит, смотрит: все ходят попеременно, все лижут этот камень. И он точно так же стал делать. Как есть захочет, так и идёт к этому камню, полижет и опять сидит в уголке. Сколько сидит, сколько спит, дремлет, больше заняться нечем.

И так, идти ему больше некуда, и так, видимо, прошла и вся зима. Стало что-то, стали эти чаще подходить к камню, стали больше шевелиться. И в конце концов чё-то какое-то оживление в этом гнезде стало. И смотрит: однажды стали они выходить, как бы куда-то всё стремиться к выходу. А где выход, он не знает. И они поползли, и он за ними. Тоже пригнулся так же пониже, чтобы как, как бы им, чтобы не задевать там верьхнюю часть их этого ущелья. И тоже ползёт с ними, ползёт. И смотрит: там, впереди, светло что-то стало.

И вот они выходят на свет, и он тоже старается и тоже вышел на свет.

А перед тем как выйти, вдруг такой большой самый главный змей остановил его и говорит прямо человеческим голосом: «Я, – говорит, – видел, как ты попал в наше гнездо, что ты сюда попал нечаянно, и я наблюдал всё за тобой. Ты вёл себя честно, справедливо. Ты никого, ни на кого из нас не наступил, никого из нас не пнул, не обидел. Это, – говорит, – вот так и впредь, не надо нас обижать. Ведь мы, – говорит, – хоть и живём вот на земле летом, нас вот бьют иногда, стараются убить нас. А ведь это делают напрасно. Мы ведь вот никого не обижаем сами, если на нас не встанут, если нас не обидят, и мы ведь никого не обидим. Так вот, – говорит, – и впредь будешь жить на земле, и сам нас не бей, и другим скажи, что мы все-все живые, вся природа хочет жить. И никому не говори, что где ты был зимой, и как ты прозимовал, а то у тебя будут небольшие неприятности». Ну, конечно, усвоил это этот охотник.

И все расползлись они по сторонам, и он пошёл домой. Пришёл домой, а дома спрашивают, обрадовались все: «Откуда ты? Где ты всю зиму

пробыл? Ведь мы тебя искали вот там, и мужчины, когда тебя потеряли, по лесу ходили кричали, искали. Где же ты всё-таки был?» Он говорит: «Да я вот далеко был, куда-то там уезжал...» Что-то там им такое сказал, что они поверили ему. А то, что он жил в этом гнезде, он, конечно, никому не рассказывал, боялся этих неприятностей. Но однако он больше никогда этих пресмыкающих: ни змей, ни ящериц, и вообще животный мир – не обижал. На том и сказке конец. Мы вот раньше всё-таки думали, что это быль.

28.2.
ПРО ОХОТНИКА

В старину, после того как уберут свои поля урожаи, и деревенские люди, особенно мужики, они отправлялись на охоту убивать диких зверей, заработать для себя денег. На расход эти деньги: для строительства там дворов, домов, для покупки какого-то особого скота.

И вот в одной деревне трое мужчин и пошли вместе на охоту. Ходили-ходили по лесу. Конечно, друг за другом ходить неинтересно, надо по отдельности, чтобы поймать зверя. И вдруг перед тем, как пойти домой, одного не стало. Стали его звать, кричать, но нигде его не нашли. Пришли домой, и его дома нет. И на второй день (может быть, он заблудился) стали искать его по лесу. Искали-искали, так и не нашли.

А этот охотник шёл, шёл, а время-то уже было как бы к зи́ме, уже мелкий снежок был на земле. И вдруг как будто под ним что-то подломилось, и земля растворилась, и он туда упал, под землю. Упал, смотрит: и вдруг как будто где-то очутился в каком-то пространстве, его землёй не задавило. Он стал смотреть: «Как же мне выйти теперь отсюда?» Посмотрел вверьх – там земля задёрнулась, выхода нет. «Ну, где-то, может быть, в другом месте есть выход?» Пошёл по этому пространству. Шёл-шёл, вроде, сначала чё-то бы было, потом опять такое препятствие – пройти нельзя, какая-то стенка. Ходил-ходил, устал, расстроился, сел в уголок и сидит.

Сколько сидел? День, ночь ли. Чё-то огляделся когда, хоть и в темноте, а человек, глаз человеческий привыкает к свету, как будто что-то стало видно. И вдруг смотрит, что на земле вокруг него посвечивает, как будто маленькие где-то звёздочки какие-то сверкают. Он заинтересовался, сидит, не шевели́тся. И вроде слышит: кто-то дышит, что-то какое-то тут живое есь. Смотрит, а там такими кругами свернутые, и он догадался, что это змеи. Ужи, смотрит, кучей там, смотрит – ящерицы, там ещё какие-то пресмыкающиеся. Сидит, боится. Вдруг смотрит: одна змея зашевелилась, зашевелилась и стала двигаться, пошла. Он испугался, думает, что вдруг она сейчас к нему подойдёт. А в середине этого, где он сидит, в ущелье, какой-то камень такой белый, как стол, большой. Подошла змея к этому столу и стала его лизать. Полизала, полизала, обратно пошла. Опять пришла на своё место, свернулась и опять лежит. Через какое-то время смотрит: вторая змея зашевелилась, ещё больше даже, чем первая, опять

пошла, поползла к этому камню, опять его полизала и снова пошла обратно. Опять свернулась, опять лежит. Вот он боится, смотрит, и так постепенно стали подходить даже ужи эти, удавы-то разные поодинке, даже по двое подходят. А потом и ящерицы стали посещать. Прибегут, полижут – опять уйдут, придут, полижут – опять уйдут.

А прошло много времени. Он так сидит, так есь хочет, так у него тоже слюнки текут. И всё уже, как будто засыхает. «Чё это они всё лижут? Дай-ка и я попробую пойду». И пошёл. Когда немножко успокоилось, пошёл тоже полизать. Пришёл, сначала пощупал – камень есть камень, твёрдый. Смотрит: где бы, может, яма, где они его вылизали. Нет, ям особых нету. Тоже полизал этот камень. И когда стал его лизать, действительно как будьто он ест, что-то у него желудок чем-то наполняется. Он как будто наелся и пошёл обратно. Снова сел на своё место и сидит.

Так вот постепенно и прозимовал в этой яме. Вот питался с этим камнем. А они, значит, тишина такая у них. Никто не шумит, не разговаривает, не пищит. Смотрит: что-то чаще стали подходить к камню, какое-то движение, как-то поживей стало среди этих пресмыкающих: ужей, змей, ящериц. И сам с собой думает: «Наверно, скоро весна. Ведь это много времени прошло уже, я здесь». И действительно, встал – почувствовал, что где-то вроде журчит вода, что там тает на поверьхности. И через какое-то время они стали как-то общаться между собой и как будто куда-то собираются в путь. И он чувствует, что, наверное, они скоро будут выходить отсюда. И пошли, пошли, поползли. Сначала там помельче, потом покрупней эти змеи. И он за ними тоже старается пройти ползком, что ли. В некоторых местах низкие щели-то, взрослому человеку не пройти. Он ползком за ними.

И перед тем как уже многие вышли, и он вышел, пред ним встал, как бы загородил ему дорогу большой змей, и говорит ему на русском языке, говорит: «Я знал, я видел, как ты попал в нашу, в наше жильё не по своему желанию, а просто оборвался. Что мы благодарны тебе, что ты не нарушил нашу тишину. Ты никого из нас не прибил, никого не придавил. Что вот и будь впредь таким человеком: нас не бей, не убивай. Мы ведь тоже хотим жить, нас тоже создал Бог. Всё, что создано, должно жить на земле. И даже соседям, детям рассказывай, чтобы нас не били. Мы ведь никому особого вреда не приносим. Если нас не бьют, не придавляют, не раздражают, мы сами ведь не нападаем. Поэтому, – говорит вот, – а где ты был, как ты прозимовал, старайся никому не рассказать. Если расскажешь, про наше житьё, то у тебя будут неприятности, и вплоть того, что будешь бояться за свою жизнь». Ну, он пообещал, что он никому не будет рассказывать и что сам змей, это царство не будет никогда уничтожать ни змей, ни ужей, ни ящериц.

И ушёл домой. Они все расползлись по разным сторонам. Ушёл. Пришёл домой. Все удивляются: отец домой пришёл. «Да где ты был? Да как ты прозимовал? Где ты был всю зиму, не было тебя?» Он говорит: «О чём не рассказывают, о том не спрашивают. Раз я не рассказываю, значит, вы меня и не спрашивайте». Ну, и так постепенно он не стал рассказывать, и спрашивать о нём не стали. И стал он жить в своей семье, жить-поживать и добра наживать.

29.
ПРО СНЕГУРОЧКУ

Ну, жил-был старик со старухой, а детей у них не было. А раз нет детей, значит, нет и внуков. И вот как же бы это им? Всё-таки хоть бы уж дочь или внучку бы приобрести. Взяли, пошли да из снега себе и склеили. А когда сели обедать, вдруг в комнату и заходит деушка и говорит:

– Папа, мама, я тоже есть хочу.

Они обрадовались, что их назвали папой и мамой.

– А кто, – говорит, – ты такая?

– А я, – говорит, – Нюрочка-снегурочка. Вот из того, что вы склеили щас из снега.

Ну, они тем более обрадовались. Посадили её за стол, не знают, чем её и напоить, чем и накормить, и все угощения перед ней переставили.

И стала она у них жить. И стала их называть папой и мамой. Ну, зима прошла, стало тепло, ягоды выросли. Прибежали подружки и говорят:

– Отпустите Нюрочку-снегурочку за ягодами.

Они говорят:

– Нет, не отпустим, она ещё у нас маленькая.

А подружки настаивают:

– Отпустите да отпустите, отпустите да отпустите.

Ну, им тоже, старикам, охота ягодок, ну, взяли да отпустили. Дали ей красивую-красивую чашечку. Вот они побежали с этими чашечками, катают эти чашечки по земле и говорят:

– Чашечка, чашечка, полная-во́лная, ве́рьховата.

Прибежали в лес и стали собирать. Девочки-то всё ягоды-то едят да едят, а Нюрочка-снегурочка всё в чашечку да в чашечку ложит. И всех вперёд насобирала полную чашечку с верьхом.

А девочкам завидно стало, что у ней чашечка полная, а у них ягоды только на дёнышке ещё. Ну, они взяли и решили эту Нюрочку-снегурочку убить и ягодки разделить. Так и сделали.

И ягодки разделили, у них полные стали. Остатки набрали и домой прибежали. А старик со старухой спрашивают:

– А где же наша Нюрочка-снегурочка?

– Так она, – говорит, – давно насобирала, давно уже домой ушла.

Ну, они заплакали. Нюрочки-снегурочки нету, час нету, два нету. Вечер стал. Пошли искать. Искали, искали – нигде не нашли. На второй день так и не нашли. А Нюрочка-снегурочка была под чащо́й закопанная.

Ходил там, ну какой-то шёл прохожий, дядечка. И увидел: очень красивая трубочка, а на трубочке какой-то ещё и красивый цветочек. Он взял и срезал эту трубочку, цветочек упал. А из трубочки он сделал пику́льку. Идёт, пищит, играет. И вдруг эта трубочка человеческим голосом заговорила и говорит:

Дяденька, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

Он думает: «Что такое?» Второй раз проиграл – опять это же. Пошёл в деревню. И как раз зашёл в тот дом, где жил старик со старухой. И им проиграл то, что трубочка говорит, дяденька этот. А отец и говорит:

– Ну-ка, дай-ка я поиграю.

Взял у него, стал в эту дудочку дуть, а дудочка тоже:

Тятенька, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

А мать говорит:

– Ну-ко я.

Выхватила трубочку и стала у них, и стала в трубочку играть, а трубочка и говорит:

Мамочка, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

Она говорит, дак это, думает: «Это же Нюрочка-снегурочка в трубке сидит». Взяла, как тукнула по трубочке, оттуда Нюрочка-снегурочка и выскочила.

И вот стало радости у старика, у старухи сколько много! Обрадовались они. И дяденьку этого наградили за то, что он им эту трубочку принёс. И стала эта у них Нюрочка, Нюрочка-снегурочка расти-подрастать и их почитать.

30.
ПРО ЖЁРНОВО

Жил-был бедный мужичок. Семья у него была большая. У него и скотины-то было очень мало, одни куры. А по соседству, в следующей деревне, был богатый барин. У него всего было вдоволь, много. Ну, а бедных-то он как-то старался обидеть, всё обобрать у них. И вот узнал, что у бедняка есть мельница, а на мельнице главная такая деталь – это жёрново, которое перетирает муку, а, зерно перетирает. Он приехал, барин-то, к этому бедному дядьке и говорит: «Дай мне подержать жёрново на одну неделю. Я вот всё перемелю свою муку и тебе жёрново обратно верну». Ну, бедный и поверил ему, взял и отдал ему жёрново на неделю. А он неделю держит, две держит. Ну, сходил мужчина, бедняк, попросил у него жёрнова, а он говорит: «Я у тебя и не брал жёрново, я и не хочу тебе его отдавать, у меня нету его». Ну, тогда нечего было, ушёл домой, поплакал, не знает, как у барина жёрново отобрать. Ходит по двору, плачет. И увидел его петух:

– Что, – говорит, – ты, хозяин, такой печальный, плачешь?

– Да вот, – говорит, – отдал я барину жёрново на одну неделю, а он вот мне его теперь не отдаёт, говорит, что у меня его и не брал вовсе. А вернуть, – говорит, – я не знаю как, он ведь мне может его и не отдать. У меня ведь никакого документа на него нет, и никто из соседей не видел, что я ему отдавал.

А петух говорит:

– Так пошли меня, я постараюсь вернуть это жёрново.

– Ну, пойди, – говорит, – если сумеешь.

Вот полетел петух в соседнюю деревню, прилетел, сел на ворота к барину и кричит:

«Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» Барин что-то сначала не поверил, что это петух говорит, потом всё. А он снова кричит: «Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» Ну, пришлось слуг вызвать. Вызвал слуг и говорит: «Слуги, слуги, поймайте петуха. Посадите его, – говорит, – в воду, пусь он там утонет». Там бассейн был такой у него большой. Ну, взяли, посадили в воду, а петух, говорит, ну стал эту воду пить. Пил, пил, пил и всю воду выпил.

И наутро пришли, дверь открыли, он снова вылетел. Вылетел опять на ворота, опять кричит: «Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» А он опять кричит: «Слуги, слуги, как вы смели там отпустить этого петуха? Поймайте его и бросьте его в горящую баню, когда баня топится. Да закройте его там покрепче, пусь он там в дыму в этом погибнет». Ну, слуги так и сделали. Затопили баню, а баня была сделана по-чёрному, дым весь шёл в баню. Петуха туда посадили, закрыли дверь и думают, что там петух погибнет. А он стал эту воду лить, лить, лить. И залил. (А ты так и рассказывай: «Жопа, лей; жопа, лей; жопа, вылей всё». А раньше-то: «Жопа, пей; жопа, пей», когда в бассейне-то был.)

Ну, вылил он эту воду, затушил. Опять вылетел, опять сел на ворота, опять кричит: «Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» Ну, барин не рад, не знает, куда его девать. И сказал: «Бросьте, – говорит, – ему вот, там медведь у меня есть, бросьте его медведю». Ну, бросили его к медведю. «Пусь, – говорит, – его медведь съест». А он, значит, петух, медведю тихонько на ухо прощептал, что вот, говорит, я зачем, что приехал жёрново попросить. (То есть, фу, не то я сказала. Петух, значит, стал с этим, с медведем.) А медведь сказал, что барин его плохо держит, плохо кормит, и оне подружились с петухом, и медведь его не загрыз, петуха.

Пришли утром слуги, думали, что он пропащий где-нибудь таскается, а он снова вылетел и снова на ворота, опять кричит: «Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» Ну, тогда, значит, барин не рад этому петуху. Опять кричит слуг: «Слуги вы, слуги, поймайте петуха и бросьте его вон к самым злым коровам, пусть они его забодают». Бросили его к коровам. Он, значит... Ну, коровы на него, конечно, злые были, сразу рогами, а он в уголок спрятался, лежит, ну, он не знает, как быть. И позвал потихоньку медведя, чтоб оттуда выйти. Медведь пришёл и даже двух коров задрал.

А утром барин опять проснулся, а петух уже опять снова на воротах кричит: «Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» Ну, он не знает, куда этого петуха девать, закричал: «Слуги вы, слуги, поймайте и изжарьте его, я его съем». Ну, слуги поймали петуха, как-то там уж они пощипали немножко, не пощипали… Съел он. А он всё равно и в животе у него всё равно кричит: «Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жёрново!» И тогда он был вынужденный отдать жёрново. (Так не в животе, а высунул он голову-то!)

– Из задницы? Да?

– Ну. (Так вот и рассказывай.). И барин был уже вынужденный отдать жёрново. Так стал бедный зарабатывать себе на пропитание и сейчас живёт, поживает, добра наживает.

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ сказки и анекдоты

РАЗДЕЛ 4

31. БЕЗЗАБОТНЫЙ ПОП

Вот ещё про попа вам расскажу. Поп, значит, живёт в деревне, вроде, работы у него особой нету, на полях он не работает, ему хлеб приносят, сами люди дают. Это не поповское дело – коров доить, хлеб растить. Было, держал он работника. И вот они с работником, делать нечего, от нечего делать и решили написать такое себе объявление, на двери повешали: «Здесь живёт беззаботный поп», что у него заботы нет.

Долго ли, коротко ли эта бумажка у них висела, едет архиерей, начальник над попами, смотрит, бумажка висит, прочитал: «Беззаботный поп». «Да какой же это поп, разве может у нас быть такой поп, у которого нет заботы? У попа должна быть всегда забота: то крестить, то отпевать, то венчать, то соборовать. А какой же это поп? Надо его, это, убрать. Какой же беззаботный поп?»

Заехал в соседи и посылает своёго слугу: «Сходи-ка, – говорит, – позови этого попа ко мне». Ну, слуга сходил. Пришёл поп. Говорит:

– Чё ж ты так-то, повесил ты бумажку такую. Какой же ты поп беззаботный? Нам таких попов не надо. Ведь у тебя же каждый день должна быть забота. Вот крестить, отпевать, венчать – ведь это же всё равно забота, а ты говоришь: беззаботный поп. Я вот тебя за это, значит, накажу, уберу тебя и в тюрьму засажу, если ты так делаешь.

А он говорит:

– Дак ну уж прости меня, батюшка, ведь это я нечаянно так написал.

– Ну, вот, – говорит, – если вот отгадаешь мои три загадки, то, – говорит, – я тебя, вроде, прощу. А если не отгадаешь, то накажу.

– А какие загадки-то? – говорит.

– А вот первая загадка: сколько я стою? Цена моя, мне цена.

– А вторая?

– А вторая, – говорит, – загадка: сколько весит моя голова?

– А третья?

– А третья, – говорит, – загадка: что я думаю?

Пошёл поп в свою квартиру, идёт и очень переживает, задумался: «Как такие загадки отгадать? Вот если я скажу, сколько он стоит, а он скажет: я не столько стою, дороже. Как я ему цену дам? Сколько он стоит? Кто его знает. Или вот вторая загадка: сколько весит его голова? Я вот скажу, сколько она весит, а он скажет: нет, она больше весит, или скажет: меньше весит. И тем более, как я угадаю, что он думает? Я скажу, что он думает, а он скажет: нет, я это не думал, я другое думаю, я вот это думал. Как вот угадать у человека мысль? Что он думает?»

Пришёл домой и своему работнику говорит:

– Ты меня подучил написать такое объявление, так вот давай и загадки вместе угадывать. А если не угадаем, то нам с тобой обоим хана. Снимет нас царь с работы да ещё в тюрьму засадить пообещал.

Ну, работник говорит:

– А когда он велел угадать?

– А завтра, – говорит.

– Ну чё, завтра и угадаем.

Приходит назавтра работник к попу и говорит: «Снимай свою одежду, я пойду загадки угадывать». Ну, поп снял свою одежду, рясу там, поповское одеяние. Одел это работник и пошёл загадки угадывать.

Приходит и говорит:

– Вот, я пришёл загадки ваши угадать. Повторите, – говорит, – первую загадку.

Вот он повторяет ему загадку первую:

– Вот сколько я стою?

– Так сколько вы стоите? Ну, я бы, – говорит, – может быть, по вашему виду, по вашему уму дак вроде бы вот дал бы вам 33 серебренника.

Он говорит:

– Ты что так мало? Неужели я только 33 серебренника стою?

– А что, – говорит, – Иуда продал Христа за 33 серебренника, а вы ведь всё-таки не Христос, всё-таки только архиерей, ведь это же большая разница. Я, – говорит, – и то вам предлагаю 33 серебренника.

– Да, пожалуй, – говорит, – ладно, согласился. Ладно, – говорит, – первую загадку, предположим, ты угадал. Давай, – говорит, – угадай вторую: сколько весит моя голова?

– Ну, – он говорит, – дак килограмма три, – говорит.

– Да нет, – говорит, – может быть, я, не три килограмма весит у меня голова, а больше? Может быть, три с половиной? Ты не угадал.

Он говорит:

– Ну чё, давайте отрубим вашу голову и взвесим. Если, – говорит, – больше или меньше, а я говорю, что вот три.

Ну, тот попятился. Как отрубить голову и взвесить?

– Нет, – говорит, – я голову рубить не дам. Ладно, уж, – говорит, – я согласен, пусть моя голова и три килограмма весит.

А сам думает: «Вот третью он всё равно не угадает. Я всё равно, значит, засажу этого попа в тюрьму, он всё равно не скажет, что я думаю.

Он скажет: то думаю, а я скажу, я это не думал, я другое думал».

Ну, и говорит:

– Повторите третью загадку.

Он говорит:

– А вот третья загадка: что я думаю?

А как угадать? А работник и говорит:

– А вот ведь вы, – говорит, – думаете, что я поп, а я, – говорит, – не поп, а только его работник.

Взял и снял с себя одежду. И оказалось действительно так, что он не поп, а только его работник. И ему пришлось признаться, что он действительно думал, что он разговаривает с попом.

Ну, вот всё угадал. Ну, архиерею деваться было некуда, он сказал: «Ладно, я вас прощаю, только эту бумажку, конечно, убрать надо».

Бумажку убрали, и стал жить опять поп поживать в этой деревне с работником, добра наживать.

32.
ПРО СОЛДАТА (СОЛДАТ И ЧЕРТИ)

(Идёт солдат) из армии. Пришёл в одну деревню, попросился ночевать.

В один дом попросился – его не пустили; в другой дом попросился, опять не пустили; в третий дом попросился, они говорят:

– Да у нас семья очень большая, негде тебе вот спать-то. Вон там у нас свободный дом есь, новый построили мы, дак там, – говорит, – черти живут. Там, – говорит, – никто, вот пока не живём, не знаем, как там чертей выгнать.

Он говорит:

– Так вот и пустите меня, я и с чертями, ладно уж, ночую.

– Ну, – говорит, – если не боишься чертей, дак иди, вместе с чертями и спи.

Вот он пошёл в тот дом в новый, где черти живут. Приходит, разостлал, сделал постель, поужинал, сделал постель и лёг. Откуда ни возьмись и выскочил чертёнок и говорит:

– Чего ты тут на нашей квартире разлёгся?!

Он говорит:

– Ну что, – говорит, – я солдат, мне ведь где-то ночевать же надо. Я вот попросился, мне сказали: можно с чертями ночевать.

– А что, – говорит, – ты умеешь делать?

– Ну, солдат я, всё умею, – говорит, – делать!

– А умеешь хоть в карты играть?

– Да, – говорит, – умею.

– Ну дак чё, давай хоть в карты будем играть, всё равно нам вместе ночь коро́тать.

Ну, встал солдат, сел с чертёнком в карты играть. Вот играют.

– А чем, – говорит, – играть будем? У меня, говорит, – денег нет, деньги проигрывать, я солдат, у меня ничё с собой нет, никаких денег. Я, – говорит, – могу только на щелчки играть. Ну, – говорит, – кто кого обыграет, тот ему щёлкает в лоб.

– А сколько? – говорит.

– Ну, хотя бы три щелчка.

– Ну, ладно, – согласился чертёнок.

Играют в карты, и обыграл его солдат, чертёнка.

– Подставляй, – говорит, – лоб.

Чертёнок подставил свой лоб. Значит, он ему, до трёх, значит. Вот он ему щёлкает: один, два, раз, два, один, два, раз, два, один, два, раз, два, а три-то не говорит, а чертёнок-то счёт-то не знает, он ждёт, когда он скажет цифру три. А этот всё только один да два, раз, два. Ну, у чертёнка покраснел весь лоб. Говорит:

– Ладно, так и быть, ночуй, – говорит, – дак завтра пораньше уходи отсюда. Я, – говорит, – здесь всё-таки хозяин.

– А мне, – говорит, – не надо хозяйства, я переночую да подальше уйду.

Ну, так и сделал – ночевал. Ну, а наутро хозяева увидели, что он живой и его черти не заели.

– Ты, – говорят, – как? Видел чертей-то?

– Видел, – говорит.

– Дак ты, – говорят, – пожалуйста, ещё у нас ночуй; а то, – говорит, – мы не знаем, как с ними справиться. Ты, – говорит, – может быть, нам поможешь их выгнать.

– Если надо, выгоню, если...

Ну, они попросили его там, что-то уплатили ему, чтоб он чертей выгнал. Он снова остался ночевать.

Чертёнок опять выскочил ночью.

– Ну, что, – говорит, – снова будем в карты играть?

Он говорит:

– Нет, у меня ещё до сих пор лоб не отошёл.

– А я, – говорит, – здесь тоже поселился, здесь буду жить. А если не будешь со мной играть, то я вас, – говорит, – всех чертей к чертям пошлю.

– Как, – говорит, – так?

– А вот так, если, – говорит, – не будешь со мной в карты играть, то, – говорит, – отсюда вы выкоря́нивайтесь, ну, в общем, все уходите.

Ну, чертёнку делать было нечего, он испугался, дал ему обещание, что он уйдёт. И так освободил он квартиру, и дом-то они ему и отдали, этому солдату, за то, что он чертей выгнал.

И стал солдат тут жить. И жену красивую себе нашёл, стал жить-поживать, в новом доме добра наживать. Отобрал дом у чертей.

33.
СОЛДАТ И ШАНЬГИ

Вот шёл солдат со службы. Дорога была длинная, продуктов на дорогу давали мало. Чаще всего только одни сухари. Идёт уже вторую неделю. Переночует у кого-нибудь, покормят, и дальше идёт. Зашёл однажды к одной пожилой женщине. Покормила она солдата, чем Бог послал. Угостила она солдата репными перёнками-перевёртышами. Ел солдат, да ещё спросил.

– Нет ли у тебя ещё такого добреца?

Ну, женщина, конечно, добавила ещё тарелочку. А ночью-то и разболелся живот у солдата. И вот утром-то он и говорит:

– Где ты взяла такую разорву?

Из-за болезни живота утром-то и не мог уйти дальше. Ещё раз пришлось ночевать. А утром шаньги стряпала хозяйка. Сложила шаньги на дощечку и поставила дощечку на залавочек. Сама ушла за водой на речку. Солдату так охота

шанег поесть. Ведь в армии шаньгами не кормят. Взял одну и съел. А сам всё ещё в постели лежит, болеет якобы. Пришла хозяйка с водой, вылила воду в кадку и стала шаньги считать: пара, пара, пара, пара. Она умела считать только парами. И говорит:

– Солдат одну шаньгу съел.

Солдат это слово слышал. Снова за водой ушла. Солдат ещё одну шаньгу съел. Пришла с водой, снова вылила воду и стала опять шаньги считать:

– Пара, пара, пара, – и говорит:

– А, испугался, обратно положил.

Тут солдат понял, что надо есть не по одной шаньге, а парами. И так он съел шанег столько, сколько наелся. И шаньгами наелся, ну, и женщина не догадалась, что он у ней взял шаньги.

34.
КОБЫЛЬИ ЯЙЦА

Идёт поп по базару. А до этого всё ходили у него работники да попадья по базару-то, он больно-то и не бывал. Смотрит – арбузы лежат, а он не видал, что такое арбуз. И спрашивает у продавцов:

– Это, – говорит, – что за яйца, чьи, – говорит, – это такие яйца?

Ну, а тем смешно стало, что он арбуз яйцами называет. И говорят:

– Да это лошадиные.

Он говорит:

– А я давно хотел, чтобы у меня бы лошади были, – говорит, – я не знал, как они, откуда берутся, как выращиваются, – говорит, – тогда разрешите мне парочку. Ну, и купил два арбуза. Принёс домой. А, нет, он ещё спросил:

– А как их?

– Да, – говорят, – так же, как, – говорят, – курица высеживает яйца, их, – говорит, – нужно нагревать, сидеть на них, и из них вылупятся маленькие жеребята. Надо этих жеребёнков, конечно, так же, как цыплят, кормить, и они вырастут и будут лошадки.

Понравилось попу, что это так легко можно жеребят вырастить, сделать.

Вот он принёс эти арбузы, нашёл сито, положил туда соломки и положил эти арбузы. Ну, чтоб тепло было, поставил их на печку в уголок и сам сел, чтоб парить, как курица. И не стал на службу выходить.

Неделю сидит, парит, вторую неделю парит. А люди стали сомневаться: куда у нас батюшка девался, почему на работу не выходит? И спрашивают попадью:

– Где же у нас, – говорит, – батюшка, почему-то эт он не стал на службу выходить?

– Да он, – говорит, – болеет, он не может выйти.

Ну, опять, значит, миряне:

– Как же это? Батюшка болеет, дак надо сходить его попроведать, а то ведь вот больной человек, а мы его не идём проведывать.

И сказали матушке, что мы хотим его прийти попроведать. А матушка ему передала. Он говорит:

– Нет, ты их не пускай, мне, – говорит, – надо не менее как три недели просидеть, чтобы оне… Ведь курины яйца за три недели выходят.

А он только ещё две просидел, значит, ещё надо неделю сидеть.

Ну, а люди всё равно волнуются: как же это мы не попроведаем батюшку, больного такого? И вот собрались много людей, около дома всё похаживают, поглядывают, а она их в дверь не пускает. Ну, они всё-таки решили как-то зайти, кто как.

А он испугался людей-то. Как это, придут люди, а он сидит, яйца выпаривает лошадиные. Ну, значит, решил сбежать от людей-то. Привязал это лукошко к себе, чтобы яйца-то не отстыли, а то ведь простынут, и побежал в лес.

А люди-то, вроде, за ним уследили. Вот он там побежал, и они, вроде, тоже за ним пошли в лес: что-то, мол, неладно с батюшкой-то, он ведь от нас побежал, чё-то случилось с ним, уж ладно ли, в уме ли он?

Он видит, что люди-то тоже идут, не знает, куда деваться. И прямо как-то с разбега так и на ёлку залез. В гуще сидит там, посматривает. А они уже ближе подходят, люди-то, всё равно, значит, где-то посматривают, где он там. Он решил тут припрятаться, и у него лукошко-то за сучок задело и оторвалось. И яйца-то выпали туда.

А оказывается, там чащá была, а в чащé-то зайцы сидели. И зайцы-то выпрыгнули и побежали, а он думал, что это уже у него жеребята-то побежали, что они выпарились и уже побежали. Увидел, что мелькают, бегут, ему жалко, что он столько труда затратил, столько сидел, уже скоро три недели будет. Он соскочил оттуда и бежит, кричит:

– Тпру, тпру, стойте, я ваша мать! Стойте, не бегайте, я ваша мать!

А люди смотрят: что такое, почему он чё-то кричит, бежит? Ну, окружили его, поймали, думают, что он как сумасшедший, что ли.

– Что, – грит, – это вы кричите? Не трогайте меня! У меня жеребята побежали. Ведь я же их-ная мать, ведь я же их высидел. Я теперь, – говорит, – должен их воспитать.

– Да где, – говорят, – жеребята-та?

– А вон, – говорит, – бегут, беленькие такие, светленькие.

– Дак это, – говорят, – зайцы!

– Как зайцы? Я, – говорит, – вот высиживал.

Ну, и признался людям во всей своей правоте. А оне потом нашли разбитые, оказалось, это были арбузы. И стали смеяться над этим батюшкой, что, мол, вот так. Ну, он сказал, что вы уж не говорите никому, – попросил он всех мирян.

И стал снова жить-поживать и добра наживать.

35.
ПРО ЗЕРКАЛО

Раньше из деревень мало ездили люди по городам. Было далеко, и ехать было не на чем. Ну, вот однажды один дяденька поехал в город на базар, там продать зерно какое-то, масло. И оттуда, купить там что-то себе: стекла, мыла, соли. То, что необходимое по хозяйству.

И купил зеркало. Но решил это зеркало пока никому не показывать. Привёз его домой, поставил в спальне в своей, где в комнате, в уголок и завесил зана́веской. А сам уехал на работу. А этот мужчина был только что женат, у него жена была очень красивая, молодая. Она стала в комнате прибираться и дошла до этого угла, открыла шторку и смотрит: стоит красивая женьшына, очень приятная, глаза голубые, брови чёрныя, причёска красивая. Она как увидела эту женьшыну и заплакала. И побежала пожаловаться свекрови. Говорит:

– Иди-ка, иди, посмотри, что мой-то муж с базара-то привёз! Ведь он привёз-то другую себе женщину, другую невесту. Такая красавица, такая раскрасавица, такая красивая!

Старуха говорит:

– Да где, где ты это видела?

– Да вот, вот, – говорит, – у него в комнате в углу она спряталась, за шторкой стоит.

Ну, пошла женщина, старуха-мать. Пришла, глянула, а там, значит, стоит женщина такая старая, сгорбленная. И у ней подбородок-то с носом сросся, беззубая. И она вышла оттуда и говорит женщине, своей невестке:

– Что, – говорит, – ты врёшь? Ведь там стоит только старуха какая-то, страшная, – говорит, – горбатая. Да и у ней, – говорит, – подбородок-то с носом сросся. Какая же это красавица? Вот ты у нас – красавица, раскрасавица. Вот ты. Да разве он променяет тебя на такую старуху?

Вот спорят, ругаются. Идёт по дороге сосед с топором:

– О чём, – говорит, – это вы расшумелись?

– Да вот, – плачет невестка и говорит: – Вот привёз муж из города другую женщину, другую невесту, себе другую жену. И спрятал, – говорит, – от меня её вот в угол и занавеской закрыл.

А старуха говорит:

– Да зачем она так говорит? Он привёз-то, – говорит, – такую старую старуху, – говорит, – у ней и нос-то с подбородком сросся. Какая же это невеста? Не надо мне такую! Близко в доме не надо! Вот он приедет, я ему скажу...

Он:

– Да где, где? Ну-ко я схожу, погляжу, о чём это у вас спор, что там за невеста?

Пошёл, отодвинул шторку, глянул – а там стоит богатырь, такой красивый, мужественный. Как говорят, «сок с молоком». Он говорит:

– Да что это вы заспорили? Там, – говорит, – совсем стоит-то мужчина, очень красавец такой, молодой, красивый! А вы о чём спорите-то?

Ну, пока они спорили тут, рядились, и хозяин с работы приехал.

– О чём спорите вы? О чём вы ревёте?

Ну, жена, конечно, в слёзы, говорит:

– Да вот ты с базара привёз такую красавицу, да ты меня променял! Да я, в общем, люблю тебя, не хочу, чтобы без тебя жить!

А мать говорит:

– Да чё она врёт? Какую красавицу? Там стоит старуха горбатая, зубов-то нет, нос-то с подбородком сросся!

А мужчина говорит:

– Да что они без толку разговаривают? Там, – говорит, – богатырь стоит, мужик.

Ну, он:

– Где? – говорит.

Пошёл, посмотрел, а они это всё в зеркале увидели. И он тогда им рассказал, что это зеркало, что это кто видит, кто смотрит в него, тот сам себя и видит. Ну, тут расцвела его молодая

жена, что она сама себя назвала красавицей. Ну, и мужчина был очень доволен, что он назвал себя богатырём. Только недовольна осталась мать, которая себя обозвала старухой и что у ней нос в подбородок врос. Так потом помирились и стали дальше жить-поживать мирно.

36.
ПРО ЗОЛОТУЮ ГОЛОВУ (ЗОЛОТО С КОНСКУЮ ГОЛОВУ)

Жил мужчина с женщиной. Пошёл однажды он на работу утром и слышит, кто-то кричит:

– Спасите, спасите! Тону, тону!

Он побежал, а, видно, там тонул один дядечка. Он взял его и спас, достал из воды. А оказывается, это был барин. Ну и барин поблагодарил его и за то, что он его спас, дал ему золота с конскую голову. Обрадовался мужик, что у него много золота появилось. Идёт по дороге, не знает, куда это золото девать, и думает: пойду на базар, продам. Едет, смотрит: догоняют его мужики на ло́шадях, едут тоже на базар, ведут лошадей продать.

– Эй ты, мужик, что несёшь?

– Золото с конскую голову.

– А куда ты его понёс?

– На базар продавать.

– Дак зачем тебе его там продавать? Ты давай поменяй лучше на лошадь. Вот ты в хозяйстве живёшь, тебе лошадь нужна. Ведь на лошади и за сеном съездишь, и дров привезёшь.

«Ну, а действительно, зачем мне это золото?» Взял и поменял на лошадь. Ведёт лошадь под уздцы. Попадают навстречу мужики и везут на базар коров продавать:

– Эй, мужик, что ты чё ведешь лошадь так, под уздцы, куда ты поехал?

– Да вот, поменял на лошадь золото с конскую голову. Лошадь вот выменял.

– Так зачем тебе лошадь? Вот ты бы корову взял. Ведь от коровы и молоко есть, и телёночка она тебе ро́дит. Из молока и сливки, и масло, и сметана будет у тебя.

Он подумал: «И в самом деле, ведь лучше иметь корову. Куда я с лошадью-то?» Взял и поменял лошадь на корову. Идёт дальше, ведёт корову за рога. Попадают опять мужики, везут свиней на базар.

– Эй ты, мужик, чего это корову-то так волокёшь, тащишь? У тебя по-настоящему верёвки-то нет?

– Да я её вот недавно выменял на лошадь.

– А лошадь-то ты где взял?

– А лошадь-то я выменял на золото с конскую голову.

– А золото-то где взял?

– Да я спас барина, он мне подарил.

– У! Дак зачем тебе корова, вот возьми сви́нью. Это другое дело. Ведь свинья, вот она два раза в год о́порос дас, да по десять-пятнадцать поросёнков. Да ты этих поросят продашь, да и себя накормишь, у тебя и мясо будет, и сало, и щетина, и жить ты будешь хорошо.

Он действительно подумал и взял и променял. Едет дальше, там овец опять везут. Ну и он взял и променял на овцу. Ему нахвалили, что овца это, значит, и шерсть даёт, и варежек и носок себе навяжешь, и вся семья будет одета, и можно из шерсти полотна наткать шерстяного, и брюки сшить. Ведёт барана, и едут везут гусей.

– Эй ты, мужик, чё это ты барана так волокёшь?

– Да я вот променял, выменял барана-то на сви́нью.

– А свинью-то где взял?

– А свинью-то я выменял на корову, а корову на лошадь, а лошадь на золото с конскую голову.

– Дак ты чё, променяй вот на гусиху. Гусиха, знаешь, сколько цыплят выводит! У тебя и перо будет, и пух, и гусиное вкусное мясо, можно пожарить, попарить.

Ну он и променял. И гусиху потом променял ещё на курицу. И курицу в конце концов променял на иголку. Идёт домой. Стал перелазить там через изгородь, где-то уже близко к дому, и иголку потерял. Ходит, ищет, шарит. Едут мужики и говорят:

– Ты чё это, мужик, чё ты тут ишешь, шаришь?

– Да иголку, – говорит, – я потерял.

– Да какая иголка, где ты её взял?

– Да я, – говорит, – её на курицу вот выменял.

– А курицу где эту?

– Да я на гусиху сменял. А гусиху я на барана сменял. Барана-то на свинью, а свинью-то на корову, а корову на лошадь. У меня, – говорит, – лошадь была.

– А лошадь-то ты где взял?

– Да выменял на золото с конскую голову.

– Ух ты, мужик, мужик, да разве так можно? Ведь ты, – говорит, – сейчас придёшь домой, тебя же баба выгонит из дома, что у тебя столько было богатства, золото было, а ты вот даже иголку-то потерял.

– Да нет, – говорит, – не заругается.

– Ну, и нет, – говорит, – заругается, давай поспорим.

И стали, поспорили об заклад. Они говорят, что баба тебя заругает, а он говорит, что нет, не заругает. Ну, там о ста рублях они срядились. В то время сто рублей было дорого. Мужики думают: «Ну, возьмём мы с него сто рублей, нам на всё хватит». Приходят домой, стали под порогом, а женщина вышла и говорит, спрашивает:

– Что вы все пришли?

– Да вот, – говорит, – твоего муженька привели.

– А в чём дело?

– Да в том, что, – говорит, – он шёл на работу и спас барина, из реки вытащил. А барин ему дал золото с конскую голову, а это золото он променял на лошадь, а лошадь променял на корову, а корову променял на свинью, а свинью променял на барана, а барана на гуся, а гуся на курицу, а курицу на иголку, а иголку потерял.

Ну, жена слушала, слушала и говорит:

– Слава Богу, что сам домой пришёл живой, и за то спасибо!

Ну, не заругала, конечно. И вот пришлось этим мужикам проспоренные отдать сто рублей этому мужчине. И стали они с женой жить да поживать и добра пока ещё наживать.

37.
ПРО ИГНАШКУ-ВОРА

Жил-был один барин, а работник был у него по имени Игнашка. Игнашка был хорошим парнем, красивым, работящим. А барину всё казалось, что он... что он мало работает, много ест, что он даже якобы чё-то тащи́т от барина, ворует, скрывает. И он стал называть Игнашку вором:

– Ты, – говорит, – Игнашка, – вор!

А Игнашка говорит:

– Вор дак вор.

– Ну, вот, если ты, Игнашка, – вор, то вот попробуй у меня укради вот лошадей с конюшни. А если, – говорит, – украдёшь, то, значит, я тебя не буду наказывать за это пока, я только проверю, как ты воровать умеешь.

А Игнашка говорит:

– Ладно, вор дак вор.

Вот, а он, барин, привязал к конюшне злых собак, чтобы Игнашка не подошёл к конюшне, не взял лошадей.

А Игнашка пошёл в магазин, купил водочки, взял муки, на водочке сделал колобки и набросал собакам. А собаки, значит, наелись этих колобков, и пьяные стали, и уснули. А он взял их хвостами связал и через забор перебросил, а лошадей увёл.

А утром барин проснулся и слышит: собаки что-то на заборе воют. Говорит:

– Что такое – собаки воют? Что, – говорит, – там случилось, почему собаки воют?

– Да они, – говорят, – хвостами связаны и через забор брошены.

– Дак лошади-то целы ли?

Кинулись, а лошадей-то нет.

Вот он вызывает через слуг:

– Позовите-ка мне Игнашку.

Пришёл Игнашка.

– Ты, Игнашка, украл лошадей?

– Украл дак украл, вам дела нет.

– Ладно, Игнашка, прощаю тебе лошадей, я тебя потом поймаю. Вот, – говорит, – давай укради, – говорит, – у меня войлок, из-под меня.

Ну, значит, так. Игнашка думает, как украсть войлок из-под него. А он не только сам лёг на войлок спать, а даже ещё свою жену-барыню положил. И вот спят, а Игнашка думает: как из-под них войлок вытащишь? Никак ведь не вытащить. Думал-думал, а посмотрел – на печи квашня киснет. Он взял да отбавил от квашонки в криночку да и вылил между ними тесто-то. Барыня проснулась, говорит:

– Барин, что ж ты, смотри-ка, – говорит, – ведь чё-то неладно у нас тут.

Он говорит:

– Правда. Дак это ты, барыня?

– Нет, это ты, наверно, барин!

Ну, спорили, спорили. Как? Ну, неудобно же так спать.

– Игнашка-то, наверное, спит. Давай, – говорит, – тихонько на печь положим сушить, чтобы никто не видел.

Ну, и тихонько втащили войлок-то на печь. А Игнашке только это и надо, Игнашка, значит, с печи войлок стащил.

А утром проснулись – войлока нет. Опять Игнашку вызывают:

– Игнашка, – говорит, – ты войлок стащил?

– Да, – говорит, – украл, украл. Вам дела нет.

– Ну, подожди, Игнашка, мы тебя всё равно прижмём! Ты, – говорит, – это, укради вот из сундука деньги!

Ну, Игнашка думает, как это деньги у него украсть. А он, сундук-то, стоял в комнате в отдельной, и только одно окно было в эту комнату. А Игнашка знал, где эти деньги. А как в окно залезть? А барин сел с топором к окну, сидит, как Игнашка полезет, он ему голову отрубит топором. И не будет Игнашки, не будет Игнашка воровать.

А Игнашка взял запа́сные брюки, запа́сную рубашку, натолкал туда соломы, сделал чучело и шапку надел на это чучело, голову сделал и тихонько это чучело ночью толкает в окошко, толкает тихонько в окошко. А барин увидел, что Игнашка лезет – раз ему по башáну рубанул. «Ну, – говорит, – отрубил я ему всё равно башку, разрубил теперь». И побежал к своей жене рассказать о том, что он Игнашке отрубил голову. А Игнашка в это время бросил чучело, залез в окно да и вытащил деньги. Вот наутро хватился барин – а денег нет, опять Игнашку вызывает:

– Игнашка, ты украл деньги?

– Да, украл, украл, – говорит, – вам дела нет.

– Ну, Игнашка, попадёшься, всё равно я тебе голову отрублю. Вот, – говорит, – если ты такой вор хороший, укради у меня жену!

А сам думает: «Всё равно жена-то ведь будет кричать, всё равно ведь она с Игнашкой не пойдёт, всё равно ему не украсть мою жену». А сам всё-таки боится Игнашки. Наутро взял запрёг пару лошадей в карету и думает: «Подальше я увезу свою жену, чтоб Игнашка-то не видел, и чтобы он её не украл всё-таки». Сел сам кучером и поехал её подальше от Игнашки убрать.

А Игнашка всё это выследил, вперёд их побежал по дороге, оббежал, там знал тропинки, взял и бросил на дорогу сапог новый. А барин едет и говорит:

– Смотрите-ка: новый сапог на дороге таскается. Ну дак куда, – говорит, – мне его один-то, ладно, пусть таскается.

Дальше поехали. А Игнашка опять вперёд, оббежал и второй сапог на дорогу бросил. А барин едет, смотрит: ага, и второй сапог на дороге таскается.

– Чё, – говорит, – я тот сапог-то не подобрал, ведь бы пара была, сапоги новые. Зачем я его не подобрал? Ну-ка, я сбегаю, недалеко ведь.

Остановил лошадей-то и сам побежал обратно, чтобы тот сапог-то подобрать, чтобы пара была. А Игнашке это и надо, он выскочил из леса, сел, понужнул лошадей, лошади побежали, и в карете увёз жену барина. Ну, барин прибежал – ни лошадей, и ни кареты, и ни жены. Опять дождался второго дня, опять вызывает Игнашку:

– Игнашка, ты украл?

– Украл, украл. Вам дела нет, теперь я её вам не отдам!

А он:

– Как? Отдай, отдай жену мою, ведь нельзя, ну ведь это… Я тебе, – говорит, – за это дом построю, корову дам, свадьбу соберу.

Ну, Игнашка согласился, у Игнашки уже невеста была. Значит, он дом ему отдельный сделал, корову, всё хозяйство. И свадьбу, пир сделали на весь мир. Женился Игнашка и стал самостоятельным, жить-поживать и добра наживать.

38.
ПРО ИВАНА-ДУРАКА

Значит, жил-было хозяйство такое в деревне: жила женьшына, у ней было три сына. Двое-то умные, а третьего-то они всё называли Иван-дурак.

И вот двое-то овец угнали пасти, а Иван-дурак дома остался. А мать испекла пирогов да шанег и сказала: «Иван, отнеси, покорми братьев». И он пошёл, понёс, понёс, а за ним тень от солнца; шагает тень, а он думает, что это кто-то идёт за ним, крадётся тут. Испугался и говорит: «На пирог да не ходи за мной». А тень идёт. Он говорит: «На шаньгу да не ходи со мной». А тень идёт. Он кидал, кидал, выкидал все пироги и шаньги. Пришёл в поле, а братья говорят:

– Ты зачем, Ванька, пришёл?

– Да, – говорит, – вам поесь принёс.

– А чё ты принёс?

– Пироги да шаньги.

– Ну, а где они? Давай!

А он говорит:

– Вот этот всё сожрал. – Показывает на тень.

– Как сожрал?

– А я говорю: не ходи за мной, а это, – говорит, – идёт.

– Да это же, – говорит, – тень! Зачем же ты? Ах ты, Ванька, Ванька, дурак!

Надавали Ваньке тумаков, оставили его овец пасти, а сами домой пошли и говорят:

– Ты, Ванька, хорошо паси овец, чтобы они у тебя не разбредались, все в кучке были.

А сами ушли домой завтракать, обедать ли уж. А Ванька думает: «Как овцы чтоб не разбредались?» Сходил в лес, надрал лыка и давай овец связывать: кого за рога, кого за ногу, кого за хвост. И связал всех в кучу. Они ревут, рвутся. Идут братья. «Что, – говорят, – такое? Почему это овцы-то все, – говорит, – ревут?» Подошли.

– Чё, – говорит, – Ванька, ты сделал?

– Так вы сказали, чтоб не разбредались, чтоб в кучке были, вот, – говорит, – они у меня и не разбредаются, и в кучке.

– Ох ты, Ванька, Ванька!

Надавали ему тумаков.

– Иди, – говорит, – домой.

Ну, Ванька ушёл.

Долго ли, коротко ли время прошло, братья вздумали. Да, ещё на работу поехали оне куда-то и говорят: «Ванька, сиди дома да дом-то охраняй, вот дверь-то стереги».

Ванька остался дома, а поиграть охота сбегать. Думает: «Да чё, дверь-то обязательно её тут стеречь, я её могу, дверь-то, и с собой взять». Взял дверь снял с петель и на себя. И пошёл, играет там с ребятами, бегает, а дверь на лугу лежит. Поглядывает на них, на дверь-то.

А приехали братья, смотрят: дом открытый, и двери нет. «Да что, – говорит, – это такое?» Пошли Ваньку искать, а он на лугах с ребятами играет.

– Ты, – говорят, – Ванька, чё, дверь-то где?

– А вон, – говорит, – лежит. Вы же сказали её охранять. Я вот и охраняю, чтоб её никто не утащил.

– Ох ты, Ванька, ты Ванька, дурак!

– Ведь мы тебе сказали охранять дверь, чтоб в дом никто не зашёл!

Надавали Ваньке тумаков.

Подошла осень. Вздумали братья жениться. Говорят:

– Ванька, съезди на базар, купи соли, горшки, ложки. Для свадьбы всё это нужно, вещи.

Ну, Ванька поехал, купил необходимое, то, что заказывали. Едет домой на лошади. А подъехал к реке, стал лошадь поить. Лошадь не пьёт. Он бросил горстку соли – она не пьёт, он две горсти – она не пьёт. Он сыпнул – она не пьёт. Он взял и высыпал весь мешок – она всё равно не пьёт. Он рассердился на лошадь, как ей даст, она упала да пропала. А горшки-то теперь не знает, как нести. Взял палку, дёнышки вышиб все у горшков, горшки надел на палку, палку на плечо и шагает. Идёт, идёт и думает: «Чё это я принесу горшки эти? Они всё равно ведь без дёнышек, варить-то нельзя будет. А чё это я их тащи, майся». Взял и одел на пенёчки. «Милые, – говорит, – пенёчки, стоите вы без шапочек. Я вам хоть шапочки подарю». Одел на пеньки, идёт дальше, несёт ложки в мешке. А ложки в мешке бряк, бряк, бряк, бряк. А ему кажется, что они говорят: «Иван – дурак, Иван – дурак!» Он говорит: «Не дразнитесь!» Опять шагает, быстро шагает. Они бряк, бряк, бряк, бряк. «Я сказал, не дразнитесь, не обзывайтесь!» А они всё равно бряк, бряк, а ему кажется: «Иван – дурак, Иван – дурак». Он взял бросил их на дорогу и растоптал.

Пришёл домой, братья говорят:

– Ты чё, Ванька, купил ли хоть нам чё-то?

– Купил, всё купил.

– Ну, а где? Соль-то купил?

– Купил.

– А где она?

– Дак я, – говорит, – в реку высыпал, лошадь не пила, я хотел, чтобы она пила.

– А лошадь-то где?

– А я, – говорит, – её стукнул, она пропала.

– Ух ты, Ванька, Ванька – дурак! А горшки-то купил?

– Купил.

– А где?

– Да я, – говорит, – на пенёчки одел, чё они без шапочек.

– Ну, а ложки-то купил?

– Купил. Они, – говорит, – обзываются, говорят: «Ты, Ванька – дурак! Ванька – дурак!» Я, – говорит, – их растоптал, вон на дороге бросил дак.

– Ох ты, Ванька, ты Ванька!

Опять Ваньке тумаков надавали.

– Ладно, – говорят, – Ванька, раз ты не умеешь на базар ездить ничё покупать, теперь сиди дома, а мы сами съездим, всё купим.

Ну и вот, поехали, а Ваньку дома оставили перед свадьбой, за дело.

Ванька сидел, сидел дома – скучно. Двери закрыл на крючок. Они ему сказали:

– Закройся на крючок, – говорят, – да, это, сиди.

Нечем ему заняться. Стал, воду вылил из кадцы на пол, брагу вылил, пиво вылил. Там водочка была куплена – вылил; всё молоко из горшков вылил. У него вот стало воды много в избе, прямо до окон. Взял се́льницу, взял лопату и плавает по избе. Туда плывёт, сюда плывёт.

Ну, а братья приехали, постучали – закрыто, постучали.

– Чё, – говорят, – Ванька, открывай!

– Сейчас доплыву!

Думают: да что это такое, где он там плавает, что у него там?

– Открывай, – говорят, – быстрей.

– Щас доплыву.

Ну, открыл он с крючка, а вода вся хлынула на них.

– Ох ты, Ванька, ты Ванька – дурак! Что ты наделал! Ведь это всё было припашёно, всё надо было. Зачем ты так-то?

Опять тумаков Ваньке дали. Ну, Ванька!

Всё-таки стали они свадьбу собирать, снова это всё приобрели. Пиво наварили, браги наделали, водочки купили. Говорят:

– Ванька, дак ты хоть, это, иди овцу заколи на свадьбу-то.

– А какую, – говорит, – заколоть-то, которую?

– Да, котора, – говорят, – на тебя поглядит.

Ну, Ванька пошёл во двор. А овцы в конюшне, много их: семь, восемь ли было. Он, значит, взял залез туда повыше. Как в середину прыгнул к ним. Они испугались и все на него поглядели. Он взял и всех зарезал.

– Ты, – говорят, – чё, Ванька, это наделал?

– Дак они, – говорит, – все на меня глядели. Я, – говорит, – раз велели, которая на меня поглядит, ту и заколоть, я всех и заколол.

– Ох ты, Ванька, Ванька – дурак!

Опять Ваньке тумаков надавали.

Ну, всё-таки свадьбу собрали. «Иди, – говорят, – Ванька, позови гостей». Ну, Ванька пошёл звать гостей. «Мужики, – говорит, – идите на свадьбу, а баб не берите». Ну, мужики пришли. А хозяева говорят: «Так чё, – говорит, – это одни мужики, бабы-то где? Почему баб-то нет?» «А я, – говорит, – их не позвал». «Ну, так, иди, – говорят, – и баб позови».

Он пошел: «Бабы, идите на свадьбу, ребят не берите». Ну, пришли бабы и заботятся: вот там, что они там наделают, вот они там, поди, ревут, вот они там нас ждут.

Опять говорят: «Ванька, так ты чё ребят-то? Иди ребят-то тоже собери на свадьбу, чтоб женьшыны не заботились об них».

Ну, Ванька думает: «Их много, в каждом доме по пять, по шесть. Где я их соберу?» Запрёг лошадь, взял большой короб. Подъедет к дому – вытащит ребят в этот короб, в том, в другом, в третьем; их много стало, полный короб с верьхом. Он взял бастры́г, придавил их бастрыгом-то, которого за ногу, которого за руку, которого посерёдке. Они пищат, верещат. Ванька едет по деревне, ребятишки ревут. Привёз на свадьбу.

Повы́скакали матери, отцы да. «Что, – говорят, – ты, Ванька, ты наделал!» «Да как я их? Столько их много дак, как это я должен их везти, вот и привёз». Опять Ваньке тумаков надавали.

Ну, Ваньке надоело. Всё так, всё ему тумаки да тумаки. Прошла свадьба, отделились братья отдельно. И Ванька остался один, некому стало его бить. И Ванька вырос, потом стал хорошим человеком, умным, не стал вредничать. На том и сказке конец.

39.
<ОБЕЩАЛА КУРОЧКУ>

Вот, говорит, поп принимает грехи. Одна старушка уже сходила на исповедь, да ещё вспомнила грех. Ещё говорит:

– А, батюшка, можно? У меня ещё вот один грех есть.

– Ну, – говорит, – давай.

– Дак вот, – говорит, – у меня какой грех-то. Я, – говорит, – вот стряпаю на кухне и хлеб пеку, а всё, – говорит, – пержу, пержу, пержу.

– Ну, так это, – говорит, – чё, вроде, невелик, – говорит, – грех-то. Я, – говорит, – даже и в алтаре, – говорит, – и то иногда пержу.

Она говорит:

– Ладно уж, я, – говорит, – вам за это курочку дам, вот примите вы этот грех.

Ладно, всё. Он говорит:

– Дак, ладно уж.

Она ушла домой и всё долго не шла. Потом он всё поглядывает, поглядывает: «Где это та старуха-та, котора мне обещала курочку-то принести?» Ну, она пришла и курочку-то ещё всё не приготовила, не принесла. Он, значит, поёт и говорит:

– Где та старушка-то, которая мне обещала курочку?

А она ему в ответ:

– Не тот ли, – говорит, – поп кадит, который в алтаре пердит?

Ну, люди тут узнали, услышали. И он услышал и дальше у ней не стал курочку просить.

40.
ПРО ГОРОХ

Жил-был старик со старухой. Вот одно – старуха была такая навязчивая и говорит старику:

– Старик, посей горох! Старик, посей горох!

– А куда же я посею, земли-то нет?

Ну, она думала, думала, куда посеять, действительно, земли у них не было, и говорит:

– Хоть в голбец, в голбце же есть земля.

Ну, он взял да и посеял горох в голбец. А горох рос, рос в голбце и до полу вырос, больше расти некуда. Старуха говорит старику: «Старик, проруби на полу дырочку. Старик, проруби на полу дырочку».

Ну, куда деваться от старухи? Взял и прорубил на полу дырочку. А горох рос, рос, рос и до потолка вырос. Ну, старуха опять пристаёт к старику: «Старик, проруби на потолке дырочку. Старик, проруби на потолке дырочку». Ну, он взял и на потолке прорубил дырочку.

А горох рос, рос и до крыши вырос. Ну, старуха опять привязалась: «Проруби да проруби и на крыше дырочку». Ну, пришлось и на крыше прорубить дырочку. А горох рос, рос, рос, рос и туда, до неба, вырос. Да такой вырос горох-то хороший, цвету было много, а потом такой сделался стручистый. А как там стручки-то собрать? Не знают. Ну, старик думал, думал, как горох оттуда собрать, и решил сделать высокую лестницу. Сделал большую, длинную лестницу и говорит:

– Ну, я по этой лестнице полезу.

А старуха говорит:

– Старик, возьми меня с собой, я тоже хочу за горохом.

Он говорит:

– Да куда я тебя возьму-то? Как я тебя возьму?

Ну, она думала, думала и говорит:

– Придумала!

Сшила большой белый мешок.

– Вот, – говорит, – я в мешок-то залезу, а ты его на плечо.

– Дак как я тебя? Руками-то надо же за лестницу держаться.

– А ты, – говорит, – мешок-то в зубы возьми.

Ну, он так и сделал. Взял мешок в зубы, мешок перебросил через плечо (а в мешке старуха сидит), а руками держится за лестницу. Стал полезать. Лез, лез, лез, высоко уже залез. Ну, старуха сидела, сидела да и в мешке-то пёрнула. А у него мешок-то из зубов-то и вырвался от звука-то. Она по лестнице-то тор-тор-тор-тор и покатилась обратно. Ну, и упала на пол. Старику чё: или за горохом идти, или за старухой уж надо. Решил обратно слезть. Слез за старухой, смотрит: старуха стонет в мешке. Вроде уж ни жива ни мёртва. Ну, старуху надо лечить. Пошёл баню топить. Ведь и всё лекарство-то было – в баню. Истопил баню, старуха постанывает, сел около бани, старуху к бане тут же притащил. А как парить? Сам не умеет. Ну, и бежит заяц, говорит:

– Чё ты, старик, плачешь?

– Да, – говорит, – вот старуха моя за горохом лазила да чуть не убилась. Надо бы вот её лечить бы в бане, а я вот не доктор, не умею.

Заяц говорит:

– Я тоже не умею.

Тоже ушёл дальше.

Бежит лиса:

– Чё, – говорит, – старик, тут сидишь?

– Да вот, старуху бы надо в бане попарить!

А лиса, ведь она всё равно обманчивая, хитрая, ну, говорит:

– Возьми меня, я, – говорит, – могу вылечить твою старуху.

Ну он..

– А что, – говорит, – ты?..

– А ты неси, – говорит, – побольше масла, кринку, – говорит, – да, ну, хлебца получше, да медку, да чайку, дак я, – говорит, – там её и попарю.

Ну, старик всё это, радёхонек, всё собрал, принёс туда, в баню. Ну, а лисе, конечно, и вовсе на старуху наплевать, лишь бы только самой поесть, попить. Поела, попила, и… на старуху внимания не обращала и кричит:

– Открывай шире двери!

А старик открыл шире дверь-то, а она оттуда выскочила и убежала. Ну, старуха так и осталась в бане. Ну, старик пришёл, конечно, давай уж сам ее мыть да парить. Ну, попарил, помыл, и старухе полегчало. Да ей всё говорил:

– Вот не будь такая вредная. Я же тебе говорил, что не надо горох сеять. Вот ты всё смотри, мы и дом-то с тобой весь изрубили.

Ну, старуха сказала, что она больше не будет так делать и будет подчиняться старику. И стали дальше жить-поживать.

(вариант концовки)

А говорит, она позвала, это, в гости, эта лиса, ещё всех остальных зверей. И они, значит, там сделали пир и старуху-то съели. И оставили, говорит, старику-то… А чё, я возьму да и скажу тоже так. А как? Правильно сказку надо. Только они пусть так не записывают. Ну, они оставили, говорит, п...ку под лапу́шкой. А старик чё уж? Пришёл – уж старухи нет, всё было съедено.

41.
ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Жил-был дед да баба, была у них курочка Ряба. Курочка Ряба снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили они его на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком

задела – яйцо упало да раскололось. Старик плачет, старуха воет. И услышали двери:

– Что это ты, старик да старуха, плачете?

– Да как же не плакать? Да у старика, да у старушки да была курочка Ряба. Да она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Вот старуха воет, старик плачет.

И двери заскри́пали. Услышали ворота:

– Вы что, двери, скрипаете?

– Да как же нам не скрипать? Такое горе! Да у старика да у старушки да была курочка Ряба. Да она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили это яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет. Двери скрипают.

Ворота услышали и захлопали. Стоит берёза, под окном была. Услышала, что ворота хлопают:

– Вы что, ворота, хлопаете, не перестаёте?

– Да как же нам не хлопать? Такое горе! Да у старика да у старушки да была курочка Ряба. Да она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Они положили яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха-то воет, двери скрипают, мы, ворота, захлопали.

Услышала берёза и листья опустила. Прилетела на берёзу ворона:

– Что это ты, берёза, листья-то опустила, сучья все у тебя вниз?

– Да как же не опустить? Ведь такое горе! Да у старика да у старушки да была курочка Ряба. Да она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили это яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет. Двери скрипают, ворота хлопают, я, берёза, листья опустила.

Ворона полетела и ногу себе изломала. Летела и села на бережок. Берег спрашивает:

– Что это ты, ворона, ногу-то ушибла?

– Да как не ушибить-то? Ведь такое горе! Да у старика да у старушки да была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери скрипают, ворота хлопают, берёза листья опустила, я, ворона, ногу изломала.

Берега услышали, все кверху поднялись, взбунтовались, осыпались. Речка спрашивает:

– Что ж вы, берега, стали такими крутыми?

– Да как же нам не быть крутыми, не осыпаться, когда такое горе? У старика, у старушки да была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, мы, берега, крутыми стали, осыпались.

И речка взбунтовалась, поплыла, потащила всё. И пришла девочка на речку за водой.

– Что ты, речка, такая взбунтованная?

– Да ведь такое горе! Вы не знаете. У старика да у старушки была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери-то

скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега поднялись и осыпались. А я взбунтовалась.

Девочка услышала такое горе и вёдра-то по воде опустила, уплыли эти вёдра. Идёт она домой без вёдер, и попадает ей навстречу священник, поп:

– Что, – говорит, – ты, девочка, плачешь?

– Да как же мне не плакать? Ведь вот такое горе! У старика да у старушки да была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, а я вёдра опустила.

Поп побежал, у него оторвался гайтанчик и потерялся крест. Прибежал домой без креста. Его попадья спрашивает:

– Что ж ты, батюшка, без креста? Где у тебя крест-то?

– Ой, разве дело до креста? Тут такое горе, что у старика да у старушки да была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, девочка вёдра опустила, а я вот шел, с горя-то и крест потерял.

Ну, попадья тоже расстроилась и забыла свою квашню-то делать, она хлеб пекла.

Квашня говорит:

– Что ты меня не трогаешь, хлеб не печёшь?

– Разве я могу что-то делать? Ведь такое горе! Ведь у старика да у старушки да была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, девочка вёдра опустила, батюшка крест потерял, а я не могу хлеб испечь.

Попадья пошла на улицу. Едут мужики, видят, попадья бежит и спрашивают:

– Куда ты так торопишься бежишь?

– Да как же мне не бежать? Ведь такое горе случилось! Бегу всем рассказать. Какое горе! У старика да у старушки да была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, девочка вёдра опустила, батюшка крест потерял, а я квашню оставила.

Ну, мужики-то, они с сеном-то ехали. Узнали, что такое горе, и сено с лошадьми оставили на дороге и поехали по домам. И дома своим жёнам рассказали. Жёны им сказали:

– Что это вы сено оставили на дороге?

– А как его не оставить, если такое горе? Что говорят, у старика, у старушки была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёное,

красно-багряное. Положили они его на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком махнула – яйцо-то упало и раскололось. Старуха воет, старик плачет, двери скрипают, ворота хлопают, берёза листья опустила, берега крутыми сделались, речка взволновалась, девочка вёдра опустила, батюшка крест потерял, попадья не сумела хлеб испечь. Прибежала вот нам сказала. Мы лошадей оставили.

Ну, тут женщины услышали, как такое, ой, какое горе у старика, у старухи. Решили побежать к ним. Собрались у них целой деревней. Пришли. Старуха плачет, воет, старик плачет. Они говорят:

– Не плачьте, не плачьте, вам курочка снесёт ещё одно яичко, не только сине-зелёное, красно-багряное, но и золотое.

Ну, они услышали такую новость, что она им ещё снесёт, и решили больше не волноваться. И стали ждать, когда им курочка снесёт ещё яичко. Ну, она им снесла, только не таких ярких, а просто белых, на том и успокоились. На том и сказке конец. И стали жить-поживать.

41.1.
ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Вот жил-был старик со старухой, и была у них курочка Ряба. Она снесла я́ичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили это яйцо на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйчко упало и разбилось. Старик заплакал, старуха завыла. А двери спрашивают:

– Что вы плачете?

– Да как же не плакать нам? У нас такое горе! Ведь наша курочка Рябушка снесла нам яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Мы его положили на полку, на прямую соломку. А вот мышка бежала, хвостиком задела – и яичко изломалось.

Услышал(и) такое горе двери и заскри́пали. А ворота спрашивают:

– Что это вы, двери, заскрипели?

– Да как же не скрипеть? Ведь такое горе. У старика, у старушки есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Они его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко упало и разбилось. Старик-то плачет, старуха-то воет, а мы вот заскрипали.

И ворота услышали такое горе и давай хлопать. Хлопают, хлопают, а тут недалёко берёза стояла. Вот эта берёза услышала и говорит:

– Что это вы, ворота, расхлопались-та?

– Дак как же не хлопать-то нам? Да у нас такое горе! Ведь вот у старика, у старушки есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Они положили это яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко упало, разломалось. Старик-то плачет, старуха-то воет, двери-то скрипают, мы вот, ворота, захлопали.

Услышала такое горе берёза, и она опустила сучья, листья у ней повяли. Летит ворона, села на берёзу:

– Что это ты, берёзка, так расстроилась? Даже листья-то у тебя все повяли.

– Да как же не расстроиться? Ведь такое горе! У старика, у старушки есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Они его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яйцо упало и разбилось. Старик-то плачет, старуха-то воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, а я вот листья опустила, сучья.

Ворона узнала такое горе, полетела и как-то на ходу у ней изломалась нога. Она прилетела на берег, к речке. А речка спрашивает:

– Что это ты, ворона, почему у тебя нога-та изломалась?

– Ой, да не знаете вы нашего горя! Ведь у старика да у старухи была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили они это яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко упало да разбилось. Старик-то плачет, старуха-то воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, берёза-то листья и сучья опустила, а я вот почему-то ногу изломала.

Услышала река такое горе и начала подыматься, из берегов вышла, забурлила. Идёт девушка за водой на реку. Смотрит:

– Что это ты, речка, так разбушевалась?

– Да как же мне не разбушеваться? Ведь такое горе! Ведь у старика, у старушки есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Положили они это яичко на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко упало, раскололось. Старик-то плачет, старуха-то воет, двери-то скрипают, ворота-та хлопают, берёза-та листья опустила, ворона ногу изломала, а я вот из берегов вышла.

Ой, какое горе! Она стала черпать и вёдра-то опустила по реке. Поплыли эти вёдра, стучат один о другое. И пришёл за водой батюшка. Плывут вёдра, брякают.

– Что, – говорит, – вы, вёдра, плывёте, так стучите?

– Да как же нам не стучать, не брякать? Ведь вот такое горе. Ведь у старика, у старухи была, есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. И они его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко упало и раскололось. Старик-то плачет, старуха-та воет, двери-то скрипают, ворота-та хлопают, берёза-та листья опустила, ворона ногу изломала, речка-та из берегов вышла, а мы вот, вёдра, застучали с такого горя.

Батюшка побежал домой, запнулся, упал, ну, еле отдышался, прибежал домой и рассказывает. А матушка его спрашивает:

– Что это ты так торопишься, зачем? Что случилось?

– Да как же, ведь такое горе, что у старика да у старухи есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Они его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко упало, раскололось. Ведь старик-то плачет, старуха-то воет, а двери-то скрипают, ворота-та хлопают, берёза-та сучья и листья опустила, ворона-та ногу изломала, речка-та из берегов вышла. Девушка приходила на реку, вёдра опустила. Вёдра-та стучат, бежат, плывут. А я вот увидел их, спросил, расстроился, вот побежал да упал.

– Ох, какое горе, какое горе!

Она притва́ривала ква́шню и свою квашню не успела сделать, побежала скорей. Смотрит: на улице стоят несколько женьшын, о чём-то разговаривают. Она к ним.

– Ох вы, бабоньки, не знаете вы, какое горе-то случилось!

– Да какое горе?

– Да у старика, у старухи была, есть курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зелёно, красно-багрёно. Они его положили на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком задела – яичко да упало да раскололось. Старик-то плачет, старуха-та воет, двери-то скрипают, ворота-та хлопают, берёза-та листья опустила, ворона ногу изломала, река-та из берегов вышла, девушка-та вёдра опустила, вёдра-то плыли. Вот батюшка увидел да спросил у них. Вот он сам-то прибежал запыхавшись да вот мне рассказал, а я вот и квашню не стала приделывать, побежала. А вот женьшыны как услышали, а обычно женьшыны, они как-то любят друг другу что всё передать, они, значит, сразу побежали к этому старику, к старухе, вроде оказать какую-то им помощь. Бегут, а старик сидит плачет, старуха сидит воет, а курочка кудахчет: «Куд-куд-куд-куд-куда-а! Куд-куд-куд-куд-куда-а!» Ну, посмотрели, а она снесла новое яичко, и говорит:

– Не плачь, старик! Не плачь, баба! Я снесла вам яичко другое – не цветное, а простое!

И все обрадовались. И все были очень рады, что курочка снова им будет приносить я́йчки. На том и сказке конец.

42.
ПРО БИСДУНКА

(Жил-был старик со старухой). Жили-жили, и не было у них детей. Вот они думают, как же бы им как-то детей приобрести. Они поставили кадь, кадку на́ печь и стали всё туда ложить: и мусор всякий, и помои, и всякую грязь выливали, и всё квасили, квасили. И у них там укисло всё это. И они встали, посмотрели, а там мальчишка сидит, такой косматый, толстый. И они достали его оттуда. И как ему дать имя? И назвали его Бисдунок.

Ну и вот, вырос этот Бисдунок, стал побольше, ест здорово, такой сильный, косматый. И вот однажды села... Ну, он называл их «мамой», «папой», ну, раньше-то не папой звали, а тятей. Села она прясь и уронила в го́лбец клуб да простень, и послала его:

– Сходи-ка, – говорит, – сынок, в голбец, достань-ка мне клуб да простень.

А он вылез оттуда, он был всегда жадный такой, голодний. И пока туда лазил, и съел клуб да простень. Вылез и говорит:

– А я съел клуб и простень.

Ну, тогда старик пришёл с топором с улицы, говорит: «Зачем же ты клуб с простнем съел?»

А он взял и старика съел с топором. Ну, побежал по улице. Идёт, а там мужики едут, сено везут на лошади. Смотрят: он толстый такой, шагает. Ну, они тогда, значит, остановились. «Что, – говорит, – ты идёшь так?»

А он взял да и проглотил и их всех вместе с возом и с лошадью. Идёт дальше. Идёт баба с коромыслом, ходила бельё полоскать, несёт на обоих концах коромысла много белья. Он взял подошёл к ней и её съел.

Идёт бык рогатый по деревне: «Му-у! Му!» Он к нему подошёл и его съел. Смотрит, ребятишки ка-

таются по горе. А гора крутая, а они на санках, санки большие затащили, так как их много. Он говорит:

– Дайте, я прокачусь.

Ну, сел на сани. Они его так это с горы-то толкнут попуще, он как покатился, покатился, покатился да и накатился санями-то, своей-то пузой, пуза-то у него большая, пузой-то на угол бани. Пуза-то у него распоролась, оттуда и выскочила баба с клубком да с простнем, старик с топором, мужики с сеном, баба с вёдрами, даже бык потом: «Му-у! Му-у!» – последний пошёл. И все были очень рады, что Бисдунка… А Бисдунок, значит, пуза у него лопнула, и сам пропал, что не стало такого жадного Бисдунка. На том и сказке конец.

43.
НАСКОЛЬКО ЭТО ДОСТОВЕРНО

Насколько это достоверно, но рассказывала, говорит, одна вятская старуха, которая где-то там жила около Вятки. Старинная это не сказка, якобы, а быль.

Что жила она в старенькой избушке, в худенькой, жили в бедноте, и была у ней дочь, лет так уж под двадцать. И было у них поле, как и у остальных, сеяли они, убирали зерно. И вот однажды, в одно лето, стали они жать рожь. Жнут, ну и там соседи тоже на своих полях (раньше же делянки были), на своих делянках. И вышел к ним медведь. И они испугались этого медведя и побежали, дочь и мать. Побежали на другую делянку, там к людям. И убежали от медведя.

Ну, на второй день, говорят, боятся идти на́ поле, но всё равно надо жать, никто поле не сожнёт, никто не сделает за людей, всё равно надо идти.

Снова они... А когда бежала эта девушка, то она потеряла с головы ка́пор.

На второй день снова стали жать, и снова выходит медведь. И выходит, идёт на двух ногах, а в руках несёт этот ка́пор, наполненный мёдом. Но мёд, говорит, был очень такой, нехороший: со пчела́ми, с сучьями, с листьями; где-то он его взял, наломал лапами своими. И подходит к этой деушке. Ну, деушка, конечно, очень испугалась, тоже побежала, и мать опять, что вот к ним медведь пришёл. Побежали оне в разные стороны как-то, и медведь поймал эту девушку, и утащил её в лес. Мать одна ушла домой. Не могла отбиться, там люди тоже испугались, убежали. И вот он увёл её в лес, в свою берлогу. И всё лето он её не отпускал никуда.

Она пробовала убежать от него, но он её каждый раз догонял и бил. И так она была, в общем, вынуждена с ним зимовать. Она знала, что от него не убежать, она уже припасала на зиму себе питание, и он таскал кое-чего, вот, говорит, мышей, лягушек там, где поймает, тащил в берлогу. Видимо, тоже думал, что её кормить надо будет. И она запасала всякие листья, коренья, ягоды, которые поближе были (он её близко-то отпускал, но караулил, чтоб она не убежала). И вот они в берлоге вместе жили зиму, зимовала она с ним. Он, говорит, сосал лапу, но всё равно, говорит, он глазами смотрит и наблюдает, как она, только стоит ей только шевельнуться, как бы убежать, он вставал и рычал.

И стали они, стал он с ней жить как муж с женой. Она вот, говорит, ему на второе лето-то родила ребёночка, и у этого ребёночка что-то было человечье и что-то было медвежье. Вот и теперь даже рассказывали, что это было: какие-то ноги были и части, и похоже было и на лапы. И вот она этого ребёночка кормила грудью, и он стал расти, этот ребёночек. И так как ей надо было есть, питаться, она выходила всё равно питалась, и он ей там ещё кое-чё старался – вон этих мышей да лягушек таскал. Она ела, ей нечего было есть, всё равно приходилось есть.

И она стала уходить: уйдёт и к ребёнку снова придёт, опять подальше отойдёт и опять придёт. И он обнадеялся, что она, значит, ребёнка не бросит, что она всё равно придёт к нему, к ребёнку, и стал её отпускать подальше. Она ходит, там ходит, а к вечеру снова придёт. А она, значит, всё это ходила выглядывала: где это дорога, как это пройти, как ей до дому добраться, сколько времени.

И вот она выждала, как это ей, чтобы как ей наметила, когда убежать, она оставила этого ребёночка, и с утра как вышла гулять, как будто вот пастись, а сама, значит, сразу побежала домой.

И прибежала домой, мать была дома, она сказала: «Давай скорей, бегом, уедем отсюда». В общем, они захватили только то, что у них там под руку попало. А они, жили-то, видимо, тут была железная дорога, станция. Они скорей туда, на вокзал и уехали. Она говорит: «Всё равно он меня найдёт, если мы здесь останемся. Он всё равно найдёт».

И когда они уехали, ночью он приходил, этот медведь. И, говорит, всю избушку ихную, всю раскатал их избушку, всю – их искал. Кричал очень, ревел, но ушёл. Люди уже не посмели его стрелять, не стали, да и нечем, может быть, было. Ушёл, не стал больше приходить. А они уехали, и никому было не известно, куда они скрылись. На том и конец был ихней жизни. Медведь так остался один в лесу жить, а она куда-то вот с матерью уехала. И не вертались. А ребёночек там, у медведя, остался. Где он был, что с ним? (Не видали его больше?) Нет. Не видали.

АВТОРСКИЕ сказки

РАЗДЕЛ 5

44.
СКАЗКА ПРО БАРАШКУ

В небольшой уральской деревушке жил старик со своею старушкой. Был у них Кот – чёрный лоб, да кошка Мурка – белая шкурка, да собака Жучка – хвост закорючкой, да Барашка – золотые рожки, тоненькие ножки. Жили – не тужили, бабка печь топила, кашу с маслом варила, пироги пекла, всех кормила. Кошки бабке помогали, воду носили, посуду мыли. Дед с Жучкой в лес ходили, дрова рубили, траву косили, лыко драли, грибы собирали. Баран бегал по полям, по долам, по зелёным лугам. Ел зелёную травку, пил холодную водицу, сил набирался. И вырастала на нём шерсть длинная и густая. Дед из шерсти чёсанки катал да войлоки для постели, бабка носки да рукавицы вязала. Изделия эти свои да шерсть продавали, и на все расходы в доме денег хватало.

Да вот беда: не пришёл однажды ночевать Баран. Где же он? Может, в заячью петлю попал? Может, волк пожрал? Или в лес забежал, заблудился? Нет Барашка день, нет два. Стали думать, гадать, где же Барана отыскать. Дед сказал: «Когда я был маленьким и терял свои игрушки или вещи какие, то мне говорили, что надо прыгать на одной ноге и говорить: чёрт, чёрт – поиграй, да отдай, чёрт, чёрт – поиграй, да отдай. Я прыгал, а потом искал, и вещь находил». А бабка сказала, что одна знахарка баяла, что, если кто потеряется, человек ли, скотина ли, которые в лес далеко заходят, то их там леший уводит, закрывает и домой не пускает. «Надо подарок Лесному лешему сделать. Я сделаю». Всю ночь бабка не спала: мягкого, свежего ржаного хлеба напекла. Как только в лесу стало светать, туда пошла. Идёт

уверенно, ни с кем не заговаривает, ни на кого не смотрит. Зашла в лес, нашла получше, покрасивее пенёк. Положила на него свежего хлеба краюшку да монету серебрушку. Поклонилась в лес и сказала: «Батюшка Лесной, прими, пожалуйста, подарочек честной, а верни мне Барашку». Ещё раз поклонилась да так, согнутая, взад пятками, и вышла из леса, не оглядываясь, не заглядываясь. Пришла домой. Прошёл день – Барашки нет. Засомневалась старушка: «Что-то я не эдак сделала, как знахарка сказывала. Почто Баран домой не идёт?»

Тут собачка Жучка сказала: «Не плачь, бабка. Я пойду и Барашку приведу, я по следу ходить умею». Пообббежала все-все соседние поля и поляны Жучка: след есть, а Барана нет. И только к вечеру нашла одну странную дорожку в лес. А уже темно стало, дождик пошёл, свернулась Жучка калачиком под ёлочкой, закрыла мордочку своими лапками, чтоб комары да муравьи не кусали. Спала ли, лежала ли, а как рассветало – дальше по дорожке побежала. Видит: стоит домик на куриных ножках. Вышла оттуда баба немолода, нестара, в замызганной рубахе, не чёсана, неприбрана, набрала ношу дров и вошла в дом. Жучка испугалась: «Не Барашку ли нашего она хочет поджарить?» Тоже ношу дров набрала и вслед за бабой в избу вошла. Стала тоже хлопотать по хозяйству, помогла бабе помыться, одеться, причесаться и ласково спросила:

– Бабушка Яга, не видела ли ты нашего Барашку – золотые рожки, тоненькие ножки?

Баба ответила:

– В эти дни я дома не была, по миру в ступе летала, свои дела справляла.

И добавила, что вот в малой дали в лесу живёт Лесное Чучело:

– Злющий он от одиночества. Кто в лесу заблудится, он того к себе уводит и крепко закрывает. Я с ним дружбу не вожу, но тебе за доброту дорожку к нему покажу.

Долго ли, коротко ли бежала Жучка, бежала и увидела бугор, мохом зарос, но на дом похож, да и Барашкой пахнет. Вдруг треск, топот – косолапит по тропе Лесное Чучело: голова косматая, брови длинные, что глаз не видно, – и несёт на загривке хребтюг с травой. Открыл дверь амбара, тут и увидела Жучка своего Барана. Подождала, пока Чучело уйдёт, подошла к двери, а там замок. Заскулила собачка, заплакала, и Барашек её услышал. Стала Жучка ругать Барашка:

– Ведь было сказано бабушкой, в лес далеко не уходить.

Барашек оправдывался:

– Я от мух да от комаров в лес спрятался, а потом меня кто-то украл и сюда посадил.

Тут сзади подскочил Чучело, поймал Жучку и привязал на ржаву цепь:

– Теперича здесь будешь жить и Барашку мово сторожить.

А дома дед со старухой плачутся: нет ни Барашки, ни Жучки. Кот – чёрный лоб сказал: «Я пойду. Я их найду и домой приведу. Я по следу их вынюхаю». Весь день бегал по полям, по косогорам: запах есть, а Жучки с Барашком нет. Только к вечеру нашёл след в лес. Переночевал где-то на дереве, а с рассветом дальше побежал. На пути стоит избушка на куриных ножках, и пахнет здесь Жучкой. Сел Кот около двери, принюхивается, прислушивается. Тут дверь открылась, и баба Яга его в дом пустила, молочком накормила, а Кот всё в избушке подмёл, бабе Яге косу заплёл, всё в доме прибрал и спросил, не видела ли она Барашку – тоненькие ножки,

золотые рожки, и Жучку – хвост закорючкой. Баба Яга показала, куда Жучка убежала. Кот – туда. Видит: бугор мохом зарос, на дом похож, Бараном и Жучкой пахнет. Тут его кто-то поймал и в избу затолкал. Кот в избе всё прибрал и разузнал, что Баран под замком сидит, а Жучка на цепи, а ключ от замка у Чучелы Лесного на поясе висит.

Вылез Кот крысиным лазом, отыскал Жучку. Втихаря переговорили между собой Кот, Жучка и Барашек и решили немедля бежать. Ночью Кот перегрыз ошейник на Жучке, и вдвоем стали делать подкоп под амбар, пока Чучело спал. Вызволили Барашку и побежали лесной тёмной тропой. Под утро добрались до избушки на куриных ножках. Успели бабу Ягу поблагодарить за доброту да вдруг увидали: бежит по их следу Чучело. Тут баба Яга взяла свою большую метлу, да как на него замахала, да как закричала: «Ах ты, Чучело смердючее! Как ты, ворюга, смеешь в мои владенья появляться, над доброй скотиной издеваться? Да я тебя сейчас в жабу превращу! В волосатую!» Развернулся Чучело, наутёк бросился. А Баран забросил на спину к себе коротконогого Кота, велел лапками за рога держаться, и в путь побежали. Впереди Жучка, за ней Барашек с Котом.

А дома на завалинке сидят дед да баба и кошка Мурка, во все стороны глаза проглядывают. Мурка первая увидела: «Бегут, бегут!» А они – уже тут. Все рады, что наконец дома. Бабка печь затопила, кашки с маслицем наварила, пирогов да шанег напекла, всех-всех накормила. Барашка тут встряхнулся, встрепенулся да головой так быстро-быстро закрутил, и с золотых его рожек посыпались золотушки. Дед потихоньку собрал золотушки в денежный кошелёк, а наутро они с Жучкой на базар поехали, всем новых обновок набрали и полный мешок, под завязочку, гостинцев привезли.

Вот, как говорят в народе, так и сбылось: доброта да труд всё горе перетрут. Тут сказочке нашей конец, а кто слушал, тот молодец.

45.
СКАЗКА О БЕЛОМ БАРАНЕ

Давным-давно среди татарского населения был принят обычай карабсить себе в жёны молодых девушек. Иногда девушка, полюбив парня, втайне от родителей договаривалась с парнем, чтоб он воровски от родителей увёз её из дому. Бывало и так, что родители тайно от дочери договаривались, чаще с престарелым или с уродливым человеком (за определённую мзду), и разрешали «украсть» у них дочь. А иногда просто понравится парню девушка, он и выследит, где да когда она бывает. Ловит её и без всякого благословения родителей увозит домой, в жёны.

Однажды в летнюю ночь в дальнем краю, в Мокром лесу, работник одного богатея Иван услышал какую-то непонятную речь и ругательства. Насторожился и тихонько подкрался посмотреть. А там здоровый, крупный мужик привязал лошадь к дереву, потом взял в руки сломанное колесо (без колеса-то не уедешь) и куда-то ушёл. Иван понял, что он пошёл за другим колесом или чинить. В телеге же раздался плач, просьба о помощи. Иван достал из сена большой завязанный мешок, развязал, а там девочка 16 годов. Она увидела Ивана, обрадовалась,

начала что-то рассказывать на своём татарском языке. С пятого на десятое Иван понял – карабсил, похищение невесты. Девочка из повозки достала ещё один мешок и потащила Ивана в лес. Повёл её Иван в далёкий лесной шалаш, где он временно обитал.

Иван-то – парень из соседней с нами деревни. Вырос он сиротой, не зная ни отца, ни матери. А теперь он двадцатилетним парнем жил в работниках у богатого хозяина: заготовлял для него строевой лес для новых построек, жерди, дрова, чистил вырубленную делянку. Вот живут Иван с девушкой в шалаше, боятся всякого шума и шороха. Понемногу языку друг друга учат. Прижимаются друг к другу в ночной холод, так и слюбились. Девушка догадывалась, что родители знали о её похищении. Они в тот вечер разрешили ей надеть драгоценности, которые входили в наряд татарских женщин (серебряные и золотые монеты – украшения головы и груди женщин). И послали её вечером к родственнице. Там и схватил её этот урод – богатый торговец, в три раза старше её.

Девушка решила побывать в своей деревне, узнать, что и как. Надела одежду Ивана, стала неким незнакомым парнем. После долгой дороги дошла до своего селения. От соседей она узнала, что родители её не ищут, не возмущаются её потерей. А ночью она пробралась в свой дом, собрала остальные свои украшения и обнаружила в тайнике серебряные и золотые деньги. Поняла, что это деньги богатого купца, выкуп за неё, отданный родителям. Тогда она и эти деньги взяла с собой.

Подивился Иван нежданному богатству, и решили они из леса уйти жить в большой город. С собой взяли немного денег и часть драгоценностей. Остальное богатство закопали в землю под кривым старым деревом, чтоб дождём не промочило, морозом не морозило, люди не нашли. Иван топором на дереве сделал заметку. В городе быстро как-то устроились, деньги на первое время имелись. Нашли работу, купили маленькую избушку и зажили семьёй. И вот через пару лет решили сходить откопать драгоценности. А в том лесу власти уже отвели богатому люду делянки на лесозаготовки. Пришли они, а вместо глухого леса захламлённая лесосека. Пни торчат от леса вырубленного, земля завалена сучьями, протоптанная и заезженная. Искали, искали, так и не нашли они свой клад. Решили, что проживут и без этого нечаянного богатства.

Много времени с тех пор прошло. Нет уже ни Ивана, ни девушки. А слух о закопанном в лесу золоте остался. Верят люди: клад в лесу лежит и лежит, ждёт себе хозяина. Говорят, любой клад со временем должен быть найден. Лесорубы неоднократно видели в том лесу белого барана – Золотые рога. Кто-то слышал, что надо поближе подобраться к тому барану, ударить якобы по нему левой рукой наотмашь, баран рассыплется, и забирай на том месте все драгоценности. Может, и наоборот всё было: увидал какой-либо лесоруб необычного барана да и начал копать на том месте, а откопал потерянное Иваново золото. Вот и пошла басня про счастливого белого барана.

Клад частенько упрямым и удачливым дуракам в руки даётся, да вот редко благополучие с собой приносит. Так что, если кто о кладах мечтает, желаем ему побольше счастья-удачи и большой запас осмотрительности.

И на этом сказочке конец.

46.
ИВАН – НАСТИН СЫН

Что рассказывается в сказках, то когда-то было былью. В одной старенькой избушке жила Настя-пастушка. Рано она осталась сиротой. По годам-то уже невестилась, да женихи её по бедности не сватали. Чтоб прожить, она нанималась пасти коров. И вот уж осень настала, последние дни пастбищев. Гонит Настя коров с поля и услышала плач ребёнка. Подошла поближе, видит: лежит в канаве ребёнок возле дороги. Взяла его на руки, огляделась вкруг узнать, чей бы это ребёнок. Позвала, покричала, да никто не откликнулся, а ребёнок так и ловится ручонками за лицо и плакать перестал. Как быть, где его оставить? В стару кофту завернула она малыша, прижала к своему телу и побежала догонять стадо. Стадо быстро разошлось по родным домам, а Настя вернулась в свой дом. Встретили её дома коза Берёза, собачка Кусачка и кот Колдун. Настя быстро подоила козу, напоила ребёнка молоком, угостила всех жильцов дома. В тот год больше скотину Настя не пасла, жила дома своим хозяйством. Так и продолжалось её житьё всю зиму. Скот зимой не пасут, люди к ней приходят редко. К весне сносила в соседнее село малыша, окрестила и назвала Иваном.

Ребёнок подрастал. Идя на работу, Настя оставляла его с жильцами дома. Он научился говорить не только по-человечески, но и понимал всё то, что говорили его друзья: собака, куры, коза и кот. Как подрос Иван, стал самостоятельно бегать, Настя его с собой в подпаски брала. Люди мало интересовались, откуда у Насти сын Иван. Знали, что она девица в годах. Сама же она говорила, что это-де её родной сын.

Однажды, сопровождая стадо в туманный облачный день, Иван потерялся в лесу. Скотину пасли по опушкам да по старым лесосекам, подале от хлебных полей. Вот на перегоне с поляны на поляну где-то сынок и отстал, а был ему шестой год. Настя переполошилась, забегала, аукала, думала, может, заснул где, отстал. Прогнала стадо по старому пути – нет Ивана. Скотину не бросишь, вмиг на поля убредёт. Весь день Ивана кричала и ждала. К вечеру стадо домой надо гнать. Пригнала скоренько, разбрелась скотина по своим дворам. Нет Ивана и дома. Уж в сумерках, взяв собаку Кусачку, пустилась Настя по опушкам и полянам на поиски. До глубокой ночи бродили, не нашли. Сгинул Иван. Утром в слезах стадо собирает. Сказалась людям, что-де затерялся Иван, кто лесами куда пойдёт, пусть кликает да смотрит. Сама опять возле стада должна быть. Опять по всем вчерашним пастбищам прошло стадо, везде искала Настя сына, опять полночи по лесам с собакой бродила. Только на третий день, слава Богу, отыскалась пропажа. Нашли Ивана у шалаша на дальних покосах. Всего мухи да комары изъели, живого места не видно, мордашка распухла, глазёнки как щёлки. Но живой. Настя всякими травами лесными и полевыми его отпаривала да отпаивала – выходила сына. Только долго потом его с собой со стадом в поле не брала – боялась. Оставался Иван в деревеньке, домовничал, соседям помогал гусей пасти да с соседскими ребятами вместе играл.

Подросшего Ивана привечали деревенские мужики, брали его с собой в ночное. Лошади ему нравились, он мог с ними разговаривать,

оказывал им помощь, если они болели. Скоро научился подковывать лошадей и стал работать помощником кузнеца. С каждым годом становился всё красивей, с чёрными кудрявыми волосами. Среди молодёжи его недолюбливали, потому что в любой игре, в любой работе он брал первенство. С годами он стал интересоваться, чей же он сын, где его отец. Мать Настя, видя красивого чернявого сына, подумывала: уж не из цыганской ли повозки он выпал? Но свои сомненья держала в тайности. Однажды Иван спросил у мамы:

– У всех моих товарищей есть отцы. А кто мой отец?

Настя ответила так:

– В деревне у нас много мужиков. Вот, ежели тебе кто понравится из них, так и считай его своим отцом.

Иван ответил:

– А Кузьма Ильич, мой старший кузнец, давно меня называет сыночек.

– Хороший человек Кузьма Ильич… Вот и ты зови его отцом, – отвечала Настя.

Узнал про этот разговор Кузьма Ильич, подумал да и посватался к Насте, попросил быть его женой. Стали жить они вместе и через год родила Настя малыша, назвали его Фёдором.

Всё чаще стал задумываться Иван о дальнейшей жизни и своей женитьбе. Деревенские девушки его боялись. Боялись его красоты и жгучих глаз. Весенней порой он с вечеринки ушёл на берег реки. Там цветёт черёмуха и поют-заливаются соловьи. Спросил их Иван:

– Что это вы так распелись, развеселились?

А соловьи ответили:

– Так весна же, Иван, на дворе. Весной каждая птица и каждый зверёк себе пару выбирает, гнёзда вьют, детей выращивают. Вот послушай-ка, как лягушки веселятся.

И тут же Иван услышал лягушечье кваканье. Пошел ближе к болоту. Спросил:

– Что вам так весело?

Лягушата в ответ:

– Ква-а-а-к, весна ж пришла. Погляди, Иван, на мир вокруг. Весной даже щепка на щепку лезет, как плывут по ручью.

Иван обратился к лягушкам:

– А может, есть у вас невеста и для меня? Такая же, как Василиса Прекрасная?

Старшая из лягушек ответила:

– Ква-а-к можно? Нет, твоя невеста не здесь подрастает. Жди. Ищи.

В тот же год разместился около этой деревни табор цыган. Мужики-цыгане узнали о добрых кузнецах – о Кузьме да Иване. Кузьма и Иван сами ковали подковы, гвозди, качественно подковывали лошадей, лечили их от болезней. Цыгане скоро рассказали по деревне, что у них в таборе через неделю будет свадьба, и цыгане приглашали на свадьбу деревенскую молодежь, а особо просили, чтоб на свадьбу пришли Кузьма Ильич и Иван с мамой Настасьей. Насте не шибко хотелось идти к цыганам, боялась она их, но муж Кузьма настоял на том, чтобы на свадьбу пошла вся семья. По случаю свадьбы прикупили себе красивую одежду. Иван нарядился в чёрный костюм, белую рубашку, модны туфли. Посмотрела на него мать: «Ах, какой завидный жених мой Иван!»

Подходя к цыганскому табору, услышали они красивую музыку и цыганское веселье. Средь табора расположили на улице столы, на которых было выставлено всякое угощение. Всю деревенскую молодёжь цыгане усаживали за столы. Вот через некоторое время вывели на показ жениха и невесту, которые были очень красивые и счастливые. Средь пирующих гостей раздались

громкие, торжественные здравицы. Все любовались на прекрасную пару.

А Настя, вдруг увидев молодожёнов, сорвалась с места и побежала к ним навстречу. Добежала до них и силой стала отталкивать невесту от жениха, заслонила жениха собой, закричала на толпящихся цыган:

– Да как же это! Да что ж это деется! Без мово материнского согласия да отдавать за Ивана свою цыганску невесту! Женить парня хотят! Да без благословения родителев!

Подбежал тут к Настасье её сын Иван, старается ее унять и остановить:

– Что ты, мама, делаешь? Ведь вот он я – твой Иван. А этот – цыган чужак.

Тут уж все обратили внимание на двух одинаковых ребят, даже вроде бы сама невеста както засомневалась, который же её жених. Тут из толпы подошёл цыган – тоже высокий, красивый бородатый мужчина, только старше годами, стал внимательно приглядываться к ребятам. А сбоку протолкалась цыганка женщина и вдруг закричала на высокого цыгана: «Как же ты смел обмануть меня, что мой сын умер в детстве?»

Разгорелся скандал. Выяснилось, что у цыганки были сыновья-двойняшки. Во время её болезни одного из них не стало, а ей сказали, что он умер, в то время как он каким-то образом потерялся из цыганской повозки. Цыгане разгалделись, расшумелись, очень обрадовались, что сын баро-цыгана живой, и что это кузнец Иван. Стали усаживать Ивана, Кузьму и Настасью на почётные места, начали улещать да угощать. Только перепуганная Настасья скорёхонько это дело прекратила. «Оставайтеся сами со своимя свадьбами, мы – домой!» – и чуть не волоком увела своих ошарашенных мужиков домой.

Пришлось дома повиниться Насте, призналась она и рассказала, как появился у ней однажды сын Иван, что ближе и роднее старшего сына у ней никого нет.

А на второй день цыгане сами явились на двор кузнеца, принесли дары, угощений, подарков. Высокий цыган и его жена слёзно стали просить Настю и Кузьму отпустить к ним в табор их сына Ивана погостить да с родственниками познакомиться. Ошарашенный Иван дал согласие пожить какое-то время с новообретённой роднёй. Цыган сказал, что он вечный должник Настасьи, что Настасья теперь родня всем цыганам.

А через день табор от деревни внезапно откочевал, пропал с ними и Иван. И вернулся только в гости через два года с молодой красивой женой цыганкой и с годовалым сыном Ивашкой. Так и остался он потом жить в таборе вольной бродячей жизнью, в большой цыганской семье. Бывал в родной деревне он потом изредка, но каждый забредший сюда цыган обязательно передавал от него приёмным родителям Кузьме и Насте поклон.

Вот так иногда вертит судьба людьми. То ли сказка, то ли быль.

47.
СКАЗКА ПРО СИРОТУ-ИВАШКУ

Сказка про одного купца, доброго молодца. Богат-то он богат, да и на красивой женщине женат. Есть у них дочь – умница да разумница, ласково её Машей называют. Она грамотой большой овладела, отцу в торговле помогала, по базарам, по ярмаркам бывала. В доме – работ-

ники, да слуги, да всякие прислуги. Даже парень Ванюшка живёт на побегушках. Живёт из милости сиротка в избушке (в конюховке), где сбрую лошадиную отогревают да пищу для рабочих и корм для скота готовят. Ваня-Ивашка рад, что в тепле да при хлебе живёт. А иногда по праздникам барыня и обновки ему покупает, а он везде всем помогает. Куда позовут, он всегда уж тут.

Однажды во дворе кобыла ожеребилась да при родах и пропала, околела. Хотели и жеребёночка выбросить, да Ивашка его пожалел. Из соски молоком его кормил, обнимал, ласкал. А иногда так во дворе в обнимочку с ним и ночевал. Всё-то с жеребёнком о чём-то говорил, говорил. Всё-то ему о своей сиротской доле рассказывал. Что он вот так же, без матери остался. Отцом в нём никто не признался. Кормила тётя до шести лет, а потом дядя, её муж, его выгнал. Ходил по людям, по церквям, собирал Христа ради. Помогал всем, кому чем мог. Люди Ивашку жалели, не обижали, даже книжки читать давали. «Обучили меня и грамоте. Я всю работу знаю и делать её умею, но нет у меня настоящего жилья. Пока не могу свою силу к настоящей работе применить», – так они с жеребёнком друг к другу прижились и привыкли. Всё сказанное друг у друга понимали. И меж собой друг друга Иваном да Орликом называли. А через три года оба красавцами выросли – сильными да умными.

Часто к ним во двор стала приходить Маша – купецкая дочь, сахарком угощала Орлика. Орлик к ней привык и речь её понимал. Маша верхом на Орлике на прогулку ездила, на псовой охоте уездного начальника с батюшкой побывала. Идёт обычно Маша во двор, а Орлик её уже ждёт. Ванюша коня из конюшни выводит, Маше подняться на него поможет, притолкнёт, подсадит. Нечаянно обнимет да ещё и поцелует. Маша не противится, Ваня расцветает. Сразу преобразился, повеселел, влюбился в Машу. И Маше Ваня нравится. День за днём у них любовь разгорается, Маша во дворе чаще появляется.

Всё было хорошо, да вот у Маши вдруг живот растёт-прибавляется. Маша с повинной к матери является. Мать к отцу идёт. Отец пугается: «Как? Где? Кто? Когда? Ведь это позор, беда! Как людям в глаза смотреть? Что люди скажут? Кто её с дитём замуж возьмёт?» Узнали от Маши и про Ивашку. Вечером потихоньку отец с матерью позвали к себе и Машу, и Ивашку: «Что же вы, ребята, наделали? Где у тебя, Ивашка, совесть? Мы тебя кормили, поили, одевали, обували, а ты нам экую свинью подложил». Хотела Маша вступиться за Ивана, что пусть Иван будет её мужем, она его любит. Мать в беспамятство, отец впал в бранное изумление: «Совсем вы нас с ума свели! Жених – оборвыш без роду, без племени. Ни двора, ни кола, гол как сокол! Люди скажут: отдали Машу за драную липовую лутошку. Позор! Что с того зятя взять? Как его родне-друзьям показать?» Понял Иван, что не в свои сани сел. Да что теперь сделаешь? Упал хозяину в ноги, попросил прощения, всю вину взял на себя. Слёзно просил: не наказывайте Машу. Хотел его хозяин в каталажку посадить, да пока смилосердничал. Сказал ему: «Убирайся с глаз моих долой. Чтоб сегодня же тебя здесь не было, ни твоего духу, ни твоего звуку. Если расскажешь кому, что произошло, каталажки не минуешь. Везде разыщу и в тюрьму посажу». Понял Иван, что ради Маши и её семьи должны они расстаться, здесь жить нельзя, надо куда-то уходить. Незаметно для других Маша положила в карман Ивана холщовый мешочек. Иван по пути зашёл во двор

попрощаться с Орликом, наказал коню слушаться Машу и беречь её. Обнял Орлика, поцеловал и пошёл со двора куда глаза глядят.

На второй же день отец для Маши нанял няню да охрану. Строго наказал, чтоб за Машей следили, как бы она куда не убежала да ничего с собой не сделала. Вспомнил он, что у одного соседского купца есть сын по имени Аристарх. Люди Аристарха звали перестарок. Девки за него замуж не идут, он немолодой, некрасивый да еще и одноглазый. Вот отец Маши поехал к ним, якобы по работе. И за столом при беседе невзначай приехавший купец похвалил сына хозяина: «Вот хороший сын, приветливый да бравый, красивый да богатый! Я б за такого сына дочку не пожалел бы, в жёны отдал». На второй же день сосед-купец с Аристархом заслали сватов. Увидала Маша жениха, заревела: «Что хотите делайте, а замуж за него я не пойду!» Отец с матерью по-хорошему её убеждают: «Венцом твой блудный грех прикроется. А что ребёнок родится чуть раньше, ничего! Значит, недоношен, такое случается. Живи ты, Маша, добропорядочной да уважаемой купецкой женой и радуйся!»

Маша аж топочет противу родительского решения: «Я у священника при венчании громко скажу, что меня силой замуж отдают. Он венчать не будет». Свадьба намечена через две недели. В день свадьбы Маша побывала на конюшне, обняла, поцеловала Орлика, поплакала, о своём горе рассказала, что её силой отдают замуж за уродливого жениха. Попросила Орлика: «В ночь венчания будь, Орлик, около церкви и отвези меня верхом в монастырь». Орлик эту дорогу знал. Вот пришло время свадьбы. Невеста в белом свадебном платье, а под платье надела мужские штаны и рубаху.

Зашли в церковь, а там суета, множество людей, Маша времени не теряла, сразу прошла вперёд гостей приветствовать да к священнику поговорить. А сама юркнула в боковую дверь и к Орлику. Быстро сбросила в мешок свадебное платье, покрыла голову какой-то невзрачной шапкой. Вспрыгнула на спину Орлика, и по её приказу Орлик быстро умчался, увозя на себе Машу. Пока в церкви люди друг у друга наряды разглядывали, пока новости обсуждали, хватились – нет невесты. Замельтешили, искали, спрашивали, плакали – ан нет нигде невесты, значит, нет и венчания. Свадьба-то и расстроилась. Родители в ужасе: невесту да в церкви потеряли. Сбежала невеста! Отцу Маши грозят карами, неустойками за убыток, за позор, за несостоявшуюся свадьбу.

А Маша по приезду в монастырь сняла уздечку с Орлика и велела быстро бежать домой, да так, чтобы никто не догадался, где он был. Сама постучала в дверь монастыря, попросила впустить заплутавшего путника, переночевала. А наутро Маша пошла к настоятельнице да в ноги со слезами к ней упала. Попросила спасения-сохранения от позора, отдала всё своё золото-серебро да дорогое шитьё на нужды монастыря. Пожалела монахиня Машу, пообещала взять в послушницы, и отправила к престарелой монастырской служке-привратнице. Маша и ей всё рассказала, во всём покаялась. Монастырская служка знахарство раньше знала и Машу поняла, долго вздыхала да кривилась, молилась да плакала. Заварила Маше чайку, зелёного, с разными травками, муравками, напоила чаем. Через день Маша заболела. Низом, верхом Машу прорвало, и большого живота не стало. Может, причина и не в чае, а в том, что долго тряской

рысью ехала верхом. Часами Маша на коленях стояла теперь да грех свой замаливала.

А отец Машин решил во что бы то ни стало Машу разыскать. Нанял соглядатаев. Они и в монастыре побывали, но там сказали, что такую, как Маша, никто не видел. А Маша уж старушкой была наряжена. Так они и жили при монастыре, две старушки. Ухаживала Маша за хозяйкой, мыла, стирала, в горнице убирала. О родителях и Ване ничего не знала.

Иван далеко уехал, чтоб никто его не увидел, не прознал о нём. Остановился около речки, в большом городе. Уставший, голодный, с плохими думами о несчастной жизни. Как жить? Где работу искать? Была мысль даже утопиться в этой речке. Решил с горя Иван умыться, и вместо носового платка из кармана вытащил холщовый мешочек, а там купюры денег. И вспомнил он, что Маша что-то ему в карман положила. Посчитал Иван деньги, перекрестился и сказал: «Жив буду – Маше долг отдам». Поел в трактире, на ближайшем рынке купил себе одежду, сходил в баню, к цирюльнику. В зеркало посмотрел – сам себя не узнал. Такой красивый да пригожий стал! Снял угол в полуподвале. Скоро извозчиком работать нанялся. Пообжился, с городской жизнью познакомился. Однажды увидел объявление, что требуется приказчик к купцу. Вспомнил, как, бывало, отец Маши брал его с собой на разные базары и ярмарки грузчиком, видал он и как торговцы свои купеческие расчёты ведут, как товары выбирают да оценивают, как торгуются да товар обмеряют. И пошёл Иван наниматься работать приказчиком, купец его и взял. Прошёл год. Иван с работой справляется, у хозяина на почёте, многому научился, ко всякому делу присматривается. Всё-то он знает, всё-то умеет. Денежный оборот у хозяина растёт, дело расширяется. Подружился Иван с сыном и дочерью купца. Вместе с ними гулял, купецкие вечера посещал, разные весёлые развлечения придумывал. Хозяин всё больше стал присматриваться к Ивану, задумывался, нельзя ли Ивана взять в зятья. Чаще стал с собой брать Ивана на всякие базары и ярмарки, где ведутся торги, наживается капитал. Незаметно прошло ещё два года.

Однажды на большой городской ярмарке Иван услышал знакомое ржанье лошади и увидел Орлика. Подбежал к Орлику, обнял его, поцеловал, пригладил и ласково спросил: «Милый Орлик, скажи, что знаешь о Маше?» Тут Орлик зафыркал, губой зашлёпал, рассказал, как он Машу от жениха-урода спас и в монастырь ночью отвёз. Может быть, она и сейчас там. Больше он её не видел и ничего о ней не слышал. А родители её найти не могут. Призадумался Иван и решил в монастыре побывать. Теперь он богат, пора долги отдавать. Попросил у хозяина отсрочку, прикупил подарки и поехал в монастырь. А там говорят: «Нет у нас такой, не проживает, и никогда не было». Он обратился к главной монахине, да с подарками: «Скажите, где Маша? Она моя невеста». Тут настоятельница призналась и Машу велела отыскать. Возрадовались молодые, что вновь повстречались. Повинились друг перед другом. А наутро пошёл Иван к настоятельнице, умолял-просил разрешения, чтоб взять Машу из монастыря. Монахиня препятствий не чинила, сказала, что Маша по своей воле здесь живёт и постриг пока не принимала. Благословила их настоятельница, смахнула слезу и отпустила с богом.

В тот же день Иван с Машей в церкви побывали, повенчались и на радостях к родителям Маши поехали в гости с повинной. Во дворе

Орлика увидали, Маша его сахарком угостила, обняла, поцеловала, за всё ещё раз спасибо сказала. Обрадовались отец с матерью, что отыскалась наконец непокорная дочь. Простили и благословили Машу да Ивана. Погостили молодые неделю, поговорили обо всём и жить к Ивану в город поехали. Там и живут-поживают – рожденья детей ожидают.

48.
ПРОКЛЯТЬЕ

В одном дальнем поселении жил старик со старухой. И было у них две дочери. Одна старикова – Маша, другая старухина – Наташа. У Маши мать умерла во время родов. Грудью её вскормила соседка, у которой в те же дни родилась дочь Наташа. Так постепенно и стали жить одной семьёй. Дружно росли девочки, во всех работах были равные, одежду носили одинаковую и по вечерам вместе бегали. Одна другой была краше. Любили их соседи. И парням они нравились.

Всегда-то они вдвоём, всегда-то вместе, пока не заневестились. Наташа (дочь старухи) первая полюбила парня Ивана. Этот же парень понравился и Маше. Приехали однажды к родителям сваты и их общий знакомец Иван. Тут-то Иван и указал на свою избранницу, на Машу.

Старуха знала про влеченье Наташи и осталась шибко недовольна его выбору, но виду не подала, промолчала. Свою дочь она всегда больше любила. Считала, что она у сердца лежала, у гузна торчала. Дочери и хотела большего счастья. Да вот падчерица-разлучница ей дорогу перебежала… Запечалилась Наташа, заболела, осунулась лицом да почернела. Но зла на Машу не держала, только иногда горько плакала у неё на плече.

Прошло просватанье. Вот и свадьба настала. Начали её, как принято, не хуже, чем у всех. А при прощании, когда родители должны благословить детей иконой перед венцом, мать-мачеха вместо добрых слов прошипела невесте: «Проклинаю тебя, Маша, за то, что ты отбила, отняла жениха у моей дочери Наташи, пропади ты пропадом, понеси тебя чёрт во все стороны, чтоб глаза мои тебя не видели, чтоб уши мои о тебе не слышали». В церкви прошло венчание. А когда все вышли, на улице поднялась сильная метель, вьюга, подул сильный ветер, вихрем вырвало вдруг из рук Ивана Машу, понесло, закружило, удуло. Всполошились гости, искали, искали, но так Машу и не нашли… Исчезла молодая жена прямо на дороге.

Иван вспомнил тут «благословление» мачехи. Он знал, что она хотела за него выдать Наташу. И Иван поклялся, что другой жены у него не будет: «Я найду Машу, мы венчаны». Отправился Иван прямо со свадьбы искать свою суженую. Спрашивал Иван про Машу у всех встречных людей, у животных, у птиц. День за днём проходит, а Маши нигде нет. Все соседи, старик и дочь Наташа – все осудили мачеху за незаслуженное проклятие. Сказали: кто проклинает,

тот сам в беду попадает и себе врагов наживает. Невзлюбили старуху добрые люди. От горя да от обиды она ослепла и оглохла. Одна старая женщина посоветовала ей сходить на исповедь к священнику в церковь. На коленях она приползла к священнику, в горьких слезах ему покаялась. Священник сказал: «Проклятье – это большой грех, это – зло, это – зависть, это – болезнь души и сердца. Надо много молиться, а главное – просить прощения у того, кого ты проклинал, ругал. Моли Бога, чтобы Маша отыскалась, выпроси у неё прощения, тогда исправится твоё здоровье».

Маша очнулась на какой-то большой, грязной свалке в незнаемом сумрачном мире. Увидала там двух немощных сгорбленных старух, которые не могли самостоятельно двигаться, да седого больного старика. Ещё были с ними ребята-подростки. Все они – грязные, голодные, страдающие. И никаких дорог-выходов с той местности не было, никто из проклятых никак не мог покинуть это место. Стала Маша там жить, ухаживать за стариками, присматривать да ободрять детей. Потихоньку узнала о их судьбах. Старухи ей говорили: «Прокляли нас свои дети за то, что мы их бросали, морили голодом, били, никому ни в чём помощи не оказывали. Вели мы недостойную жизнь. Ждём мы заслуженно Смерть, да никак позабыла она нас». Ребята признавались, что убегали из родного дома, родителей в грош не ставили, бродяжили, воровали, людей обижали, прокляты своими родителями, и смерть они заслужили, а Смерти не боятся. Старик говорил: «Я проклят женщинами. У меня много было жён. Всех я обманывал, обворовывал, бил, а двух довёл до смерти. А теперь Смерть никак за мной не идёт, которую я очень прошу и умоляю. Даже Смерть брезгует меня взять за мои великие грехи-погрешения. Все люди здешние живут на свалке Жизни. Все мы – великие грешники». Но Маша сказала: «Нет! Я не считаю себя виновной, не отбивала я жениха у сестры Наташи, он сам на просватаньи указал на меня. Мать меня прокляла, так то сгоряча – за Наташу она переживала, слегла у нас сестра от печали. А Смерть придёт, за ней пойду, но всё равно буду говорить, что невинная я».

Прослышала как-то Смерть разговоры и споры проклятого люда, явилась полюбопытничать, кто это среди проклятых людишек с самой Судьбой не соглашается. Очень уж понравились ей смелость, доброта и прямодушность Маши, да вот только не положено Смерти в открытую добрые дела делать. Она только может к кому немножко пораньше, а к кому немножко попозже подойти. Просьбы стариков Смерть наконец услыхала, взмахнула над ними своей вуалью и повела старика и старух за собой. На оцепеневших от страха ребят-хулиганов покосилась, поворчала, но обошла стороной. А на Машу перед уходом буркнула себе под нос что-то вроде: «Век тебя больше не видеть!» Попрощалась, стало быть, с понравившейся девушкой... На следующие сто лет...

…А на родной земле Иван ищет Машу, родители ищут проклятых и давно прощённых своих детей. Давно ищут, да не находят ни следа, ни весточки. Говорят среди людей, что-де все новости приносят сороки на своих хвостах. И вот однажды какая-то худая ободранная сорока появилась на изгороди дома, где ночевал Иван. Иван пошёл в путь – и сорока за ним. То вертится, то крутится, то стрекочет о чём-то, то нахохлится и замрёт неподвижно. Опять очнётся, на Ивана поглядывает, то сядет, то полетит немножко.

Увидал это Иван и понял, что странная сорока его зовёт куда-то. И пошёл, побежал он тем путём, куда летела сорока.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. За лесами, за горами, за тёмными ущельями, за реками да за болотами далеко зашёл Иван вслед за сорокой. И однажды закончилась вдруг заросшая тропочка перед каменной стеной. Заскакала сорока по каменной скале, заверещала, начала клювом камень долбить. И проступила в стене заповедная дверь в Землю проклятых. Долгое время пытался Иван её открыть, да сорока ещё, пытаясь, видно, помочь, ему же по рукам клювом попадала. Лишь когда кровь с разбитых рук упала на дверь, заскрипела дверь, заискрилась и сама отворилась. Понял тут Иван, что только кровь отворяет дверь и что сорока здесь, похоже, уже бывала. Протиснулся Иван в проход и встретил вдруг прибежавших на шум Машу и каких-то ребят-побирушек. Обрадовались пленники Сумрака белому свету, от радости заплакали, начали обнимать Ивана. Потом ребята выскочили наружу, прощения друг у друга попросили, приняли клятву боле никого никогда не обижать, поблагодарили Ивана и Машу и отправились прямым путём к своим родителям.

А Маша с Иваном наглядеться друг на друга не могут, нарадоваться долгожданной встрече. Но потом собрались тоже в обратный дальний путь, поклонились сороке, в гости её пригласили. Как перешагнули они порог заповедной двери, так стала она сама собой закрываться. Только промелькнул вроде бы вдали за дверью чей-то серый силуэт в капюшоне, да сорока вдруг встрепенулась и порхнула за дверь. Захлопнулась дверь и заросла камнем, как не было…

Возвратились странники наконец в родные края, домой. Дома Ивана и Машу отец с сестрой встретили, а мать-мачеха в ноги к Маше упала, горькими слезами залилася, прощения попросила. У Маши добрая душа, она всё всем простила, и у Бога за мать-мачеху попросила. Стало возвращаться к мачехе здоровье. Собираются Иван с Машей в путь к себе домой, в Иваново село, как утро придёт. А и тут же, в этот вечер, к ним во двор за Наташей сваты приехали.

Тут и сказочки конец, а кто слушал – молодец.

49.
СКАЗКА О МАШЕ-РУКОДЕЛЬНИЦЕ

Давным-давно это было. Жила в одной деревне маленькая семья. Он да она да доченька Машенька. Машеньке-то годков двадцать было, или уж более годков на пяток. Красотой-то она не славилась, а какая была умница, разумница, работящая. Она и в поле, она и в доме. Особо хорошо умела прясть, шить, мыть, пироги печь и песенки петь. Любили Машеньку люди всей деревни и называли её ласково – лучшей рукодельницей.

Всё-то она правильно высчитает, сколько пряжи да сколько ниток надо для тканья полотна. Ведь для разных узоров скатертей, полотенец, полотен нужны были разноцветные основы и уток с разноцветными нитями. Знать надо, что

в каждом моте по 10–12 пасом, в каждом пасмо по 30 чисменок, в каждой чисменке по три нитки. Вот на мотовиле отмотай 90 нитей – это будет пасмо. Перевяжи моток и мотай другое пасмо. Когда ткут, надо знать длину пасмо и какой ширины будет ткань, с каким рисунком. Самая простая ткань – это пойдёт на онучи, на мешки, на полога. Ткали простое полотно в две ниченки, без рисунков. А вот скатерти ткали в 6–9–12 ниченок, с разными красивыми рисунками. Будет много неприятностей, если кто неправильно подсчитает. Распустить обратно сотканное очень сложно. Так и получится полотно с узлами да с перекосами, с кривым рисунком или разной толщины ткани. Неумелых девиц от таких же неумелых матерей и замуж-то не брали. Так что бабоньки часто за помощью обращались к Машеньке.

Зимним вечерком после Рождества из соседней деревни приехали сваты и жениха сразу с собой привезли. Машенька парня-то один раз только и видела на базаре прошлой зимой, понаслышке узнала, что он из доброй семьи, из работящей. Родители невесты спросили согласия у Машеньки. Ну что ж, Маша ведь знает, что замуж всё равно когда-то выходить надо, годков-то уже много, согласилась. Родители за невесту запросили выкуп (калым) – две четвертные, пятьдесят рублей значит. Деньги для деревни огромные. Сваты не согласны – дороговато! Стали выяснять, а какое приданое будет за невестой? Стали решать, кому делать и какие подарки. В новой семье есть свёкор, свекровь, три деверя, да две золовки, да крёстный и крёстная. Долго считали, сколько человек будет на свадьбе с той и с другой стороны. Решали другие вопросы. На скольких лошадях поедут к венцу? Какое и на сколько человек будет обрученье? Приедет ли жених к тестю с гостинцами? Поедут ли девки за вениками? В каких нарядах и верхней одёже будут выступать жених с невестой на обручении и на свадьбе? В какой горнице будут жить молодые? Где и когда они будут ставить свой дом? Какая скотина, земля и покосы предполагается им в надел?..

Долго считали, рядились и только к утру договорились. Выкуп за невесту будет состоять из одной четвертной и двух червонцев, да один пуд крупчатки и две четверти водки. Свадьбе быть через три недели. Отец жениха и отец невесты подали друг другу руки да с прихватом полы (одежды). Разнял руки сватовщик в присутствии матери невесты. Выпили бутылку водки, привезённую сватами с собой, и поехали домой.

На второй день родители невесты поехали на базар, за семь вёрст. Взяли с собой четвертную да из сундука червонец прихватили. А на базаре народу-у-у! Кто приехал торговать, кто-то воровать, а кто просто так, себя показать – на других посмотреть! Прошлись по лавкам, присмотрелись, приторговались. Решили подарки покупать хорошие да дорогие! Дочь-то ведь у нас одна!

Купили 3,5 аршина кашемиру синего – свёкру на рубаху, 4,5 аршина – свекрови, тоже кашемиру, малинового цвета, по 9 гривен за аршин – это 7 целковых и 2 гривны. Золовкам купили репесовые полушалки за 6,5 целковых. Деверьям на рубахи – сатину, да жениху на рубашку, да невесте на платье, крёстному с крёстной и сватовщику полотна на рубахи да шёлковые ленты подружкам. Почти всю четвертную издержали. Ещё купили пуд рыбы, пуд белой муки, 5 фунтов изюму, 3 восьмушки чая, семечек да орешек, водки 2 четверти. Ещё бы кой чего хотелось купить, да денег больше нет. Сложили всё в мешки да в возок и поехали домой.

ДЕВИЧНИК. Дома Маша собрала девичник из 12 девиц, да на 12 дней. Девки-мастерицы всё, что привезли родители с базара, пошили да из сундука для шитья прихватили. Ношобную одежду для жениха приготовили: две рубахи, двое штанов, двое подштанников. Да 12 полотенец вышили, узорчики к ним пришили, да 12 скатертей с разными рисунками – праздничные, да 7 скатертей – обеденных, да 6 рукотерников, да плат на квашню, да плат на руссленник, да плат на сельницу, да 7 мешков-пятериков (пятерик – 5 пудов), да 7 мешков-трёхпудовиков, да 5 мешочков разной величины, да 5 чайных утирок, да 2 полога, да хребтюг с конопляными верёвочками. Постель состояла из скатанного из шерсти войлока, двух одеял и двух подушек с разными запасными наволочками. Из лоскутков цветных да из ленточек украшали сплетённую соломенную шляпу для продажи тысяцкому. Просматривали и отглаживали и прочее девичье приданое.

Во время девичника парни деревенские по вечерам приходили к девкам на песни. Каждый мог заказать себе песню. Он за эту песню платил девкам деньги, или орешки, или семечки. Парни чаще приходили не песни слушать, а с девицами познакомиться, выглядеть себе невесту, мастерицу да рукодельницу, красивую да ласковую.

Через две недели жених с дружками-ровесниками приехал к невесте с гостинцами, с разными выпечками, конфетами, пряниками, семечками, орехами. Невесте привезли подарки, шёлковые шали. Девок на лошадях катали по деревне с песнями. За два дня до свадьбы девки съездили к жениху за вениками. Там их угощали. В угощенье входили вино и водка, но девки водку не пили, стеснялись, а почему-то иногда становились весёлыми. Догадывались, что мать жениха в самовар с кипятком водочки доливала. Пили, ели, веселились, на лошадях по деревне катались с песнями, помахивая берёзовыми пруточками. Жених для невесты выслал подарок: берёзовый веник, завёрнутый в полотенце, туалетное мыло, гребёнку для волос, два пажика и бутылочку духов.

В конце девичника девки обычно готовили цветы для парней жениха (дружков) и для жениха, которые пришивали к дружкам на одежду во время приезда свадьбы. Парни должны за цветы платить деньги и благодарить девушек.

ОБРУЧЕНЬЕ. Накануне свадьбы приезжают к родителям невесты родители жениха со своими родственниками: с братьями, с сёстрами, с близкими друзьями. Гостеприимство продолжается только один вечер. Пьют, едят, знакомятся, поют песни да побасенки рассказывают.

СВАДЬБА. В день свадьбы подружки расплетают косу у невесты. Невеста плачет о своей косе (замужним женщинам одну косу уже не заплетают). Наряжают невесту. Приезжает свадьба на семи-восьми лошадях, человек по тридцать. Жених едет на лошади со своим крёстным. У ворот невесты идут шуточные игры, не пускают приезжих, якобы нет тут свадьбы. Нет для них никакой невесты. Делают рабочий вид, пилят дрова и т. д. Пока идёт торг, девки пришивают цветы на одежду дружкам. Идёт знакомство между парнями и девушками. Гости рассаживаются за столом. Рядом с женихом садят невесту. Перед молодыми на стол ставят красивую тарелку, два стакана, кладут две ложки, две вилки.

На их колени расстилают полотенце. Гости садятся на определённые места. За первый стол

садятся крёстные жениха и невесты, близкие родственники. Гости пьют, едят. Молодым перед венцом есть нельзя. Угощают гостей водочкой, пивом, бражкой. Девки в это время поют свадебные песни для жениха и невесты, для тысяцкого, для крёстных. Преподносят стаканчик водки на тарелочке тому, для кого была спета песня. Он выпивает стаканчик и на тарелку за песню кладёт деньги.

Девки продают соломенную шляпу с большой косой. Крёстная жениха в полотенце, что у молодых на коленях, аккуратно заворачивает посуду, что поставлена перед молодыми. Гости собираются к поездке. Жениха и невесту благословляют родители невесты иконой. Икону тоже забирает крёстная жениха.

В церкви проходит венчание, чаще при полном свете (много зажжённых свечей). Иногда невеста кладёт в Евангелие алую ленту (это значило, что она неиспорченная девушка). Потом все гости едут в дом жениха. Жених свою невесту сажает с собой. Теперь она его жена. Все садятся за столы, пьют, едят. После нескольких часов веселья крёстная жениха ведёт молодых спать на подклет (уединённое место для ночлега молодых). Там постель, стол, иногда угощенье.

Утром встречают молодых, идут разные шутки, прибаутки. Жених с невестой стараются уговорить гостей свадьбы, чтобы они не вредничали, поят их пивом и водкой. Через некоторое время невеста дарит подарки родственникам, родителям. При этом называет родителей жениха папой и мамой. Появляются новые звания среди гостей – крёстный, крёстная нового родственника. На столах появляются рыбные пироги. На них поставлены пустые тарелки. В тарелки свадебьяне кладут подарки для молодых. Когда выйдут из-за столов, идёт веселье. Уставшие гости идут спать.

На следующий день после завтрака свадебьяне идут по деревне, чтобы показать скатерти и полотенца, накидывая их себе на плечи. С песнями, шутками заходят в соседние дома, где получают вознагражденье (чаще – сырые яйца). Из них пекут чикалки, жарят яйца.

Другие гости приглашаются родственниками в свои дома. Там их угощают. Гости веселятся. Под вечер собираются в дом молодых. Невеста подметает пол. Гости стараются ей помешать, распинывают мусор по полу, кидая при этом на пол деньги. Молодуха подбирает деньги и снова метёт, помогает ей её муж. Пол подметается, и гости по домам разъезжаются. Свадьба была длинная, весёлая, шумная.

ХЛИБИНЫ. Через неделю после свадьбы молодые с близкими родственниками: с родителями, с братьями, с сёстрами, с дядями, с тётками – приезжают к родителям невесты.

Опять пир, только однодневный. Невеста собирает то, что не смогла сразу с собой взять.

ЖИЗНЬ В НОВОЙ СЕМЬЕ. Молодожёнов принято называть большими именами: не Маша, а Мария, не Ваня, а Иван. Маша должна была в новой семье называть свёкра – тятенька, свекровь – мамонька, всех остальных в семье – ласковыми именами. У Маши прибыло много новых родственников: крёстная, крёстный, дядюшки, тётушки. Всех надо уважить, всем уноровить, найти общие интересы с деверьями, с золовками. У молодушки в доме много работы: она должна носить воду, топить баню, кормить скот, мыть, стирать и на полевые работы успевать.

Свекровь у Маши была умной, трудолюбивой, доброжелательной. Раньше всех вставала утром, позднее всех ложилась спать. Для всех (с помощью снохи) готовила еду. Под её строгим и разумным распорядком женщины пряли, ткали, шили, за скотом ходили и нянчились с детьми.

Свёкор – грозный человек, свои дела знает, приказы свои два раза не повторяет. С сыновьями за лошадьми ухаживает. Сбрую, инвентарь для хозяйства готовят. Сани, дровни и кошёвки делают для продажи. Дрова для дома готовят, сено и корм для скота. Занимаются охотой и рыбной ловлей. Ездят на лошадях на лесозаготовки. Готовят для семьи обувь, катают валенки, плетут лапти. Удобряют поля, ведут посевные работы, убирают выращенный урожай. Летом в поле работает вся семья. Собранного урожая должно хватить на все хозяйственные расходы, на питание семьи, кормление скота и на частичную продажу для получения денег. Денежный заработок на лесозаготовках и работах по найму, от продажи скота, хлеба, семян, шкур, мёда и прочего в семье не задерживается. Надо и налоги платить, и общинные сборы, и необходимых фабричных товаров купить.

Семья умела не только трудиться, но и отдыхать. Соблюдали все воскресные дни, отмечали праздники. В престольные праздники приезжало с окрестных деревень много гостей: сватовья да сватьи, зятевья да дочери да их родственники. Часто гостили с ночёвками. Выпивки-то было много, для всех хватало. Бражка, пиво, кумышка (самогон), иногда покупали и водку. На столы ставили разное: жирные шти, жареных молочных поросят, гусей, картовницы, морковницы, яичницы, кисели, обязательно селянки из крупчатки с топлёным маслом. Отдельным застольем был чай из самовара с сахаром, с конфетами, с вареньями. Чай пили из блюдец.

За десять лет семья справила три свадьбы, отдали замуж двух золовок, и женился старший деверь. Со сношенницей Мария прожила два года без ссор и разногласий. У Марии и Ивана было трое детей, а у деверя – двое. Семья прибывала, и отец решил отделить семью старшего сына Ивана и Марию. Для них построили дом, в надел дали лошадь, корову, часть мелкого скота. Разделили земельные участки и выделили им делянки. Теперь Мария сама стала хозяйкой в своём доме, в подчинении только мужа.

Такой жизнью раньше жили люди в деревнях.

50.
СКАЗКА О ПАСЕКЕ

Недалеко от деревни, в краю лиственного леса, расположена колхозная пасека. Есть там небольшая избушка с камином, стол, небольшие нары и ящики с рабочими инструментами. Как и на каждой пасеке, имеется и потаённое местечко для бражки-медовухи: устроен за камином стул, на котором стоит полутораведёрный лагушок с краном. Туда кладут якобы выбракованный мёд, наливают воды, бросают дрожжей. Летом в избушке тепло, медовуха за неделю там

укисает. Израсходована медовуха – снова добавляют туда мёду и воды, и снова ждут градусную жидкость. По всему лету в избушке живёт пасечник дядя Паша со своей собакой. Держит собаку на привязи, чтобы всех не кусала и домой не убегала.

У большой пасеки всяческих напастей немало: и непогода, и голод, и любители до чужого ежедневным трудом собранного мёда. А самый страшный – это медведь. Здешний медведь каждое лето не однажды посещал пасеку. Он знает, что собака привязана да ночами любит поспать, и без особой опаски грабил пчёл. Медведь много мёда не брал, с собой уносить не умел, только на месте полакомится. А опасен косолапый тем, что сталкивает ульи с мест, опрокидывает их и разламывает, чтобы достать рамки с мёдом.

Пасечник дядя Паша придумал, как избавиться от медведя. Предложил председателю колхоза выкопать на проходе к лесу глубокую яму экскаватором. Сверху яму замаскировали сучьями да травой.

Наконец настало тёплое лето. Много отделилось новых семей у пчёл, прошло роение. Установили на ульи дополнительные магазины. Расцвело много цветов, зацвела липа. Загудели пчёлы, пулями снуют из улья в леса и обратно. Запахло в округе свежим душистым мёдом.

Медведь не утерпел, решил побывать на пасеке, добыть мёду. Утром прилёг в кустарнике, недалеко от избушки и стал вести наблюдение. Видит, как дядя Паша идёт на работу, несёт ящики с рамками, наполненные мёдом. В избушке освобождает их от мёда и ставит обратно в маленькие домики пчёл.

Вот подъехала грузовая машина. Люди взяли три или четыре фляги мёда, оставив пустые фляги для следующей партии мёда. Вот подъехала легковая, председательская машина. Из машины вылезло какое-то начальство, по одежде видно, среди них одна женщина и двое мужчин, каждый с трёхлитровым бидончиком. По приказу председателя все бидончики были наполнены мёдом, а дядя Паша всех угостил медовухой. Уехали гости.

Стало вечереть, темнеть, пора бы на покой дяде Паше. Нет, снова заурчал вдали мотор, снова подъехала председательская машина. Даже медведь удивился, чего это он идёт второй раз с пустым бидончиком. Наверное, при гостях постеснялся себе мёду взять, вот и вернулся. По-хозяйски председатель зашёл в избушку, а уж было темно. Зажгли огонёк, коптилку. Выпили по кружечке или по две медовухи, налили в бидончик бражки. Попрощались, и председатель пошёл до машины. Вдруг слышится мотор мотоцикла. Подъехали двое каких-то мужиков. Председателю неудобно с ними встречаться в таком месте и в такое время, да ещё и с бидончиком. Он и решил припрятаться.

Медведь тоже увидел нежелательных гостей. Гости вроде выпившие, громко ругаются матерными словами. Медведь отошёл подальше от своего укрытия. Председатель всё пятился и пятился от избушки, что-то под ним подломилось, он и упал в выкопанную яму. Медведь услышал шорох, насторожился, потопал быстрее. Тут и под ним сучья затрещали, и медведь тоже свалился в яму. Испугались друг друга в яме-то. Председатель вначале и не разглядел, кто с ним в яме. Он стеснялся приезжих, как он понял, это были местный кузнец и молотобоец. Они приехали к дяде Паше за медовухой, видно, где-то выпивали, да не хватило. Дядя Паша налил им

бидончик. Приезжие гости взяли выпивку да и уехали домой.

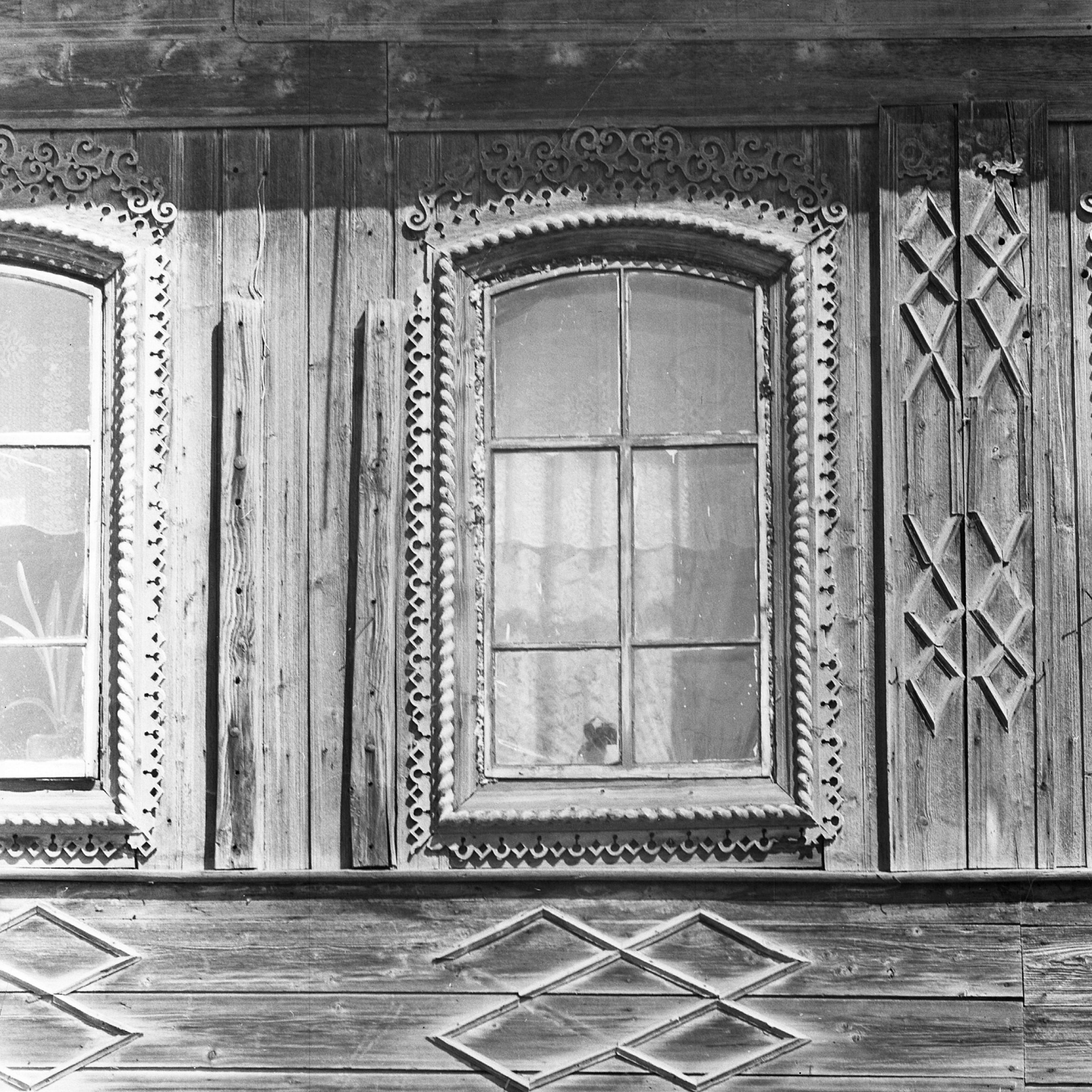
Дядя Паша задул огонёк, лёг на бочок на нары, пора бы уж отдохнуть. Слышит: что-то собака не так лает, не спит, на цепи мечется. Решил посмотреть. Вышел и услышал, что кричит кто-то. О, председатель и кричит, и зовёт пасечника по имени. «Да где это он, не уехал, что ли? Или снова приехал?» – думает дядя Паша.

Пошёл на зов. Скоро понял, что председатель в темноте попал в яму и просит о помощи, чтобы его достали из ямы. Вспомнил дядя Паша про лестницу, что около сухой ёлки стоит. С её помощью он обычно рои на деревьях сгребал. На улице тем временем пошёл дождь, стало скользко. Дотащил кое-как пасечник лестницу до ямы.

Голова у дяди Паши с медовухи кружится, поскользнулся он и тоже упал в яму, а лестница осталась наверху. От удара ушиб себе ногу, да некогда стонать, увидел в яме медведя и председателя. Испугался, что медведь сейчас их обоих обдерёт. Душа в пятки ушла. Что делать? Как быть? Ласково обращается дядя Паша к медведю: «Медведюшка-батюшка, прости нас». А медведь сидит, молчит, только своими глазками сверкает. Дождь идёт, стало сыро и холодно. Вылезть нельзя, яма глубокая. Кричать нет смысла, людей поблизости нет. Так и сидят ночь, и день, и два. Попривыкли к своей странной компании. Под утро жмутся для обогревания друг к другу. Есть хочется – попивают понемножку из бидончика медовуху. И медведю полакать в крышке от бидона подают.

Два дня проходит, а председателя на работе нет. Тут вспомнил кузнец, что видел машину председательскую на пасеке, поехал на мотоцикле туда. Отыскал пропащих. Кричат люди из ямы, спустил он к ним лестницу. Стал залезать на лестницу председатель, но медведь с силой сдёрнул его обратно. Хотел вылезть дядя Паша – нет, медведь и его не пускает. Понимает небось, что отпустишь людишек, а они потом тебя и забудут или же пристрелят. Поняли мужики, что надо как-то из ямы вперёд вытолкать медведя. Карабкается медведь, ворчит, царапается. Мужики сзади как могут его пихают. Вылез медведь, грязный, сырой, голодный, сходил, стало быть, за мёдом. А кузнец-то и не знал, что в яме медведь есть. Испугался, думал – оборотень, чуть душу Богу не отдал. Медведь споро заковылял и в момент скрылся в лесу. Полезли из ямы остальные пленники – усталые, мокрые, грязные, перепуганные, с ушибами. Но рады и довольны, что живыми остались.

Правду люди говорят: «Не рой яму для недруга, сам туда попадёшь». Вот такая вот побасенка хаживала средь любителей медовухи про колхозную пасеку.

КОММЕНТАРИИ

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

Впервые термин «докучная сказка» использовал В. И. Даль. Если мы обратимся к его словарю, то узнаем, что это тексты, наводящие скуку бесконечным повторением одного и того же[1]. Цель такой «сказки» – вызвать досаду у ребенка, который требует рассказать ему сказку. Докучные сказки относятся к жанрам детского фольклора. Это не совсем «настоящая» сказка, а своеобразная преамбула к длинному сказочному тексту. Рано или поздно сказочник останавливался и начинал рассказывать настоящий сказочный текст.

Евдокия Никитична знала докучные сказки и понимала их назначение. В ее репертуаре помимо собственно докучных сказок присутствуют и тексты, выполняющие их функцию, но относящиеся к другим жанрам. Более того, некоторые из них имеют литературное происхождение.

1. НАДО СКАЗКУ ПРО ГУСЯ?

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Ранее не публиковалась.

Текст относится к группе так называемых «неоправданно коротких сказок», или сказок-коротушек.

Наиболее распространенный вариант: «– Рассказать вам сказку про гуся? / – Вот и сказка вся» (Амроян 1996, № 1.5). Однако известны и другие варианты. См. подобные тексты (Никифоров 1932, № 4, 6, 9). Иногда вместо гуся в тексте появляется лось (Никифоров 1932, № 2) или дидусь (Манжура 1890, с. 126). Иногда гусей оказывается двое: «Жили-были два гуся, / Вот и сказка вся» (Никифоров 1932, № 7; Колпакова 1963, с. 57).

[1] *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 459.*

2. ЖИЛ-БЫЛ...

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 2 («Жил-был, жила-была...»).

Текст относится к группе так называемых «неоправданно коротких сказок», или сказок-коротушек. Варианты данного текста найти не удалось.

В сказках сюжетного типа СУС 851 («Неразгаданные загадки») встречаются загадки, построенные по принципу, использованному Евдокией Никитичной. Так, в сборнике А. Н. Афанасьева в сказке «Царевна, разрешающая загадки» герой спрашивает у царевны: «Вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало» (Афанасьев 1985. Т. 2. № 239).

Аналогичный текст встречается и в сборнике В. И. Даля: Ср. Стоит добро, в добре добро; я взял добро да выгнал добро (Даль 1984. Т. 2. С. 373).

3. ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ...

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 3.

Скорее всего, данный текст представляет собой личное творчество Евдокии Никитичны, которая соединила в одну сказку несколько мотивов из разных текстов. С одной стороны, это тексты сказок-коротушек о старике и старухе, у которых был колодец или озерцо, где водились щука и елец (Никифоров 1932, № 20, 21, 22, 23, 24, 25, 121, 129), а с другой – текст, относящийся к разновидности бесконечных докучных сказок (кольцевых сказок). В них героем является царь, у которого есть двор и кол с мочалом (Афанасьев 1985, № 530; Колпакова 1963, № 58; Кудрявцев 1871, № 55; Можаровский 1882, с. 46; Никифоров 1932, № 75, 76, 77; Амроян 1996, № 2.25). Иногда в текстах появляется яблоня, на которой висит мочало, крестьянин, у которого на огороде кол с мочалом, ель на острове Буяне с висящим на ней мочалом, бык с мочалом на рогах, старик и старушка, у которых есть корыто или лохань с мочалом, и т. д. Большая подборка текстов с мотивом «мочало – не начать ли сначала» приведена в сборнике И. Ф. Амроян (Амроян 1996, с. 39–44).

4. НАДО ВАМ СКАЗКУ...

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 13.

Данный текст относится к разновидности бесконечных докучных сказок (кольцевых сказок). Как и большинство текстов данной разновидности, этот вариант несюжетен. Однако Евдокия Никитична создает образ, который типичен, скорее, для волшебных сказок. Это образ быка с золотыми рогами. Однако если в волшебных сказках этот образ чудесно-возвышенный, то у Е. Н. Трясциной

он иной. Сказочница использует для дополнительной характеристики быка сниженную лексику, у него появляется новая характеристика – «пуканеный хвост», что создает столь любимый детьми комический эффект.

5. НАДО ЛИ СКАЗКУ...

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 8 («Надо ли сказку страшную...»).

Данный текст, скорее всего, представляет собой личное творчество Е. Н. Трясциной. Однако можно предположить, что она узнала какие-то фрагменты текста из книги, а затем умело вплела их в свое повествование. Данный текст отличается богатой и разнообразной системой образов: тут и золото, катящееся по горе и светящееся на солнце, и дурная баба, летящая в гости в ступе, и полная коробка плетей. Сказочница блестяще соединяет эти разные образы в единую цепь. Вероятно, сказка адресована внукам и рассказывалась им перед сном, на что указывают слова: «Если не будете спать, сейчас сюда прилетят, вас съедят». На детей ориентирована и концовка сказки, которая призвана вызвать у них смех мнимой угрозой получить плетью «по заднице молодой».

6. ЧОК-ЧОК, ЗУБЫ НА КРЮЧОК

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Ранее не публиковалась.

Данный текст является не докучной сказкой, а игрой-молчанкой, которая относится к жанрам детского потешного фольклора. Обычно текст «Чок-чок, зубы на крючок» продолжается словами «А язык на полочку. Молчок!» или «Кто слово скажет, тому в лоб щелчок». Это своеобразные призывы к молчанию. У Евдокии Никитичны текст увеличивается за счет типичной для жанра молчанки цепочки неприятных образов: «сорок кадушек солёных лягушек, сорок стаканов сухих тараканов». Данная строчка, скорее всего, попала в текст из стихотворения К. И. Чуковского «Лунь». Оно входит в цикл так называемых «Детских народных песенок», представляющих собой обработки целого ряда жанров детского фольклора. Текст данного стихотворения был так широко распространен, что исполнительница могла и не знать о его авторской природе.

7. Я СИДЕЛА НА ОКОШКЕ...

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, комментарии, с. 229.

Данный текст не является докучной сказкой. Его основная часть восходит к дореволюционному городскому тексту: «Мы сидели у окошка, жарили картошку. Вдруг звонок — один, другой. Входит к нам городовой: «Что вы здесь делаете?!» Мы сидели у окошка...» Зафиксированы и другие варианты данного текста: «Сидел я на окошке, / Ел печёные картошки...» и «Я сидел на камне, / Хлебал воду

в реке, / Подошла ко мне старуха, / Цап меня за брюхо. / Я старуху-то схватил / И в милицию стащил. / – В чём ваше дело? / – Я сидел на камне...», которые также могли оказать влияние на формирование репертуара Евдокии Никитичны. В сборнике «Русские сказки Пермского края» приведен ряд вариантов данного сюжета (№ 9, 10 и Комментарии, с. 229–230). Нельзя не отметить также, что текст начинается словами известного стихотворения С. В. Михалкова «А что у вас?»: «Дело было вечером, делать было нечего». Это стихотворение было широко распространено, оно вошло в учебную литературу и школьные хрестоматии, по нему был снят мультфильм, и слова «Дело было вечером, / Делать было нечего» существовали в разговорной речи без указания авторства. Евдокия Никитична могла их использовать, считая народным присловьем, а не фрагментом текста Михалкова.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Сказки о животных являются одной из древнейших сказочных форм. В системе их художественных образов центральное место занимают представители животного мира. Первоначально это было сочетание анималистических тотемистических представлений с наблюдениями над животным миром. Постепенно сказки о животных становились сатирическими произведениями, в которых в аллегорической форме отражались социальные конфликты. В настоящее время они адресованы преимущественно детям, поэтому в сказках преобладает дидактическое начало.

Евдокия Никитична активно использовала сказки о животных в работе с детьми. С помощью сказки она знакомила детей с окружающим миром. Текстам ее сказок о животных присущи композиционная стройность, широкое использование песенных вставок, звукописи, рифмы и ритма.

8. ЗВЕРИ В ЯМЕ (ПРО СВИНЬЮ)

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Ранее не публиковалась.

Сказка представляет собой широко распространенную контаминацию сюжетных типов СУС 20А «Звери в яме» и СУС 21 «Пожирание собственных внутренностей». Помимо этого, добавляется сюжетный тип СУС 248 А* «Лиса и дрозд».

Первая фиксация данного сюжета в сборнике «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» (Ч. III, с. 41–47). Из сказок, записанных на Урале, наиболее известны тексты из сборников Э. В. Померанцевой (Померанцева 1957, № 8), М. Китайника (Сказки Урала 1959, с. 152–154), Л. Г. Барага (Бараг 1974, № 28).

Сказка Е. Н. Трясциной в основном совпадает с традиционной сюжетной схемой. Однако в ней встречаются художественные особенности, свидетельствующие о мастерстве сказочницы и ее блестящем владении текстом. Евдокия Никитична в своей сказке собирает всех животных с помощью свиньи, а затем удаляет ее из повествования, придумав эпизод с испытанием – прохождением по жердочке через яму. В большинстве известных вариантов если испытание и присутствует, то

оно связано с прыжком через яму. Свинья, как и остальные животные, участвует в испытании, но оказывается более удачливой и в яму не проваливается. В сказке Е. Н. Трясциной, когда все звери оказались в яме, свинья «вокруг ямы обошла да дальше пошла». Таким образом, основное действие разворачивается уже без нее. Интересен и эпизод выбора жертвы – с помощью «голосянки». В большинстве известных вариантов звери также с помощью соревнования выбирают, кого съесть, правда, обычно сравниваются громкость или тембр голоса. В сказке Евдокии Никитичны звери тянут звук. Необычайно интересны комментарии сказочницы, объясняющей слушателям, что происходит с проигравшим. Так, говоря про волка, она замечает: «Волк, хоть и умел выть, а тут оплошал». Традиционны задания, выполнение которых лиса требует от дрозда, однако и тут появляются замечания Евдокии Никитичны: лиса ест из корзины шаньги, старик, старающийся поймать дрозда, опрокидывает старуху вместе с подойницей и т. д.

9. КОТ, БАРАН, ПЕТУХ И ЛИСА

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Ранее не публиковалась.

Сказка относится к широко распространенному в русской сказочной традиции сюжетному типу СУС 61В «Кот, петух и лиса». В указателе зафиксировано 49 русских вариантов. Впервые данный сюжет опубликован в сборнике «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» (Ч. II, № 5). Первая пермская публикация относится к 1863 г. Две сказки данного сюжетного типа были опубликованы в «Пермских губернских ведомостях» (Вологдин 1863, № 41, с. 211, № 42, с. 214–215) и были перепечатаны в сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 83–84). Пермские тексты опубликованы также в изданиях: Русские народные сказки Пермского края 2004, № 19 и Комментарии, с. 233–234; Вологдин 1863, № 42; Спешилов 1962, с. 30; Пермские сказки 2000, с. 9. Имеется архивная запись. Русские народные сказки, записанные неустановленным автором 1896 (ГАПО/ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 209. Л. 3). Уральская публикация известна по сборнику Э. В. Померанцевой (Померанцева 1957, № 6).

Сказка Е. Н. Трясциной соответствует традиционной сюжетной схеме. Сказка богата песенными вставками. Евдокия Никитична использует разные художественные приемы для создания своеобразных речевых характеристик персонажей. Так, в речи лисы, пытающейся выманить петуха из дома («Петушок, петушок, золотой гребешок...», «Ехали бояре, просыпали пшено...»), преобладают призывно-заклинательные интонации. Крик похищенного петушка, его мольба о помощи («Потащила меня лиса за тёмные леса...») приобретает особую выразительность за счет соединения в нем кличевых и плачевых интонаций. Слова песенки, которую кот и баран поют у дома лисы («Трень-брень, гусельцы, золотые струночки...»), Е. Н. Трясцина произносит говорком.

Особый интерес представляет песня кота и барана, в которой перечисляются дети лисы. В тексте Евдокии Никитичны приведены шесть забавных имен, в то время как для большинства вариантов характерно четыре.

Сказка содержит много деталей и пояснений сказочницы, которые показывают ее любовь к объяснению действий героев, причин их поступков.

10. СКАЗКА ПРО ЛИСУ (ЛИСА И ТЕТЕРЕВ)

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 15 («Лиса и тетерев»).

Сказка относится к довольно редкому сюжетному типу СУС 62 «Мир у зверей». Первая публикация приведена в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 31). Сказка была записана в Тверской губернии. Второй известный русский вариант был записан в Новгородской губернии в городе Тихвине и опубликован в сборнике А. М. Смирнова (Смирнов 2017, № 67). Таким образом, вариант, записанный от Е. Н. Трясциной, является третьим опубликованным русским текстом. В сказке Евдокии Никитичны, в отличие от других вариантов, в диалоге лисы и тетерева не используется имя Терентий, хотя в самом начале сказки оно упоминается. Необычайно интересна характеристика лисы, данная Е. Н. Трясциной: в сказке раскрыта психология ее поведения. В двух других вариантах сказка заканчивается так: лиса понимает, что речь идет о собаке, и ссылается на то, что ей надо домой к детям. Евдокия Никитична добавляет, что тетерев был достаточно умен, чтобы понять намеренье лисы, поэтому он и смог обмануть ее.

11. и 11.1. МЕДВЕДЬ, ЛИПОВАЯ НОГА

11. Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов
11.1. Съемки: январь 2002 г. Киностудия «Новый курс», оператор Евгений Новиков, опрос А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 15.

Сказка относится к широко распространенному типу СУС 161А* «Медведь на липовой ноге». Первая русская публикация приведена в сборнике К. Авдеева 1860 г. «Русские сказки для детей» (Авдеева 1860, № 5). Первый пермский вариант опубликован в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 57); еще один в сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 80). Пермские варианты см.: Вологдин 1863, № 40; Пермские сказки 2000, с. 7–8, Русские народные сказки Пермского края, № 22. Известны записи из д. Неволино Еловского р-на, д. Бычина Красновишерского р-на, д. Чумна Чайковского р-на, г. Перми. Уральскими текстами можно считать и сказку из сборника А. Г. Татаринцева «Русский фольклор Удмуртии» (Татаринцев 1977, № 4, 5).

В нашем распоряжении имеются две записи сказки «Медведь на липовой ноге», полученные от Евдокии Никитичны. Два варианта текстологически близки друг к другу, однако именно на их примере можно увидеть, как легко сказочница владеет текстом, акцентируя внимание слушателей на тех или иных деталях. Так, в первом случае исполнительница просто сообщает, что старуха «пироги пекла да суп варила, а старик всё на охоту ходил да и за лыками, лапти плёл». Во втором варианте старуха «пироги пекла, суп варила, старика кормила», а вот старик уже не ходит на охоту, а только плетет лапти. Казалось бы, расхождения типичны для прозаического текста. Однако сказочница по какой-то причине решила объяснить слушателям: «Чтобы плести лапти, нужно было лыко. А за

лыками нужно ходить в лес». Во втором варианте появляются дополнительные детали в описании того, как старик отрубил медведю лапу, как медведь испугался и убежал, как старуха варила мясо и пряла медвежью шерсть. Сказочница прекрасно создает атмосферу «готической» таинственности, уточняя, что «стало уже вечереть... темно стало». Усиливает атмосферу ужаса и песенка медведя, которая выдержана в форме напевной декламации с преобладанием повествовательного начала и вместе с тем с признаками плачевой и заклинательной интонаций. Однако, создав довольно страшную картину, сказочница в обоих случаях выбирает счастливый финал сказки: вместо того чтобы съесть своих обидчиков, медведь, испугавшись шума, убегает из избы.

12. СКАЗКА ПРО СТАРИКА И СТАРУШКУ

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 27 («Жадный волк»).

Сказка относится к сюжетному типу СУС 163 «Пение волка». Первые русские публикации приведены в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 49, 50). Пермские варианты опубликованы в сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 78) и В. Н. Серебренникова (Серебренников 1964, № 5).

Вариант Евдокии Никитичны отличается не только необыкновенной развернутостью, хотя в данном случае это очевидно. Несмотря на то что в ряде случаев традицией предусмотрен печальный финал этой сказки, сказочница выбирает счастливый вариант. Когда волк приходит за жеребцом, конь активно сопротивляется и убивает волка. Для Евдокии Никитичны такой финал сказки недостаточен. Ущерб, нанесенный хищником, должен быть полностью компенсирован. Продав шкуру волка, старик не только восстанавливает свое хозяйство, но и удачно женит парня «в сапожках» и выдает замуж девку «в серёжках».

13. СТАРУХА С ЛАПТЕМ

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 26.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 170 «За скалочку – гусочку». Вместо лисы, которая чаще всего является персонажем данной сказки, Евдокия Никитична предпочла сделать ее героем человека – жадную старуху. Мастерство сказочницы проявилось и в том, что она весьма органично соединила данный сюжетный тип с другим – СУС 158 «Звери в санях у лисы (старушки)». Такая контаминация сюжетных типов характерна для русских сказочных традиций бассейна Волги и Камы, а также для татарских и башкирских сказок.

Первый русский вариант опубликован в сборнике «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» (Ч. III, с. 41–47). Варианты записаны в с. Рождественское Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа (ФА ПГУ 191), вариант сказки см.:

ГАПО/ГАПК. Ф. 973. Оп. 1. Д. 353. Русские народные песни, сказки... Записано Быковой Инной Павловной в 1947 г. в д. Нижняя Курья от Берниковой Натальи Евгеньевны, 1881 г. р., родом из с. Юг.

Для данного текста характерно обилие уточняющих деталей, объясняющих поведение персонажей. Так, сказочница объясняет, почему старушка ходила побираться: «...была одинокая женщина, она не любила работать, у неё не было ни двора, ни кола, она просто ходила из дома в дом – побиралась». В сказке появляются ярко выраженные дидактические вставки. Рассказывая о злоключениях хитрой и ленивой старухи, сказочница предполагает, что ее неудачи связаны с Божьим наказанием и что после случившегося «она не стала больше лениться. Видимо, где-то пристроилась и стала жить и работать».

Песенку главной героини сказки («Тпручки-тпручок, по дорожке течёт...») Е. Н. Трясцина передает в форме декламации-скандирования, четко выдерживая равномерность метрической акцентуации.

14. КОЗА-ДЕРЕЗА

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 25.

Сказка относится к широко распространенному сюжетному типу СУС 212 «Коза луплена». Первые публикации данного сюжетного типа представлены в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 14, 62). Пермский вариант напечатан в сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 79). Однако вариант из сборника Д. К. Зеленина имеет трагичный финал. Из-за хитрости козы старик убивает сына, дочь и жену, а когда убеждается в обмане, убивает козу и сам вешается на осине. Пермские варианты: Вологдин 1863, № 40; Спешилов 1962, с. 15; Пермские сказки 2000, с. 13. Архивная запись: с. Половодово Соликамского р-на; с. Бигичи Чердынского р-на (ФА ПГУ); с. Цыдва Чердынского района от Лыбиной Н. Г., 1903 г. р. (ФА ПГУ 151). Уральский вариант представлен в сборнике Л. Г. Барага (Бараг 1975, № 24).

Евдокия Никитична удачно соединила сюжетный тип СУС 212 с фрагментом другого сюжетного типа СУС 43 «Лубяная и ледяная хатка». Такое соединение позволило сказочнице спасти козу от смерти и в то же время наказать ее.

15. ЛИСА И ДРОЗДЬ

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Ранее не публиковалась.

Данная сказка представляет собой весьма вольное соединение нескольких мотивов из разных сюжетных типов. Прежде всего, это сюжетный тип СУС 248А* «Лиса и дрозд». Он хорошо известен Евдокии Никитичне, которая использовала его в сказке «Звери в яме». В то же время используются мотивы из других сказок. Зачастую сказочница меняет персонажей местами. Обычно птица или ее

помощник, которым чаще всего оказывается собака, прикидываются мертвыми, чтобы подманить и наказать лису. Именно эти персонажи одерживают над ней верх. В данном случае Евдокия Никитична выбирает не свойственный ей печальный финал. Обусловлено это характером персонажа: дрозд труслив и жертвует своими детьми, что сказочница осуждает. Скорее всего, данный текст является личным творчеством Евдокии Никитичны. Он создан на основе известных ей сказок.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Волшебные сказки являются основным жанром сказочного творчества. Их корни восходят к мифам и обрядам. Однако волшебные сказки сформировались тогда, когда мифо-обрядовый контекст утратил свое сакральное значение и обрел статус удивительного и фантастичного.

Волшебные сказки Евдокии Никитичны отличаются стройностью композиции и стиля. В то же время она использует несвойственные традиционному сказочному стилю внутренние монологи и пейзажные зарисовки. Традиции и новаторство составляют в ее сказках сложное единство. Нельзя также не отметить, что на сказки Евдокии Никитичны оказывают влияние и авторские тексты.

16. ПРО КОЩЕЯ

Записано в 1994 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 1.

Сказка относится к широко распространенным сюжетным типам 313А «Запродажа ребенка» и 313С «Забытая невеста». Сюжет о забытой героем невесте активно использовался в авторской литературе античного времени (см. Аполлоний Родосский «Арганавтика», Аполлодор Афинский «Библиотека», Овидий «Метаморфозы»). В западноевропейской литературе этот сюжет встречается в «Пентамероне» Дж. Базиле – в сказке «Розелла» (Базиле 2016, III-9). Мотив бегства с превращениями в западноевропейской литературе одной из первых использовала М.-К. ле Жюмель де Барнвиль в сборнике «Сказки фей» в сказке «Апельсиновое дерево и пчела» (Мадам д'Онуа 2015, II-4). В русской литературе данный сюжет зафиксирован в конспективной записи А. С. Пушкина, которую он сделал от няни (Пушкин, Прил. 1, № 2) и стихотворной сказке В. А. Жуковского «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери» (Жуковский 1940, II, 271–289)[2]. Скорее всего, Евдокия Никитична была знакома с текстом Жуковского. На это указывает ряд мотивов и деталей, отсутствующих в большинстве известных вариантов. Прежде всего, это имя противника. В большинстве текстов

[2] *В. А. Жуковский пользовался при написании своей сказки конспективной записью А. С. Пушкина, но также на его текст оказала влияние сказка братьев Гримм «Милый Роланд», которую он перевел и опубликовал в 1826 г. в журнале «Детский собеседник» под названием «Милый Роланд и девица ясный цвет».*

Иван-царевич попадает в руки Морского царя. Героиня помогает царевичу, прилетая к нему в облике пчелы, что также встречается в сказке Жуковского и крайне редко – в других известных вариантах. Встреча героя и его противника также, скорее всего, появилась в тексте Евдокии Никитичны под влиянием сказки Жуковского, в которой Кощей предстает перед Иваном-царевичем. В обеих сказках герой появляется из дупла: «...в густую Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна; / Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа. / Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда / Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами / Также зелеными...» Собираясь бежать от отца, героиня Евдокии Никитичны, как и героиня Жуковского, плюет на стекло, и слюнки разговаривают. Одной из трудных задач, которую задает герою Кощей, является изготовление сапог. В произведении Жуковского это невыполнимая задача, ставшая причиной бегства героя, а в сказке Евдокии Никитичны это первое задание Кощея, и оно успешно выполнено с помощью Марьи-царевны. Забытая героиня у сказочницы превращается в камень, из которого вырастает голубой цветок. Такой же чудесный цветок фигурирует и в сказке Жуковского. В тексте Евдокии Никитичны цветок приносит домой одинокая женщина, у Жуковского это старик, но действия цветок выполняет одни и те же – делает всю домашнюю работу. Можно предположить, что Евдокия Никитична узнала эту сказку не по литературному источнику, а из фильма 1969 года «Варвара-краса, длинная коса», снятого по мотивам сказки Жуковского. В тексте немало деталей, указывающих на знакомство Евдокии Никитичны с этим фильмом. Однако многие мотивы, которых нет в фильме, но которые присутствуют в сказке Жуковского, встречаются и в тексте Евдокии Никитичны, поэтому в данном случае следует признать влияние авторской сказки.

В то же время нельзя не отметить, что влияние литературы и кино не превратили сказку Евдокии Никитичны в простой пересказ. Она переосмысляет прочитанное и увиденное и рассказывает эпизод по-своему, создавая развернутые оригинальные описания. В них появляются очень колоритные детали. (Подробнее о сказочной манере Е. Н. Трясциной см. «О настоящем сборнике».)

Именно текст А. С. Пушкина считается первой фиксацией русской сказки. Насчитывается несколько пермских вариантов. В сборнике Д. К. Зеленина опубликовано четыре текста (Зеленин Пермь 1914, 12, 24, 55, 72), один текст – в сборнике А. М. Смирнова (Смирнов 2017, 281), один – в сборнике В. Н. Серебренникова (Серебренников 1964, № 7). Два варианта и указание на третий неопубликованный текст приведены в сборнике «Русские народные сказки Пермского края» (Русские народные сказки Пермского края 2004, Примечания к № 35, с. 240–246). Уральские тексты см.: Бирюков 1936, 238–243; Бирюков 1953, 146–149; Блинов 1937, № 3; Китайник 1949, № 9; Померанцева 1957, № 13, 16; Кругляшова 1967, № 12; Бараг 1969, № 6; Бараг 1975, № 26, 29.

17. ПРО ЛЕШЕГО

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. Дана в комментариях к № 59 «Анна-Снеженичка» (с. 258–260).

Сказка представляет собой соединение нескольких сюжетных типов, прежде всего СУС – 311* «Три девушки-подружки идут в лес за ягодами» и СУС 314А* «Бычок (лось, вол, птицы-спасители)». Евдокия Никитична соединила фрагменты этих сюжетных типов в общее повествование.

Во вступлении Евдокия Никитична приводит описание Лешего, дает ему характеристику. Данный материал относится не к сказкам, а к мифологической прозе, в которой Леший выступает как дух-хозяин леса. Первая часть сказки соответствует довольно редкому типу – 311*. В русской традиции известно два варианта данного текста, один из которых является уральским (Бирюков 1936, 243–244). Вторая часть сказки относится к сюжетному типу 314А*. Обычно этот сюжет является вступительным эпизодом для сказок сюжетного типа 315 «Звериное молоко», но в данном случае Евдокия Никитична использовала его как финал сказки. Первая публикация данного сюжета приведена в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 201, 202). В Указателе пермские и уральские варианты не отмечены.

18. ЖИЛ-БЫЛ СТАРИК СО СТАРУХОЙ (МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК)

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных

Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 47 («Семеро братьев и людоед»).

Данная сказка наиболее близка к сюжетному типу СУС 327В «Мальчик-с-пальчик у ведьмы». Первая русская публикация сказки сюжетного типа СУС 327В сделана в сборнике «Старая погудка на новый лад...» (II, 15–24). Пермских и уральских вариантов данного сюжетного типа найти не удалось. Таким образом, текст Е. Н. Трясциной на данный момент является первым опубликованным русским пермским текстом.

Совершенно очевидно, что на текст Евдокии Никитичны оказала влияние сказка Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик». На это указывают такие не свойственные русской традиции мотивы, как камушки, по которым герой находит дорогу, жена людоеда, сам людоед и, конечно, сапоги-скороходы. Однако Евдокия Никитична не следует в своем повествовании за текстом Перро досконально. Склонность сказочницы к «счастливым вариантам» сюжета приводит к тому, что она убирает из своей сказки мотив о подмене мальчиков дочерьми людоеда. И хотя этот эпизод свойствен не только сказке Ш. Перро, но и русской традиции, Евдокия Никитична просто стягивает повествование. Мальчики не дожидаются утра и убегают. В отличие от текста Перро, в котором Мальчик-с-пальчик крадет семимильные сапоги у людоеда, в сказке Е. Н. Трясциной сапоги-скороходы надеваются по ошибке. Дети возвращаются домой, но в отличие от большинства известных вариантов сказка на этом не заканчивается. Евдокия Никитична начинает создавать свой текст и рассказывает о том, что дети решили спасти жену людоеда. Сказочница использует широко известный мотив «Бегство с помощью бросания чудесных предметов» (313Н*). Необходимо отметить, что сказочница, хотя и использует образы европейской сказочной традиции, пытается приспособить их к образному ряду, привычному для русского слушателя. Так, людоед, имея сапоги-скороходы[3], прилетает в дом в образе огненного змея, который прекрасно чувствует присутствие в доме людей. Он общается

[3] *Причем герой сказки обладает даже несколькими парами сапог-скороходов, что для сказочной поэтики совсем не типично, поскольку чудесная диковинка должна быть уникальной.*

с женой не как людоед – персонаж французской сказки, а как персонаж русской сказки – змей. При этом используются типичные медиальные формулы: «Фу-фу, русским духом пахнет!» В этой сказке видна любовь Евдокии Никитичны не только к счастливым финалам, но и к объяснению поступков героев. Для нее совершенно недопустимо, что мать может бросить своих детей в лесу. Сказочница пытается объяснить действие персонажа тем, что это не мать, а мачеха героев.

19. ЛУТОНЮШКА

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 11 («Про Лутонюшку»).

Сказка относится к широко распространенному сюжетному типу СУС 327F «Мальчик и ведьма». Первые публикации данного сюжета приведены в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 106–112), один из них записан в Пермской губернии (Афанасьев 1985, № 106). Еще несколько пермских вариантов см. в изданиях: Зеленин Пермь 1914, № 86; Серебренников 1964, № 8; Уральские варианты см. Кругляшова 1967, № 8.

Повествование в целом соответствует сюжетной схеме, но в тексте много уточняющих деталей, которые характеризуют стиль Евдокии Никитичны и которые не свойственны большинству известных вариантов.

Призывание Лутонюшки его матерью, а затем ведьмой («Луты-Луты, Лутонюшка, приплыви ко мне...») Е. Н. Трясцина передает при помощи речевой декламации, имеющей тенденцию к воплощению одновременно кличевой и заклинательной интонаций.

20. ОРЕХОВАЯ ВЕТОЧКА

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 5.

Варианты сказок, где фигурирует ореховая веточка, не являются случайными, и, вероятно, именно такой сюжетный тип мог бытовать «в центральной и, в особенности, северной России как вполне равноправная, а возможно, и более исконная, архаичная» версия[4] сюжета 425С. Совершенно очевидно, что сказки об ореховой веточке являются отдельной версией сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек». Они отличаются от сюжетного типа рядом существенных признаков, прежде всего, связанных с трактовкой сюжета. При анализе сказок видно, что группа текстов, в которых функционирует ореховая веточка, качественно отличается от той, где предметом поиска становится аленький цветочек. Причем различия столь существенны, что можно говорить

[4] *Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии М. Н. Власовой. – СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2011. С. 16.*

о тенденции превращения текстов «Ореховой веточки» в самостоятельное произведение. К сожалению, ни в указателе «Восточнославянская сказка», ни в указателе Аарне – Томпсона – Утера группа текстов про ореховую веточку не обозначена как самостоятельная разновидность внутри сюжетного типа 425С. Тексты из сборников В. И. Чернышева, Н. К. Митропольской и В. К. Соколовой, отмеченные в указателе сказочных сюжетов, рассматриваются составителями как равноправные варианты сказки «Аленький цветочек». Более того, в описании сюжета ореховая веточка даже не упоминается; единственной предметной реалией для данного сюжетного типа назван «редкостный цветок». Сюжет «Ореховая веточка» не имеет параллелей в опубликованных каталогах сказок; соответственно он должен быть обозначен дополнительным номером и для восточнославянской, и для европейской сказочной традиции: –425С* «Ореховая веточка».

В сказке предметом поиска является ореховая веточка. Отец героини срубил ореховую веточку, что вызвало появление медведя, потребовавшего, чтобы человек отдал свою дочь ему в жены. Медведь угрожает девушке: «Если сейчас со мной не поедешь, то все равно умрёшь, а если поедешь, то будешь моей женой». Медведь забирает не только девушку, но и ее родителей. В лесу зверь топает, земля расступается, и они въезжают в подземное царство, где «светло, дороги такие хорошие, на лошадях можно проезжать». Герои едут к церкви, на паперти с медведя падает шкура и выясняется, что «он проклянённый старой ведьмой», что юноша – «сын короля какого-то, богатого человека» и что заклятье держалось до тех пор, пока за него не согласится выйти какая-нибудь девушка. Данный вариант текстологически совпадает с литературным текстом, а именно со сказкой Л. Н. Толстого «Ореховая ветка», которую писатель наряду с другими сказками использовал, создавая книги для чтения, басни и азбуку. Большинство сказочных текстов, включенных в эти издания, представляют обработки Л. Н. Толстым фольклорных сказок. Необходимо отметить, что писатель обрабатывал преимущественно те фольклорные тексты, которые записывались в рамках разработанной им программы для Яснополянской школы. В те времена сказки бытовали в устной традиции Тульской губернии. В то же время по крайней мере два текста сказок Толстого «вернулись в народ» и повлияли на русскую сказочную традицию XX в. Одним из них является «Ореховая ветка». Текст Толстого был широко известен, его неоднократно печатали и до, и после революции, включали в учебники и хрестоматии, а затем стали читать по радио. Многие педагоги и сегодня активно используют его на уроках чтения, он встречается и в методической литературе. Нам не известно, из какого источника узнала сказку Евдокия Никитична, но совершенно очевидно, что ее текст связан с литературным текстом, который, по всей вероятности, был написан Толстым на основе услышанной им фольклорной сказки. Текст Евдокии Никитичны является одним из семи выявленных русских вариантов сказки об ореховой веточке. Три текста записаны на Русском Севере, по одному у староверов Литвы, в Псковской, Рязанской и Владимирской областях[5].

[5] *Подробнее об этом сюжете см.: Добровольская В. Е. «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» (сказка староверов Литвы в контексте русской сказочной традиции) // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры. К юбилею Юрия Александровича Новикова. СПб., 2018. С. 226–238 (Из истории русской фольклористики. Вып. 10).*

21. У НИХ БЫЛО СЕМЕРО МАЛЬЧИШЕК

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных

Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 8 («У них было семеро мальчишек и одна девочка...»).

Сказка относится к сюжетному типу СУС 451 «Братья-вороны (лебеди, волки)». Данный сюжет хорошо известен русской традиции. Согласно указателю «Восточнославянская сказка», известно десять опубликованных текстов данного сюжета. Есть и ряд вновь выявленных текстов[6].

Первая фиксация этого сюжета в Европе относится к 1184 г. Она приведена в книге «Долофат» монаха Иоанна из аббатства Альта Сильва[7], которая является обработкой древнеиндийского сказания «История/повесть о семи мудрецах». Древнеиндийский текст представляет собой группу новелл, посредством которых состязаются борющиеся между собой стороны. Сюжет активно разрабатывался в Западной Европе («Элиокса», «Беатриса»). Он встречается в «Пентамироне» Базиле (Базиле 2016, IV-8). Именно у Базиле появляется мотив ложного сигнала: нянька подменяет веретено и прялку. Сюжет распространен во Франции и во всех германских странах. Русские тексты «Истории о семи мудрецах» известны в обращении с 1630-х гг., и общее число их (свыше 60)[8], что свидетельствует о значительной популярности этого произведения. Попали они в Россию из Польши через Белоруссию. Исследователи фиксируют переход отдельных сюжетов в устную традицию. Сказка о братьях-лебедях является одним из таких сюжетов.

Первая русская публикация сказки данного типа довольно поздняя. Это текст, опубликованный в сборнике И. В. Карнауховой (Карнаухова 1934, № 136). Более ранние записи (Ончуков 1908, № 218 и Капица 1930, № 95) отнесены к сюжетному типу ошибочно. В указателе сказочных сюжетов пермских записей нет, однако они находятся в публикациях, появившихся после 1979 г. (См.: Зырянов 1981, № 4). Вариант сказки записан также в с. Насадка Кунгурского р-на (Русские народные сказки Пермского края 2004, Комментарии, с. 255).

Текст Евдокии Никитичны не в полной мере соответствует сюжетной схеме. В нем отсутствует и мотив освобождения братьев от заклятия с помощью рубашек из крапивы, и молчания сестры, и мотив навета на девушку и т. д. Вероятно, эта сказка не была у Евдокии Никитичны в «активном использовании», и она вспоминала ее по просьбе собирателя. Однако этот текст свидетельствует о прекрасном знании ею традиции. Поэтому в сказке появляется Баба-яга, которая помогает девушке и дает ей чудесный клубочек, приведший ее к братьям. Поскольку Евдокия Никитична не использует мотив изготовления рубашек из крапивы и молчания героини, то она по-своему решает, как именно расколдовать мальчиков. Решение очень типично

[6] *Добровольская В. Е. Сюжет АТУ 451 «Братья-лебеди» в репертуаре русских сказочников: фольклорные традиции и западноевропейская «авторская» сказка // В печати.*

[7] *Текст был опубликован довольно поздно. См.: Jean de Haute-Seille. Dolopathossivederegeetseptemsapientibus. Paris, 1856, но в рукописной традиции существовал в множестве копий.*

[8] *Повесть о семи мудрецах / Подготовка текста и комментарии И. Д. Казовской // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 175–227.*

для ее сказочной манеры: от радости с заколдованных детей спадают птичьи перья. В то же время детям нужно руководство старшего, и Баба-яга защищает их от повторного проклятья мачехи и указывает им новый дом.

22. ПРО БУРЁНУШКУ

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 10.

Сказка относится к широко распространенному типу СУС 511 «Чудесная корова». В европейской традиции данный сюжет впервые встречается у Мартина Монтануса в работе «Das Ander theyl der Gartengesellschaft», увидевшей свет в 1560 г. (Montanus 1560, № 5). Первая русская публикация: Старая погудка на новый лад 1795, I, 4, с. 3–16. Пермские варианты: Пермские сказки 2000, с. 29–30; Русские народные сказки Пермского края 2004, Комментарии к № 42.

В сказке Евдокии Никитичны присутствуют оригинальные детали, которые не встречаются в фольклорных текстах. Однако вытягивание нитки из уха коровы хоть и является оригинальным сюжетным решением Евдокии Никитичны, возникло, вероятно, под влиянием мультфильма 1974 года «Буренушка» (реж. В. Фомин, Свердловская киностудия). В мультфильме корова отдает свой рог, и тот превращается в готовый холст. В большинстве известных вариантов героиня влезает в одно ушко коровы, вылезает в другое – и работа оказывается выполненной, а в сказке Евдокии Никитичны Машенька вовлечена в работу: она мотает клубочек. Авторским можно считать детальное описание процесса получения нитки. Сказку отличают развернутые психологические диалоги Машеньки и Буренки. Оригинально решен и мотив чудесного сада. Обычно из косточек коровы вырастает яблоня; даже если вырастает сад, то он осознается сказочниками как единое целое. У Евдокии Никитичны это множество деревьев разных сортов и видов птиц – все они выступают в роли помощников героини и противников дочерей мачехи. Проявляется в сказке и присущий Евдокии Никитичне мягкий юмор и любовь к счастливым финалам. Однако если в большинстве сказок героиня выходит замуж за князя, царевича или купеческого сына, то есть повышает свой социальный статус, то у Е. Н. Трясциной мужем героини становится крестьянин из той же деревни. Сказочница старается сделать мир сказки более близким и понятным слушателям – отсюда и обилие деталей, и объяснение действий персонажей, и узнаваемые герои.

23. ПРО СИВКУ-БУРКУ

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 2.

Сказка относится к одному из самых распространенных сюжетов в русской сказочной традиции СУС 530 «Сивко-Бурко». В Западной Европе сюжет зафиксирован в народных книгах эпохи позднего Средневековья. В европейской традиции герой с помощью коня освобождает принцессу, заточенную в хрустальной горе. В русской сказочной традиции господствует другая версия данного сюжета – конь помогает герою попасть в башню, где заточена принцесса.

Первая русская публикация была сделана в сборнике «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки» (Лекарство от задумчивости 1786 / 2019, с. 189–236).

Это один из распространенных сюжетов волшебных сказок Прикамья. Пермские варианты сказки опубликованы в изданиях: Афанасьев 1985, № 179; Зеленин Пермь, 1914, 2; Зеленин Пермь 1914, Приложение, с. 293, № 3; Зырянов 1981, 15. Известны и другие записи сказки, сделанные в с. Козьмодемьянское Карагайского района (ФА ПГУ, 301); с. Касиб Соликамского района (ФА ПГУ, 452); д. Усть-Гаревая Добрянского района (Добрянский краеведческий музей); д. Елога Юрлинского района (запись 2003, от Овчинниковой А. И. 1927 г. р., архив ПФИЦ УрО РАН).

У Евдокии Никитичны отсутствует традиционный для данного сюжетного типа мотив посещения могилы умершего отца, встреча с ним и получение чудесного коня. Начало ее сказки свойственно другому сюжету – сказкам о Коньке-горбунке. В русской сказочной традиции на сюжетный тип «Конек-горбунок» обычно оказывает влияние сказка П. П. Ершова, но в данном случае собственно литературное влияние минимально: сказочница уточняет, что герой вскакивает на коня «задом наперёд» и тот скачет выше лесу. Действительно, можно предположить, что на этот фрагмент оказали влияние строки Ершова. Однако текст Е. Н. Трясциной существенно ближе к визуальному ряду мультфильма 1975 г. Бориса Бутакова, в котором кобылица совершает действия, идентичные тем, которые описывает сказочница («лошадь... стала пшеницу щипать, а потом стала по пшенице кататься, ноги вверх задирать»).

В дальнейшем сказка развивается по схеме, характерной для сюжетного типа «Сивко-Бурко», однако и тут сказочница проявляет свою индивидуальность. Традиционно в этом сюжете герой предпринимает несколько попыток допрыгнуть до окошка, у которого сидит царская дочь, и в большинстве случаев конь не допрыгивает до окна с первого раза. Этот прием используется сказочниками для создания напряжения. У Евдокии Никитичны ситуация иная: Сивко считает, что виноват он («оплошал я»).

В сказке множество уточняющих и объясняющих происходящее деталей. Так, царь пишет афиши, где рассказывает о своем решении выдать дочь замуж и отдать в приданое полцарства; когда Ванька, лежа на печи, любуется кольцом, братья думают, что он балуется спичками; приходя к царевне, герой садится под «умывальничек». В то же время в сказке сохраняется традиционная сказочная обрядность. Сказочница использует формулу появления Сивки-Бурки, формулу преображения героя. Традиционен и предметный мир: чтобы обмануть братьев, герой ходит с лукошком за грибами, надевает кольцо на палец и завязывает его тряпочкой и т. п. Мастерство Евдокии Никитичны проявляется в блестящем сочетании традиционных моделей, присущих сказке, и своих оригинальных решений, используемых для реализации определенного сюжетного типа.

24. КАК ВЕТЕР МУКУ УНЁС

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 4.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 563 «Чудесные дары». Первая русская публикация – Афанасьев 1985, № 186. Пермские варианты не известны. Уральские варианты: Китайник 1949, № 10; Бирюков 1953, с. 144–145; Бараг 1969, № 2.

Евдокия Никитична в этой сказке не следует традиционной сюжетной схеме, согласно которой герой получает три подарка. Более того, героя никто не обманывает, он не лишается чудесной диковинки. Сказочница использует свой текст в дидактических целях. Ветер дает герою скатерть на время, пока дети не вырастут, при этом оговаривается, что мужик должен подготовить их к взрослой жизни. Дидактический характер имеет и внутренний монолог мужика, размышляющего о том, как ему поступить с Ветром: поругаться или разговаривать ласково. В сказке появляется не свойственный данному сюжетному типу волшебный помощник – Баба-яга. Герой не обращается к ней, используя традиционные сказочные формулы, однако стратегия поведения героя соответствует той, которая предписана сказкой и которая соответствует представлениям Евдокии Никитичны об этикете: герой вежлив с лесной старухой. Евдокия Никитична создает вокруг образа Яги традиционную сказочную атмосферу. Это и вертящаяся на курьих ножках избушка, и нос Яги, вросший в потолок, и чудесный клубочек. Мы опять видим в этой сказке пристрастие Евдокии Никитичны к деталям. Так, рассказывая герою, куда ему идти за чудесным клубочком, Яга объясняет, почему, выбрав правильную дорогу, ему удастся избежать опасности: «Это, – говорит, – мой посланец, они не имеют права, кто идёт за клубком, трогать».

25. ПРО ГОРШОК

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 6.

Сюжет представляет собой довольно редкий тип сказки сюжетного типа СУС – 565А* «Старик забывает второе (третье) магическое слово старухи». Этот сюжет согласно указателю представлен в русской традиции всего двумя вариантами, опубликованными в сборниках второй половины XX века. Таким образом, текст Е. Н. Трясциной стал третьим опубликованным русским текстом. Вполне вероятно, что на все эти тексты оказала влияние книжная традиция, прежде всего, активно публиковавшиеся сказки о волшебной мельнице, которая мелет все, что хочет ее владелец, и о чудесном горшочке, варящем кашу. На это указывает такая деталь, как полный дом каши, которую ели три года, что свойственно именно европейской сказочной традиции.

Евдокия Никитична активно использует в своем тексте сказочные формулы, прежде всего обращение к скатерти: «Скатерть, развернись! Чашечка, появись! Молочко, налейся! Кашка, заварись! Хлебушко, появись! И по рюмочке!»

В сказке есть оригинальные, явно авторские детали: скатерть складывается как зонтик.

Проявляется в этой сказке и любовь Евдокии Никитичны к дидактике и счастливым финалам. Старик, добравшись до скатерти, начинает подкармливать всех деревенских мальчишек, «которые плохо питались».

26. и 26.1. ПРО ИВАНУШКУ

26. Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
26.1. Съемки: январь 2002 г. Киностудия «Новый курс», оператор Евгений Новиков, опрос А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 12.

Данная сказка представляет собой контаминацию двух сюжетных типов: СУС 613 «Правда и Кривда» и 554 «Благодарные животные». Пермский вариант сюжетного типа 613 присутствует в сборнике А. М. Смирнова (Смирнов 2017, № 286). Уральский текст опубликован в сборнике Л. Г. Барага (Бараг 1975, № 28). Пермские записи сюжетного типа 554 известны по сборникам А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, В. Н. Серебренникова (Афанасьев 1985, № 159; Зеленин Пермь 1914, № 6; Серебренников 1928, с. 128–131).

Между двумя записями имеются отличия на уровне деталей.

Евдокия Никитична создает оригинальные образы. Так, герой несет чудесную воду в шляпке желудя. Обычно в сказках герой встряхивает или сжигает перо или шерсть животного, чтобы вызвать помощника. В тексте Евдокии Никитичны герой вызывает зверей-помощников, имитируя звуки, которые они издают.

Финальная формула сказки состоит из двух частей. Обе они представляют собой традиционные финалы сказок. Первая: «И я там была, мёд-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало». И вторая: «И дали мне на свадьбе в подарок шлык, да меня оттуда – швырк. И пошла я в лес с этим шлыком. Села отдыхать. Его положила под ко́ру, ну и теперь так и не знаю, под котору». Евдокия Никитична их весьма органично соединила в тексте, и, видимо, это был привычный для нее прием. Заметим, что в первом случае формула несколько динамичней, чем во втором.

27. ШЁЛ СОЛДАТ СО СЛУЖБЫ (СОЛДАТ РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ)

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 20.

Сказка относится к известному сюжетному типу СУС 664В* «Морока». Первая публикация трех текстов данного сюжетного типа приведена в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, 375–377). Пермский вариант сказки см. в издании: Зырянов 1981, № 31.

Мотив морока в традиционной культуре тесно связан с образом колдуна. К колдунам могут причислять и солдат. Считается, что «знающие» люди могут «отводить глаза» окружающим, наводить на них морок, заставляя ощущать себя животными. В отличие от большинства текстов данного сюжетного типа в сказке Евдокии Никитичны мотив морока реализуется иначе. Солдат рассказывает старику сказку про зверей и засыпает. Старик, уснув, видит сон про зверей и, упав с полатей, представляет себя волком без всякого колдовства со стороны солдата. Вполне возможно, что данная сказка была адресована собирателям. Столь любимый Евдокией Никитичной дидактический компонент связан именно с ситуацией рассказывания сказки. Солдат советует старику не выпрашивать сказки, и старик прислушивается к совету: «...не стал выпрашивать у всех сказки, а стал спать уже более крепким сном».

28, 28.1; 28.2. ПРО ОХОТНИКА

28. Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
28.1. Съемки: январь 2002 г. Киностудия «Новый курс», оператор Евгений Новиков, опрос А. В. Черных.
28.2. Записано в 2010 г., собиратель И. А. Подюков
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 22 («Сказка про охотника»).

Сказка относится к не зафиксированному в русской традиции сюжетному типу СУС–674* «Змеиный камень». У восточных славян текст известен по немногочисленным украинским и белорусским записям. Текст известен также в польской, словацкой и хорватской фольклорных традициях. Как поверье, сюжет о змеином камне распространен шире. Считается, что змеи, уходящие на зиму под землю в праздник Воздвиженья, лижут камень, который позволяет им благополучно перезимовать.

Сказка Евдокии Никитичны является единственным опубликованным русским вариантом данного сюжетного типа. Возможно также опосредованное влияние на текст Е. Н. Трясциной сказов П. П. Бажова, в которых присутствует образ Великого Полоза, и поверий горнозаводских рабочих Урала, в которых змеи наделяются особыми магическими атрибутами, в том числе и чудесными камнями.

29. ПРО СНЕГУРОЧКУ

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 13.

Сказка представляет собой контаминацию, традиционную для сюжетных типов СУС 703* «Снегурочка» и СУС 780 «Чудесная дудочка». Такое соединение сюжетов характерно преимущественно для русской сказочной традиции. Первый русский вариант, представляющий собой такое объединение сюжетных типов, опубликован в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 246).

Пермские варианты сказки публиковались неоднократно: Вологдин 1863, № 39; Зеленин Пермь 1914, № 76; Спешилов 1962, с. 5–7; Серебенников, № 12; Пермские сказки 2000, с. 39–43.

Евдокия Никитична рассказывает сказку в полном соответствии с сюжетной схемой. Однако в тексте появляются детали, характеризующие особенности исполнительской манеры сказочницы. Это и множество мелких деталей, и дидактические замечания. Интересна формула, которую произносят персонажи, катая по земле чашечки для ягод. Возможно, Евдокия Никитична узнала ее не из сказки. Вероятно, формула представляет собой заговорно-заклинательный текст, который произносили для удачного сбора ягод и использовали, отправляясь в лес за ягодами. Вероятно также и то, что сказочница знала ее как текст детского фольклора, потерявшего свою магическую функцию. Мы не можем исключить того, что данный текст попал в сказку Евдокии Никитичны из детской книжки, но нам не удалось найти литературный источник.

Песенку Нюрочки-снегурочки, превратившейся в дудочку, Е. Н. Трясцина исполняет кратким одностиховым напевом обрядово-плясового характера (см. ноты). В отдельных строках напева ощущается незначительное понижение основного тона (f), придающее повествовательной интонации жалобный оттенок, усиливающий в напеве плачевое начало. Данная особенность согласуется со смыслом поэтических строк, в которых звучит жалоба главной героини на ее подруг.

30. ПРО ЖЁРНОВО

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 3.

Сказка относится к широко распространенному сюжетному типу СУС 715А «Петух и жерновцы». Первая русская публикация приведена в сборнике Ивана Ваненко «Народные русские сказки и побасенки» (Ваненко 1849, II, № 1). Пермских вариантов нами не обнаружено. Уральские варианты: Бирюков 1936, с. 226–228.

Вероятно, Евдокия Никитична по какой-то причине стеснялась собирателя и пыталась рассказать сказку «прилично», убирая наиболее острые, сатирические моменты. Один из слушателей явно знает сказку в оригинальном варианте и пытается поправлять сказочницу. В тексте чувствуется определенная скованность исполнителя, хотя сюжет сказки передается достаточно точно и подробно.

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ И АНЕКДОТЫ

Новеллистическими, или бытовыми, сказками принято называть тексты, герои которых – обыкновенные люди, действующие в обычной бытовой обстановке. Бытовая сказка меньше использовала мифологические образы и реалистичнее отображала жизнь. Основной отличительной чертой этой разновидности сказок является сатирическое обличение недостатков и пороков. Обычно к этой группе сказок примыкают и анекдоты, поскольку в ряде случаев в основе и тех и других лежит комический сюжет, который завершается неожиданной развязкой. Тексты Евдокии Никитичны отличаются в большей степени юмористической, чем сатирической направленностью. Некоторые тексты ее репертуара явно взяты из массовой литературы или услышаны от односельчан. Однако и в этом случае ее тексты отличаются мягким юмором и добродушной насмешкой, а не острой сатирой.

31. БЕЗЗАБОТНЫЙ ПОП

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 19.

Сказка относится к сюжетному типу СУС 922 «Беззаботный (беспечальный) монастырь». Сюжет широко распространен во всех мировых традициях. Вероятно, одним из первых упоминаний мотивов, характерных для данного сюжета, следует считать египетскую «Сказку об Апопи и Секененра»[9]. Первыми вариантами сказки являются тексты Ибн Абдель-Хакима о горшечнике, отвечающем на вопросы царя, и текст из вавилонской редакции Талмуда о состязании загадками между рабби Ишуа Бен-Хаманья и мудрецом из Афин. В Европе тексты на данный сюжет были распространены

[9] *Подробнее об этом см.: Немировский А. А. Сказка об Апопи и Секененра: проблема завершения и интерпретации сюжета // Scripta Antiqua V / ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2016. 488 с. – С. 132–166.*

не только в устной, но и в литературной традиции (см., например, балладу Г. Бюхнера «Император и аббат»). Известны русские литературные варианты данного сюжета (А. Н. Майков «Пастух, испанская легенда», С. Я. Маршак «Король и пастух»).

В русской фольклорной традиции сюжет относится к ядру волшебной сказки. Известно около сорока опубликованных вариантов. Первая русская публикация в книге «Спутник и собеседник веселых людей» (Спутник I, 9, с. 17–23). Пермский вариант приведен в сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 1914, № 50). Еще один уральский вариант опубликован в сборнике Э. В. Померанцевой (Померанцева 1957, № 35).

В сказке Евдокии Никитичны сюжет в целом совпадает с сюжетной схемой, но в тексте есть множество уточняющих деталей, с помощью которых сказочница объясняет слушателям непонятные, с ее точки зрения, элементы повествования.

32. ПРО СОЛДАТА (СОЛДАТ И ЧЕРТИ)

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 21.

Сказка относится к сюжетному типу СУС –1060* «Игра в карты на орехи, щелчки и т. п.». В восточнославянской традиции сюжет достаточно распространен только в русском фольклоре. Известно около 10 опубликованных русских вариантов. В белорусской традиции таких текстов два, а в украинском фольклоре они не зафиксированы. Первым русским вариантом сказки является запись А. С. Пушкина (Пушкин, № 3, с. 409–410).

Пермские тексты, кроме текста Евдокии Никитичны, неизвестны. Уральский текст известен по сборнику Л. Г. Барага (Бараг 1975, № 11).

Текст Евдокии Никитичны соответствует сюжетной схеме. Сказка интересна своей диалоговой формой и практически полным отсутствием развернутых описаний и уточнением деталей, столь любимых Евдокией Никитичной.

33. СОЛДАТ И ШАНЬГИ

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 95.

Прямых соответствий публикуемому тексту нет. Мотив счета парами может быть соотнесен с сюжетным типом СУС – 1340* «Глупая женщина». Наиболее близки к тексту Евдокии Никитичны варианты из двух сборников. Первый вариант опубликован в сборнике «Традиционный фольклор Новгородской области». В этом тексте хозяйка бегает за мужем, чтобы тот приструнил вороватого солдата, а в это время солдат съедает и вторую колобушку и тем самым снимает с себя подозрения в краже (Традиционный фольклор Новгородской области 2001, № 110). Второй вариант опубликован

в книге Б. Проталина «Кум, Макрина и Пудей», в которой представлены литературно обработанные тексты сибирского фольклора. Здесь солдат обманывает на базаре торговку пирожками, которая считает свой товар парами. Евдокия Никитична внесла в текст местный колорит. Хозяйка печет шаньги и делает паренки из репы.

34. КОБЫЛЬИ ЯЙЦА

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 18 («Про кобыльи яйца»).

Текст относится к народным анекдотам, сюжетный тип СУС 1319 «Кобылье яйцо». Первая русская запись приведена в сборнике Н. А. Иваницкого (Иваницкий 1890, № 45). В Предуралье данный сюжетный тип был зафиксирован в Удмуртии (Татаринцев 1977, с. 55).

В тексте Евдокии Никитичны сюжетная схема соблюдена достаточно точно. Однако в окончании текста сказалась любовь исполнительницы к счастливым финалам. В большинстве известных вариантов поступок попа разоблачает его глупость и прихожане смеются над ним, в ряде случаев он лишается прихода и даже сана. Текст бытует как своеобразная антиклерикальная сатира. У Евдокии Никитичны концовка сказки существенно мягче: прихожане смеются над глупым батюшкой, но соглашаются никому не рассказывать о его ошибке, и поп остается в приходе «жить-поживать и добра наживать».

35. ПРО ЗЕРКАЛО

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 85.

Прямых соответствий данному тексту в русской традиции указателем СУС не зафиксировано. Согласно указателю Аарне – Томпсона – Утера это 1336А сюжетный тип – ATU 1336A «Not Recognizing Own Reflection» / «Не узнавая собственного отражения».

Текст с данным сюжетом был опубликован в 1944 году в журнале «Мурзилка» как корейская сказка (Мурзилка 1944/5, с. 13–14). Позднее в сборнике «Феи с алмазных гор» был опубликован другой корейский вариант сказки (Феи с алмазных гор, № 40). Тексты многократно перепечатывались в различных изданиях для детского чтения, откуда Евдокия Никитична и могла узнать сказочный сюжет.

36. ПРО ЗОЛОТУЮ ГОЛОВУ (ЗОЛОТО С КОНСКУЮ ГОЛОВУ)

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 97.

Текст относится к народным анекдотам, сюжетный тип СУС 1415 «Мена». Первые русские варианты опубликованы в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 407–408). Варианты данного сюжета в Уральском регионе не известны.

Данная сказка в русской традиции имеет как счастливый (жена ласково встречает мужа), так и неблагоприятный (бранит и бьет мужа) финал. Евдокия Никитична, предпочитая счастливые концовки, закончила текст тем, что жена радуется приходу мужа. Сюжет рассказан подробно, со множеством уточняющих деталей, столь любимых Е. Н. Трясциной.

37. ПРО ИГНАШКУ ВОРА

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов

Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 16.

Текст относится к народным анекдотам, сюжетный тип СУС 1525A «Ловкий вор» и 1525D «Ловкий вор обманывает прохожих». Сюжет широко распространен во всех мировых фольклорных традициях. Наиболее ранняя литературная версия приведена в книге Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов» (Масуди 2002, с. 449–451). Этот сюжет встречается в итальянских новеллах XV в. Он зафиксирован и позднее в книге Дж. Страпаролы «Приятные ночи» (Страпарола 1978, с. 22–28, ночь I, сказка 2). Зафиксирован сюжет в немецкой и норвежской литературной традиции. Первый русский текст опубликован В. А. Левшиным в 1778 г. (Левшин 2016. Т. 1, с. 89–95). Пермские варианты: Зеленин Пермь 1914, № 32, 47; Зырянов 1981, № 24; Пермские сказки 2000, с. 53–56. Сюжет распространен на Урале: Бирюков 1936, с. 229–235; Сказки Урала 1959, с. 21–41; Бараг 1969, № 11; Бараг 1974, № 8, 12.

В отличие от большинства известных вариантов Евдокия Никитична подчеркивает, что Игнашку вынуждает воровать барин, у которого тот находится в услужении. В тексте очень подробно описаны приемы воровства той или иной вещи, размышления барина, его диалоги с барыней, что свидетельствует о прекрасном знании сказочницей данного сюжета и его многократном исполнении.

38. ПРО ИВАНА-ДУРАКА

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов

Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 17.

Текст относится к народным анекдотам. Текст представляет собой традиционную контаминацию сюжетных типов 1681A «Дурак боится собственной тени», 1009 «Сторожи хорошенько дверь», 1691 «Дурак домовничает» и 1006* «Зарежь овцу, которая на тебя посмотрит». Данные сюжетные типы в различных соединениях распространены в большинстве мировых фольклорных традиций.

Первая русская фиксация: Старая погудка I, 5, с. 17–31. Пермские варианты: Смирнов 2017, № 278; Серебренников, № 27, 28. В архивах находятся варианты из с. Ошья и с. Урталга Куединского района. (Архив ПФИЦ УрО РАН). Уральские варианты: Померанцева 1957, № 31; Сказки Урала 1959, с. 137–138.

Оригинальна концовка текста Евдокии Никитичны. В большинстве известных вариантов не рассматривается дальнейшая судьба дурака. Евдокия Никитична, предпочитающая «правильные» финалы, сообщает, что герой вырос, «стал хорошим человеком, умным».

39. <ОБЕЩАЛА КУРОЧКУ>

Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
Ранее не публиковалась.

Текст относится к сюжетному типу 1743* «Девица попа пристыдила». Варианты зафиксированы в сборнике «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева (Афанасьев Заветные сказки, № 142) и в сборнике братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых (Соколовы, 85). Помимо этих двух вариантов в сборнике А. Н. Афанасьева опубликован близкий вариант, в котором участниками являются священник и мужик и в котором нет рифмованного диалога (Афанасьев Заветные сказки, № 40). Таким образом, текст Евдокии Никитичны является третьим русским вариантом сюжетного типа 1743*.

40. ПРО ГОРОХ

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 7.

Текст относится к народным анекдотам, сюжетный тип 1960G «Горох до неба». Варианты данного сюжетного типа широко распространены преимущественно в европейских традициях. Первые русские публикации приведены в сборнике А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 19). Пермские варианты: Вологдин 1863, № 44; Зеленин Пермь 1914, № 81, 82. Вариант сказки известен в Прикамье в записи от Петрова Дмитрия Петровича, 1911 г. р. (д. Коптелы Еловского района, ныне – Чайковский район, ФА ПГУ, 246).

Евдокия Никитична отмечала, что бытовало два варианта завершения сказки. Один из них приведен в сборнике; так заканчивали сказку, когда рассказывали ее детям. В другом варианте, когда сказку рассказывали взрослым, ее завершали по-иному. В этом случае звери съедали старуху, убегали... «И оставили старику п...ку под лопушкой».

41. и 41.1. ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

41. Записано в 2001 г., собиратели А. В. Черных, М. Е. Суханова
41.1. Съемки: январь 2002 г. Киностудия «Новый курс», оператор Евгений Новиков, опрос А. В. Черных
Первая публикация: Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, составление, вступительная статья, примечания. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004, № 30.

Текст относится к сюжетному типу СУС 2022В «Разбитое яичко». Он распространен преимущественно у восточных, западных и южных славян, балтов, румын и турок, хотя единичные варианты встречаются у всех народов Европы и Азии. Пермские варианты не известны.

Сказка о курочке Рябе широко известна по обработке К. Д. Ушинского, использовавшего только один фрагмент текста, который завершается счастливым финалом.

Текст Евдокии Никитичны отличается необыкновенной развернутостью и разнообразием персонажей. Конечно, Евдокия Никитична не могла не использовать счастливый финал. Она завершает текст обещанием курочки Рябы снести новое яичко. Помимо этого, сказочница сочла необходимым еще и объяснить, почему все герои сказки радуются.

42. ПРО БИСДУНКА

Записано в 1995 г., собиратель А. В. Черных
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 14.

Текст относится к сюжетному типу СУС 2028 «Глиняный Иванушка». Первый русский текст представлен в сборнике Н. А. Иваницкого (Иваницкий 1890, № 19). Пермский вариант: Зеленин Пермь 1914, № 103.

Евдокия Никитична явно использовала этот текст в дидактических целях. Жадный Бисдунок наказан – он пропал, а из его распоротого пуза вышли все съеденные им персонажи. Необычайно интересно представлено рождение Бисдунка. Мотив «чудесного рождения» свойственен обычно для героев-богатырей, персонажей, которые в той или иной форме борются с социальной несправедливостью, а также для персонажей-девочек. За редкими исключениями мотив чудесного рождения связан со случайно отрубленными частями тела, растениями, рыбой, снегом, глиной или деревом. Все эти вещи связаны с мифологическими представлениями[10]. В тексте Евдокии Никитичны Бисдунок появляется из мусора и помоев. Согласно народным представлениям мусор может выступать в качестве предмета, наделенного особыми магическими свойствами, но для сказочницы существенно важнее именно бытовая семантика мусора. Исполнительница подчеркивает, что Бисдунок косматый, жадный, толстый. Это один из редких в репертуаре Евдокии Никитичны текстов, который оканчивается смертью героя.

43. НАСКОЛЬКО ЭТО ДОСТОВЕРНО

Записано в 1996 г., собиратели А. В. Черных, В. А. Базанов
Первая публикация: Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / составление, вступительная статья, комментарии А. В. Черных. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999, № 23.

[10] *Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 59–66.*

Сюжет о сожительстве женщины с медведем популярен в русской традиции. Известен как самостоятельный мотив СУС 650А «Иван медвежье ушко», входящий в ряд сказок о героях-силачах. Так, в тексте из сборника А. Н. Афанасьева (Афанасьев 1985, № 152) женщина пошла в лес за груздями и, заблудившись, попала в берлогу к медведю, от которого прижила сына. В сборнике Д. К. Зеленина (Зеленин Пермь 2014, № 43) мужика «поймала... медвежиха» и у них родился мальчик. В большинстве случаев женщина или мужчина с ребенком возвращаются к людям. В сказке Евдокии Никитичны женщина убегает, а ребенок остается с медведем. Более того, исполнительница не разрабатывает мотив необыкновенной силы сына медведя. Текст Евдокии Никитичны утрачивает черты сказочного повествования.

АВТОРСКИЕ СКАЗКИ

Произведения, вошедшие в данный раздел, являются текстами литературного происхождения. К сожалению, мы не знаем, какие произведения повлияли на тексты Е. Н. Трясциной, являются ли данные «сказки» талантливыми пересказами литературных произведений или Евдокия Никитична только использовала отдельные мотивы. Тем не менее они свидетельствуют о мастерстве рассказчицы, ее умении импровизировать, внимании к чувствам и переживаниям героев.

44. СКАЗКА ПРО БАРАШКУ

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

Данный текст, безусловно, создан под влиянием сказки о коте, петухе и лисе. Этот сюжет был известен Евдокии Никитичне и входил в ее репертуар (см. № 9 данного издания). Сказочница использует характерные для сказки о животных сюжетные коллизии: похищение беззащитного героя Барашка и его спасение друзьями. В то же время здесь появляется персонаж, свойственный волшебным сказкам: Баба-яга, которая выступает помощницей героев. Евдокия Никитична использует имена, созданные по тому же принципу, что и имена персонажей в фольклорных сказках о животных: Кот – черный лоб, кошка Мурка – белая шкурка, собака Жучка – хвост закорючкой, Барашка – золотые рожки, тоненькие ножки. Вполне возможно, что эти имена взяты из сборников детских стихов и загадок. Так, в различных методических пособиях для учителей начальных классов встречается загадка о барашке, в которой есть слова «завитые рожки, тоненькие ножки». Фигурирует в детских стихах и собачка Жучка – хвост закорючкой. Встречается в детской поэзии и несколько вариантов про кошку Мурку: «Кошка Мурка – серая шкурка», «Киса Мурка – мягкая шкурка», «голубая шкурка», «дымчатая шкурка» и т. д. В стихотворении Валентина Берестова «Мурка-кошурка» персонажем является кошка Мурка – «дымчатая шкурка». Главный антагонист сказки Е. Н. Трясциной – Лесное Чучело – попало в сказку, вероятно, тоже из детской литературы. Евдокия Никитична, скорее всего, либо переработала не найденный нами авторский текст, либо соединила элементы из разных понравившихся ей сказок.

45. СКАЗКА О БЕЛОМ БАРАНЕ

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

В основе данного текста лежит мифологическое представление о кладе, который является людям в образе белого барана. Такое появление клада хорошо известно и в русской, и в татарской традициях, а также в фольклоре других народов Поволжья. Однако, в отличие от традиционного фольклорного текста, Евдокию Никитичну привлекает не история клада, а любовная коллизия. Ей интересна психология героев, бытовые детали, национальный колорит.

46. ИВАН – НАСТИН СЫН

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

На этот текст Евдокии Никитичны, безусловно, оказал влияние популярный фильм «Цыган» (реж. Александр Бланк). Прямых сюжетных аналогий с фильмом в данном рассказе нет, но «цыганская» тема и связанные с ней мотивы младенца, выпавшего из кибитки, доброй русской женщины, вырастившей чужого ребенка, необычный облик мальчика, встреча с настоящей семьей отсылают нас к истории Будулая. В то же время нельзя не отметить авантюрность сюжета, обилие персонажей и дополнительных мотивов, таких как добрый кузнец-отчим, брат-близнец, свадьба в таборе, и т. д. Евдокии Никитичне важны переживания героев, их взаимоотношения. В своем рассказе она дает оценки поступкам персонажей, сопереживает им. Этот текст является образцом наивной литературы, она создавала его с явной ориентацией на литературный образец. В то же время подобные тексты связаны и с парафольклорными формами, прежде всего с так называемыми «девичьими рассказами» о глубокой и преимущественно несчастной любви. Но Евдокия Никитична не любила несчастливые финалы, поэтому ее история заканчивается счастливо. Исполнительница очень хорошо понимала значение слова «сказка» и рассматривала его как своеобразный синоним слову «счастье». Именно поэтому большинство своих авторских текстов она называет сказками, то есть историями с многоходовым сюжетом и счастливым финалом. Такая сюжетно-композиционная организация не свойственна сказкам фольклорным, но довольно типична для литературных сказочных текстов.

47. СКАЗКА ПРО СИРОТУ ИВАШКУ

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

Данный текст представляет собой характерный образец наивного литературного творчества. Евдокия Никитична объединила в своем повествовании многие мировые сюжеты и образы: любовь бедного юноши-сироты к богатой наследнице, свадьба с богатым, старым и некрасивым женихом, бегство со свадьбы, жизнь в монастыре, неожиданное обретение героем богатства, поиски любимой девушки и долгожданная свадьба. Можно предположить, что тот или иной мотив появился в данном произведении под влиянием литературы или кинематографа, но, скорее всего, Евдокия Никитична и сама не отдавала себе отчета в такого рода заимствованиях. Она использовала именно те мотивы, которые позволяли ей создать развернутый авантюрно-приключенческий

текст. Сказочницу волновали чувства и эмоции героев, их переживания, но в то же время ей хотелось создать интересный приключенческий сюжет. Следует отметить также, что Евдокия Никитична использовала прием, характерный для волшебных сказок. Она вводит в повествование героя-помощника – коня по имени Орлик. Понимая, что она рассказывает не сказку, Евдокия Никитична не наделяет коня человеческой речью, но приписывает героям способность понимать друг друга без слов. Возможно, этот мотив – разговора человека и коня – возник у исполнительницы под влиянием фильма «Застава в горах» (1953 г., реж. Константин Юдин). В одном из эпизодов командир отделения сержант Кулешов отдает своему коню, которого также зовут Орлик, приказы и тот их исполняет. Но возможно, прямого влияния фильм не оказал на текст Евдокии Никитичны, а сказочница и авторы сценария Михаил Вольпин и Николай Эрдман использовали одни и те же фольклорные стереотипы.

48. ПРОКЛЯТЬЕ

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

В основе данного текста лежит распространенное в системе народного мировоззрения представление о проклятье и, в частности, умышленном проклятье. В данном тексте оригинальным является воплощение темы проклятья. Его произносит мачеха, которая до возникновения конфликтной ситуации никак не притесняла падчерицу и даже спасла ей жизнь, выкормив ее своим молоком, когда мать девочки умерла. В отличие от фольклорных сказок о мачехе и падчерице, и отец падчерицы, и родная дочь мачехи, а также односельчане осуждают женщину за произнесенное проклятье. За проклятьем следует не только людское осуждение, но и Божье наказание – мачеха слепнет и глохнет. Она должна вымолить прощение у падчерицы.

Данный рассказ состоит из двух частей. И если первая связана с историей проклятья и наказанием мачехи, то вторая полностью посвящена жизни падчерицы Маши после произнесения проклятья и истории ее спасения. Евдокия Никитична использует здесь столь любимые ею дидактические приемы. В мире проклятых людей оказываются те, кто вел себя неправильно по отношению к детям и к родителям. Привлекает внимание образ сороки, которая показывает Ивану дорогу в мир проклятых. Сорока появляется в сюжете сказки, очевидно, не случайно. С ней связано много поверий, она обычно считается птицей-посредницей между мирами. Конечно, необычайно интересен такой персонаж, как Смерть, проявляющая сострадание к проклятой героине. Заслуживают внимания и такие детали, как дверь в Страну проклятых, которая открывается, если на нее попадает человеческая кровь, вуаль Смерти, под которой она уводит проклятых стариков, таинственный силуэт в капюшоне. Нельзя не отметить и столь любимый Евдокией Никитичной счастливый финал. В рассказе не только спасена мужем проклятая героиня, не только прощена и выздоравливает мачеха, но и сестра героини «в награду» за правильное поведение устраивает свою личную жизнь – к ней приезжают сваты.

49. СКАЗКА О МАШЕ-РУКОДЕЛЬНИЦЕ

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

Данный текст явно создавался Евдокией Никитичной для того, чтобы познакомить детей с основами ткачества, свадебными обычаями, системой родства и особенностями деревенского быта. В нем ярко проявляется склонность сказочницы к подробной детализации. Это видно не только в описании правил ткачества, но и в рассказе о подготовке свадьбы и описании праздничного стола.

50. СКАЗКА О ПАСЕКЕ

Первая публикация: Трясцина Е. Н. Всему своё время. Екатеринбург, 2011.

Данный текст представляет собой своеобразный юмористический рассказ из жизни села. В нем проявляется мягкий юмор, присущий Евдокии Никитичне. Рассказы о появлении медведя на пасеке довольно часто публикуются в массовых изданиях. Обычно они носят юмористический характер. Вполне возможно, что один из таких текстов и лег в основу рассказа Евдокии Никитичны.

ПИСЬМА ЕВДОКИИ НИКИТИЧНЫ ТРЯСЦИНОЙ

Частная переписка не рассчитана на публичность. В ней всегда ведется диалог лишь с непосредственными адресатами письма, а не с массовым читателем. И письма Евдокии Никитичны Трясциной не исключение.

Переписка собирателей фольклора с тем или иным исполнителем – явление довольно частое. Бывает, что на протяжении нескольких лет после фольклорно-этнографических экспедиций их участники поздравляют исполнителей с праздниками, передают приветы и интересуются их здоровьем. Обычно это краткие тексты, которые помещаются на открытках. Реже ведется более развернутая переписка, но и тогда это преимущественно письма «в одну сторону». Как правило, ответы из села приходят очень лаконичные, их авторы не привычны к письменному выражению своих мыслей, хотя в настоящее время они в большинстве своем люди со средним, а иногда и с высшим образованием. Отметим также, что сегодня эпистолярный жанр и вовсе уходит из нашей жизни. Его заменяют другие средства коммуникации: электронная почта, телефон, интернет.

Публикация личной переписки – всегда вопрос этического характера. В письмах могут содержаться факты биографии друзей, родственников или соседей автора писем, которые могут быть не заинтересованы в разглашении личной информации. В то же время письма по характеру материала могут походить на дневниковые записи, содержать фрагменты воспоминаний о прошлом, фиксировать события, факты, жизненные ситуации и т. д. Однако в отличие от дневников или мемуаров, авторы

писем не ставят цель сохранить память о событиях ни для себя, ни для будущих поколений. Письмо просто должно проинформировать адресата о чем-то конкретном и, с точки зрения автора письма, важном.

Переписка с Евдокией Никитичной была непродолжительной, не все вопросы обсуждали в письмах, иногда их решали по телефону. В архиве сохранилось несколько писем Е. Н. Трясциной собирателям и авторам сборника, написанных в 2000–2002 гг., уже после выхода сборника сказок «Ореховая веточка». В письмах не только содержатся воспоминания и рассуждения, но и рассказываются новости села Русский Сарс: описываются события, произошедшие в селе, в школе, в жизни соседей и родственников. Экспедиция работала в Русском Сарсе несколько лет: в 1994–1996, 2001 и 2002 гг., поэтому ее участники встречались и были знакомы со многими старожилами, в том числе с Луизой Ивановной Меркурьевой, жительницей села Русский Сарс, с которой участники экспедиции также вели переписку.

Евдокия Никитична писала письма и тем, кто обратил внимание на ее сказки, работал с ней как с носителем традиции. Она искренне радовалась выходу книги ее сказок: «Этой книжечкой вы увековечили память обо мне. Это для меня лестно». Она понимает, что ее выделили среди односельчан за умение рассказывать сказки, но ей казалось, что она может быть интересна «людям из города» и своей биографией: «...если бы так же, как эти сказки, выслушали бы меня о житье-бытье, о том, что я прожила весь XX век». Евдокия Никитична интересовалась историей своего края, была летописцем округи, записывая информацию о жизни села в две большие тетради: «...там много материала от старых людей собрано». В письмах она делится этой информацией. Зафиксированный в письмах взгляд на историю страны – это, безусловно, субъективная точка зрения, которая, однако, передает не только мироощущение Евдокии Никитичны, но и в определенной степени настроения, свойственные ее окружению. В письмах излагается не только ценная информация о жизни села Русский Сарс, его истории и культуре. Мы видим в них и личность самого автора, его пристрастия и эмоции. Письма Евдокии Никитичны приближают нас к личности сказочницы, раскрывают ее внутренний мир. В то же время они помогают более глубоко проникнуть в мир ее сказок.

Евдокия Никитична, безусловно, была сказочницей, ориентировавшейся на литературный текст. Именно поэтому она переживала, что ее сказки не соответствуют некой «норме»: «Если бы я видела, что говорю (читала бы), исправилась бы. <...> Меньше бы наговорила слов, вышедших из лексикона. <...> Каждую сказку можно было бы сделать подлин-

ней; как говорится, наврать побольше, поскладней. <...> Вот окончания некоторых сказок одинаково, надо бы по-разному. <...> В сказках: он сказал, она сказала. Он говорит, она говорила и т. д.».

В письмах видна любовь Евдокии Никитичны к деталям, которые она так любит и в сказках. Сообщая о смерти соседки, с которой участников экспедиции также связывали многие годы знакомства, она сообщает и о том, что та была в больнице, а потом у невестки-фельдшера, но перед смертью вернулась в дом сына и тот собрал всех родственников: «Всех благословила, со всеми поговорила. Вызвали священника. Он особоровал, и тихо умерла». Описывая пожар в местном доме культуры, Евдокия Никитична не только сообщает о причине возгорания, но и рассказывает о его последствиях: «Зало пришло в негодность. Потолок там частично пал (выгорел). Библиотека осталась целой, в коридоре проводят танцы». Рассказывая о каком-то событии, Евдокия Никитична в ряде случаев создает миниатюры. Так, описывая свой разговор с сотрудницами редакции, она замечает: «При получении газеты я позвонила им в редакцию. Там тоже мои бывшие ученики есть. Сказала им: «Девочки, по району много людей знают меня, откроют газету, посмотрят и скажут: “Что это Евдокия-то Никитична все еще живая, да ее давно уже на том свете с фонарями ищут”». В этих кратких замечаниях проявляется юмор Евдокии Никитичны, присущий и ее сказкам. Любовь к созданию ярких образов и к точным характеристикам видна не только в сказках, но и в письмах. Например, вспоминая о начале своей нищей семейной жизни, она так характеризует свое положение: «...был один стакан на двоих. По очереди чай пили».

Мы приводим несколько писем Евдокии Никитичны к А. В. Черных и М. Е. Сухановой, которые на протяжении нескольких лет работали с ней как с исполнительницей сказок и краеведом. На их примере нам хотелось показать, как мировоззрение Евдокии Никитичны, ее чувства, отношение к людям, внимание к деталям и добрый юмор повлияли на исполнительскую манеру сказочницы. Мы хотели показать, что сказочный текст зависит от жизненного опыта сказочника, его предпочтений, симпатий и антипатий, которые ярко проявляются в эпистолярном наследии Е. Н. Трясциной.

30/III – 2000 г.

Привет из Р-Сарса.
Здравствуйте, Александр В.
(Извините, не знаю отчества).

Спасибо за посылку, я её получила в целости в сохранности, и за письмо. Этой книжечкой вы увековечили память обо мне. Это для меня лестно. Но, Александр, можно было бы сделать лучше. Если бы я видела, что говорю (читала бы), исправилась бы.

1. Меньше бы наговорила слов, вышедших из лексикона.

2. Каждую сказку можно было бы сделать подлинней; как говорится, наврать побольше, поскладней.

3. Вот окончания некоторых сказок одинаково. Надо бы по-разному.

4. В сказках: он сказал, она сказала. Он говорит, она говорила и т. д.

Вижу, кое-где вы старались что-то исправить, и за это спасибо. Надо было побольше исправл[ений]. Сказок можно было мне добавить.

Спасибо тем, кто так красиво оформил книжицу, и именно тем цветом, который я люблю.

Сказки я еще другие вспомнила.

Привет Луизе Ивановне я передала по телефону, но обещала, что дам книжечку почитать. Она ведь моя ученица по школе. Я тут век прожила, и много людей прошло через мои уроки. Которым кроме знаний по математике в свободное время сказки рассказывала и прочитанные книги перерассказывала. Как то: «Человек, который смеётся», «Всадник без головы», «Принц и нищий», «Отважная охотница» и др. «В горах», «В лесах». Особенно своим детям, а у нас их 5 да 10 внуков. Которые хоть в городе живут, а на лето приезжают в деревню. Да по необходимости и зимами живут. Вот одна из внучат в 8 лет, не отходя, прожила с нами. Теперь она как дочь. Окончив 11 кл[ассов], опять же в город уехала. Нет работы дома, а там год проучилась на продавца. Работает. А мы так со старым Михаилом Ильичом и остались одни. Ему 82 года, мне 78 лет.

Да держим еще корову. Огород садим. Все свое имеем. Правда, помогает племянник и дети по необходимости приезжают. Теперь реже. В деревню никто не хочет жить. Вроде нас бы в город перевезти. Так мы еще и не согласны. Здесь кладбище-то свое.

Александр, вы спрашиваете о тетрадях. Да у меня их две большие. Я вот их сегодня перелистывала, там много материала от старых людей собрано. Кто где жил? Дома в деревне по порядку и т. д. Теперь я этого нигде не соберу. Нет

таких людей. И тетради отдать вам жалею. А вот если бы выписать, что вас интересует, я бы, кажется, могла.

Вот, Александр, у меня появилась тоже идея. Если бы так же, как эти сказки, выслушали бы меня о житье-бытье о том, что я прожила весь XX век, за исключением 22 [лет]. Что я помню жизни до колхозов и колхозы, и до войны, и войну. Раскулачивание. Как жили люди, их обычаи, их адский труд. Я ведь все была среди людей. Начала работать в колхозе с 9 лет. И даже уже учителем летами я работала, больше любила работать на лошадях. Даже на конной жнейке жала (вам это не понять). Я у смерти бывала 7–8 раз, имею широкий круг жизни других людей.

Даже вот о своей семье написать, и то интересно и горько.

Нас в семье выросло 8 из 10. Мама моя привезена из Вятки 4 лет. Их, вятских, целыми обозами ехало на Урал в поисках земли, леса, воды. Вот их целое поселение и жили в 10 км от Ваяшты в Башкирии. Я бывала у вятских в гости к тёткам. У них речь немного другая, и они, вятские люди, хватские, как говорили в шутку. Семеро на стогу стоят, один снизу подает. Еще кричат: «А шо, Вань, не заваливай!!!» Мама какое-то время жила у помещика Мансура в той же деревне. Жена Мансура учительница была – частная школа, 3 класса.

Там мама научилась многому, что подействовало на нас при воспитании.

О своей деревне Ваяшта надо сказать, что эта деревня была бедной. Далеко от городов и ж[елезной] дор[оги] и даже воды большой. Город только один Красноуфимск, туда и ездили на лошадях. Возили продать зерно, лён, семена, масло, мёд и др. А привозили самое необходимое: керосин, соль, спички, железо, стекло, мыло и т. д. Праздничную одежду, обувь. Мама даже один раз купила гармонь для своих детей. После 10-го класса я стала учитель. Институт закончила заочно. В 1942-м брали в армию. Маме было уже 69 лет, и 4 её сына было в армии. От одного уже была похоронка. Все равно еще и меня повезла. Повестка у меня сохранилась. На обороте написано: «отпущена до востребования».

Вот и дрожала всю войну, не взяли. В этом же [19]42 году попала под Сталинский закон за опоздание на целый урок. Несла наказание. В 1946 году вышла замуж за фронтовика М[ихаила] И[льича], который 7 лет был в армии, и начали мы жить, у которых был один стакан на двоих. По очереди чай пили.

Ну вот всё своими руками нажили: и дом, и скот, и детей воспитали, всем дали высшее образование. Живут в своих квартирах. Имеют свои семьи, ну так посредственно.

Двое братьев погибли на фронте. Одного из них <…> немцы расстреляли. Двое пришли ранеными.

А сколько деревенских погибло?

Деревня жила. А только захотели жить там, где электричество, клуб, кино, радио, школа (средняя), и в конце в деревне никого нет. Нет и деревни.

Можно бы и написать про обычаи свадеб, праздников. Раньше. И особенно интересно бы о колхозных праздниках (праздники после посевной).

Да ведь много разных приключений было. И попа-то мужики на муравейник посадили (чтоб к монашкам не бегал).

Вот о монашках. После изгнания из монастырей я с одной из них жила вместе 2 года. Она много рассказывала о жизни в монастыре. О том, что она, боясь раскулачивания, снесла свой сундук с добром к батрачке, а та потом пристращала её Советом, так всё и досталось батрачке. Я, говорит, сама себя раскулачила.

Да вот даже о том, как беглые были местные, люди спасались то от красных, то от белых, то от ВОВ.

Как дёготь делали (гнали); сами имели заводчика в деревне. Как сами делали люди сбрую, транспорт. Кузницы. Как сами делали деревянный уголь для кузниц. Делали кадочки, туески, горшки (я вот была и видела, как из глины делали посуду).

Да, забыла похвалиться за то, что я еще не отстаю от жизни. В школу меня приглашают. Хоть и реденько. Вот в школе раз в году бывает день самообслуживания. Сами ученики – учителя, директор, а настоящие учителя приглашают нас, пенсионеров, чтобы мы для них уроки давали. Так вот первый урок я им давала про миллион (когда мы жили миллионами), а что дальше миллиард, триллион, септиллион, октиллион и т. д. Что если муху увеличить в 1000000 раз, то будет длина 7 км 0,7 см. Муха х 1000000=7000 м=7 км. Второй урок: прожиточный минимум нас, живущих тут. При подготовке надо было много знать. Сколько мы хлеба съедали, сахара, картошки и сколько на дрова, свет, воду, огород, на мыло, конфеты и т. д. Третий урок о наших бывших деревнях и обычаях. У меня есть большие листы, где нарисованы деревни. Четвертый урок вот давала нынче в декабре 1999 г. [про] 2000-летие христианской веры. Урок с приезжими учителями из района. Было их =30. Вот уж я готовилась. Две недели плохо спала. Все евангелия перечитала. Старых людей переспросила (благо они еще есть. Двое. Одна с 1900 г. рожд[ения]. Вторая 1914 г. р.). Кто строил церковь? Когда? Из чего? Колокола? Звонари, священнослужители и т. д. Когда мы приобретаем себе ангела-хранителя? Зачем ходим в церковь? После чего ходили все организованно (по договоренности со священником) в церковь. Там какую службу провел священник с местными ребятами (учениками), которые ходят на какие-то занятия в церковь. Церемонию закончили постным обедом в школьной столовой. Одна из учителей во время обеда рассказала, что она

держит все посты и постные дни. Что это хорошо для здоровья и успокоения нервов, давления и т. д.

Александр, извини, что я много написала. Я пишу-то плохо, да и ошибок-то много. Я раньше по р/я [русскому языку] имела неуды.

Александр, у меня такая очень некрасивая просьба. Мало мне книжечек, что мне прислали, хотя за это спасибо. Но хотела бы еще получить книг так 10. В посылке. Я за посылку расплачусь, за книги. Перешлю вам деньги потом. Пусть будет указана цена. Очень мне хочется самой при жизни подарить книги детям, внукам, в школу бы хоть одну в библиотеку.

Они, наверно, и в продаже будут, но где я их куплю и когда? А хотелось бы!

Е. Н. Трясцина.

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

** Знак = в написании соответствует знаку «примерно».

25/VI – 2000 г.

Здравствуйте, Александр В.

Большое спасибо за 10 кн[иг]. Все дошло в целости, в сохранности. Конечно, мне очень стыдно, что я попрошайка. Извините меня за это. Я ведь хотела купить через вас, так как их здесь нет в продаже. Ну, если уж вы так добры, еще раз спасибо. Я понимаю, я понимаю, как много вам хлопот.

Даже бандероль запечатать отправить нужны деньги и время. Я в долгу перед вами. А что я попала в историю, то верно. Меня многие тут знают по работе, и отзывы неплохие.

А тут еще вы да с рекламой по телевизору по Перми. И там есть мои ученики; приезжая сюда, говорят, что «мы вас по телевизору видели».

А тут в районе, в редакции районной газеты «Вперед», за 7 /VI/2000 г. целую страницу посвятили. Написали то, что написано вами обо мне в книжке, и 2 короткие сказки и фото с книжки.

При получении газеты я позвонила им в редакцию. Там тоже мои бывшие ученики есть. Сказала им: «Девочки, по району много людей знают меня, откроют газету, посмотрят и скажут: “Что это Евдокия-то Никитична все еще живая, да ее давно уже на том свете с фонарями ищут”».

Вот район приобрел эти книги, в нашу сельскую библиотеку дали 2.

Тут в школе, среди учеников начальных классов и учителей их, библиотекарь рассказала о этих книгах. Показала. Я им рассказала 2 сказки. Сфотографировали всех с книгами.

А вот = 18/VI приходили в школу туристы: ученики с 2 учителями = 20 человек из Завода Сарс на расстоянии = 60 км. Пешком. Их поход – узнать о деревнях по реке Сарс. Меня тоже пригласили на их встречу как местного краеведа. Я принесла им рисунки бывших ближних деревень. Рассказала коротенько о Р-Сарсе, о его поселенцах на примере родословного древа Трясциных.

Это очень красиво оформлена картина. Как шло расселение людей по деревням. Им все очень понравилось. Опять же сфотографировали картину и туристов. Мне обещали фото выслать. Конечно, интересовались и книгой. Посмотрели, а говорить о ней не было времени.

А еще, Александр В., есть у меня один из моих выпускников – класс из 36 человек. Отряд имени Валентины Терешковой.

Очень дружный коллектив. Они до сих пор со многими из своего класса ведут связь. Дважды делали уже встречу и вот летом 2001 г. хотят снова провести встречу в связи того, что им многим исполняется по 50 лет. Тут были у меня двое из них (приезжие).

Узнав о книге, пришли посмотреть и узнать, где можно купить. Сказали, что обязательно приобретут (купят) такую красивую книжку.

Вот сколько шуму из-за ничего.

О себе. Жива. Двигаюсь. Опять внучата из городов приехали. Опять шум, гам, заботы. Да еще много приехать обещаются, так что болеть нет времени. Михаил Ил[ьич] мой отдыхает с 14/VI в Пермском военном госпитале.

Пока всё.

Жду в гости.

Е. Н. Трясцина.

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

** Знак = в написании соответствует знаку «примерно».

22 мая 2001 г.

Здравствуйте, Александр и Марина.

Простите, я ведь не знаю отчества ваши. Вот хочу вам написать, поделиться своими впечатлениями. Посылаю то, что было написано в газете «Вперед» (районка) за 16/III/2001 г. У меня было написано им больше, но редакция сократила. И хорошо, а то я ведь порой не так, как бы надо, напишу. А вот 15/V я снова в редакцию написала, и даже сама редактор приезжала за моей статьей и еще фото увезла: нас 10 класс, десять девушек на одной. Хотела даже к статье поместить. Жду, что напишут. А что я написала, так вот вам посылаю (копию, черновик). Да вот еще и пошлю копию повестки в армию в РККА. Моя девичья фамилия Постных.

Это просто вспомнить, как писались повестки и что надо было взять с собой. О том, как я добиралась до Чада для отправки. О том, что меня оставили, и всю войну я ждала особого распоряжения.

Рассказ длинный.

О себе. Живы оба с Михаилом Ильич[ом]. Он сейчас находится в Перми в старом госпитале – отдыхает, лечится до 2/VI.

Я же готовлюсь еще к [в]стрече со своими учениками, отряд Терешковой. Они уже третий раз хотят встречу на 3/VI/2001. Им всем по 50 лет, хотят общие именины. А я у них классный рук[оводитель]. Вот и моя забота о них. Разослали пригласительные, а из 35 человек в классе было. Договорились с клубом, где нас примут. Зуева В. Ив.

А еще 10 июня в районе в Октябрьском праздник 70-летия района. Вроде, из Р-Сарса поедет 8 человек приглашенных. Говорили, и меня пригласят. Пригласительных официально еще нет. Наши еще и артисты поедут из клуба. Вот всё, что я хотела написать. До свидания.

Е. Н. Трясцина

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

15/X – 2001 г.

Здравствуйте,
Александр В. и Марина.

Остальных я не знаю. Даже вас и то по отчеству не могу назвать.

С приветом к вам я, Трясцина Е. Н. из Р-Сарса, и Михаил Ильич.

Александр, хочу поделиться тем, что мы в Р-Сарсу хотим отметить 200-летие села. Будет якобы большое собрание села в клубе. Якобы приедет районное начальство – Бессарабов и др. К этой дате выискиваем по фото, по беседам со старыми людьми о жизни в старину. Якобы о начальном месте Р-Сарса, о людях прошлых и настоящих. Я же много фото собрала старинных.

Сделала общую тетрадь и много пишу в ней. Разные воспоминания разных людей.

Тут я ездила в Чад и была в районном музее. Там работает Целищев Сергей Анатольевич. Очень гостеприимный человек. Рассказала ему о своей еще не дописанной тетради. Он говорит, чтоб её отдать им. А я нет. Что я её отдам в свой школьный музей. В тетрадь я склеила и вырезки из газет. Когда-то написаны Шангиным Радимиром Ив[ановичем] о Русском Сарсе.

Зная вас, что вы интересуетесь историей, поэтому вот и пишу вам.

Пригласить вас на это собрание я как-то не могу. Ведь вы далеко. Всё не по пути. Но материал, может, вам бы и пригодился, если его взять (списать) где-то перед праздником, а после уже будет поздно. Спрячут.

Праздник намечен на 7 ноября. А тут уже сказали, что на 6 ноября. Я так пока и не знаю [в] точности.

Я уже написала вот в редакцию поздравительную, и её напечатали 12/IX. Посылаю вам привет от Луизы Иван[овны]. Недавно её видела. На Дне пожилого человека (в праздник).

Извините, но я почему-то решила, что о нашем торжестве вам написать.

Е. Н. Трясцина

Я ведь вовсе старая.
Пишу-то плохо.
Непонятно. Но
Читайте

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

14/XI – 2002 г.

Здравствуйте, Александр В.

С приветом к вам мы, Трясцины: М[ихаил] Ил[ьич] и я, Евдокия Никитична.

Решила написать вам о том, что 28/X/2002 умерла Меркурьева Луиза Ивановна. Болела. Болело сердце. Дыхание было затруднено. Лежала в Чаду в больнице 2 недели, жила 10 дней у снохи – фельдшера нашего р/сарсинского. Но за неделю до смерти снова жила у старшего сына. Почувствовали её слабость, сын вызвал всех сыновей и дочерей (а их 7 человек).

Все приехали. При них еще жила двое суток. Всех благословила, со всеми поговорила.

Вызвали священника. Он особоровал, и тихо умерла.

Я была на похоронах. Похоронили рядом с её мужем.

Вот такие дела…

О себе. Писать особо не о чем. М[ихаил] Ил[ьич] только в доме может ходить. На кровать, на печь может залезть – мне все еще надо что-то.

По всем семейным делам.

Тут вот 6 декабря 2002 хотят провести большое мероприятие в дер. Тляково с марийцами. Приедет какой-то большой начальник орган[изации] Сули [Сулий].

Проводится какая-то работа как с малым населением марийцев.

Я же опять вот, зная адреса своих учеников-марийцев, пишу им об этом.

Проводит это наш районный отдел культуры.

А еще у нас в Р/Сарсу неприятность. Начал гореть дом культуры. <…> загорело в зале якобы от проводки (не выяснено). Зало пришло в негодность. Потолок там частично пал (выгорел). Библиотека осталась целой, в коридоре проводят танцы.

Да еще вот 4/XI умер Змеев Григорий Иван[ович], один из ветеранов ВОВ. Очень жаль.

Колхоз не справился с уборочной. Много посевов ушло под снег.

Вот все, что я хотела написать.

Будете в наших местах, заходите попроведать нас. С приветом

Е. Н. Трясцина

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

Уважаемые сотрудники
Пермского областного краеведческого музея!

Выражаем большую благодарность и глубокую признательность, особенно Вам, автору-составителю Александру Васильевичу Черных, Ученому Совету, а также всему коллективу Пермского областного краеведческого музея, всем, кто был участником выпуска книжки «Ореховая веточка: Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс [Октябрьского района] Пермской области», за выпущенную в свет прекрасную книгу, за её красочное оформление, за красивый сказочный шрифт, за цветные фотографии, изобразившие прелесть русской природы и родной деревни, за историческое предисловие, за словарь устаревших и диалектных слов, за четкое изложение, улавливающее стиль рассказа сказочницы, и наконец, за увековечивание имени нашей любимой мамы Трясциной Евдокии Никитичны!

Её сказки мы знаем с детства. Здесь, конечно, напечатали далеко не все её сказки. Длинными зимними вечерами, весной и осенью, работая в саду и огороде, при посадке или уборке урожая, летом, на кратковременном отдыхе в период сенокоса, мы все, затаив дыхание, слушали неиссякаемые мелодии сказок, в которых добро всегда побеждает зло, а поступки героев учат уму-разуму. На ярких примерах этих сказок мы учились думать, мыслить, принимать решения, начинали строить свою жизнь.

Её сказки знают и наши дети, которые охотно приезжают погостить к бабушке на лето, когда, наигравшись, устраиваются поудобнее вокруг неё.

Выпуск книги – непреходящая ценность для всей нашей семьи, нашей фамилии. Уже будучи высланной и разосланной, в первую очередь своим детям, эта книга стала настоящим подарком, шедевром в нашей жизни. Непременно была показана нашими детьми в школе, нами на работе и получила самые восторженные отклики самых разных людей, знакомых и незнакомых, сослуживцев, родственников.

И долго еще мы будем помнить добрым словом нашу маму, вновь и вновь перечитывая эти сказки, в особенности те слова, исполняемые нараспев маминым голосом. Дай бог ей добра и здоровья!

Еще раз большое вам спасибо за неугасимую любовь к родному краю, тягу к истории, сохранению забываемых ценностей, так удачно выраженных в выпуске «Ореховой веточки»!

По поручению семейства Трясциных
Младший сын Трясцин Александр,
Родом из села Русский Сарс
Пермской области.

* Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Бастры́г – жердь, с помощью которой укрепляют сено на возу.

Баша́н – голова.

Бедно́ – бедно.

Божни́ца – полка для икон в переднем углу дома.

Верьхова́тый – здесь: наполненный до краев.

Вечёрка – молодежная посиделка с песнями, играми, плясками, на которую девушки приходили каждая со своей работой.

Вечерова́ть – проводить время на «вечёрках».

Всхли́птывать – всхлипывать.

Вы́глядеть – здесь: подсмотреть.

Вы́дунуть – выдуть.

Выкоря́ниваться – покидать какое-либо место, уходить.

Вы́париться – вывестись, вылупиться из яиц (о птенцах).

Гайта́нчик, *ласк.* – шнурок, тесемка для нательного креста.

Го́лбец – 1) подполье, 2) деревянная пристройка к печи, являющаяся лежанкой и закрывающая вход в подполье.

Голо́дний – голодный.

Голоса́нку тяну́ть – долго, протяжно кричать, выть.

Голоса́нку вы́тянуть –долго, протяжно прокричать, провыть.

Гу́зно – ягодицы.

Гу́лить – ворковать (о голубях).

Деви́чник – вечеринка с подругами в доме невесты накануне венчания, а также вообще вечеринка, на которую собираются девушки, женщины.

Деля́нка – здесь: надел, участок земли.

Дёнышко – донышко.

Добрецо́, *ласк.* – здесь: еда.

Домовни́чать – присматривать за домом, хозяйством во время отсутствия других людей.

Дрозды – дрозд.

Желу́дка – скорлупа от желудя.

Желу́дочка – *ласк.* к Желудка.

Жёрново – 1) главная деталь ручной или другой мельницы в форме круглого широкого диска, изготовленная из камня, с насечками, или из дерева, с набитыми железными полосками; 2) ручная мельница.

Заблужда́ться – здесь: сбиваться с пути, терять дорогу.

Задёрнуться – здесь: сомкнуться, закрыться.

Зазна́ть (кого) – узнать (о ком-либо).

Зака́зывать – здесь: звать, приглашать.

Зала́вочек, *ласк.* – расположенный около печи низкий кухонный шкафчик на лавке, предназначенный для посуды, кухонных принадлежностей.

Замельтеши́ть – здесь: засуетиться, начать быстро что-либо делать.

Зана́веска – занавеска.

Заня́ться – начать.

Засло́нка – железный, обычно полукруглой формы лист с ручкой, закрывающий входное отверстие русской печи.

Заугóлочек, *ласк.* – угол сруба.

Зори́ть – разорять.

Зы́бка – подвесная колыбель.

Ка́дца – деревянная бочка, кадка.

Ками́н – печь с плитой.

Ка́нуть – капнуть.

Ка́пор – женский головной убор.

Карабси́л – похищение.

Карабси́ть – похищать.

Карто́вница – запеканка из картофеля.

Квашня́ – тесто.

Квашóнка – то же, что квашня.

Ки́даться – кидаться, бросаться.

Клуб – клубок ниток.

Ковéркать – здесь: ломать.

Колóдинка – здесь: пень или поваленное дерево.

Конюхóвка – рабочее помещение для хранения конской сбруи, приготовления корма скоту и под.

Коса́ч – тетерев.

Кри́ночка – высокий глиняный горшок для молока.

Куде́лька, *ласк.* – здесь: шерсть, приготовленная для прядения.

Куде́ля – льняное волокно.

Кумы́шка – самогон.

Купéцкий – купеческий.

Лагушóк, *ласк.* – деревянный сосуд для хранения кваса, пива и т. п.

Летéть – здесь: быстро бежать.

Лукóшко –небольшая корзинка из лубка или прутьев.

Лукóшечко – *ласк.* к Лукошко.

Лупи́ть – здесь: снимать шкуру.

Лутóшечка, *ласк.* – тонкая жердь.

Лутóшка – 1) часть ствола молодой липы; 2) часть освобожденного от коры ствола молодой липы.

Лы́ко – луб молодой липы, разделяемый на слои и узкие полосы.

Магази́н – здесь: укороченная по высоте верхняя часть корпуса с дополнительными рамками, которая ставится на улей для

усиления медовой производительности пчелиной семьи.

Мазу́ля – испачканный грязью человек.

Ма́монька, *ласк.* – здесь: обращение к свекрови.

Медову́ха – хмельной медовый напиток.

Молоду́ха – молодая замужняя женщина.

Морко́вница – запеканка из моркови.

Мот – моток ниток.

Мотови́ло – приспособление для сматывания пряжи.

Набива́ться – ударяться о что-либо, стучать.

Напа́дкой – припав к чему-либо (о способе питья воды из ручья, реки).

Народи́ться – родиться.

Насле́дство – здесь: сверхъестественные способности, передаваемые от старших родственников младшим.

Неве́ститься – взрослея, становиться девушкой; быть готовой к замужеству.

Недоро́сток – невзрослый человек, подросток.

Ни́ченка – деталь ткацкого стана: две параллельные дощечки (палочки) с нитяными петлями, в которые продеваются нити основы.

Ношо́бный – предназначенный для ношения (об одежде).

Обма́нчивый – здесь: такой, который легко может обмануть.

Обнаде́яться – понадеяться.

Ободра́ть 1 – здесь: отобрать.

Ободра́ть 2 – здесь: задрать (о медведе).

Обо́рки – завязки у лаптей.

Обру́быш – обрубок.

Огло́бля – в упряжи: одна из двух жердей, укреплённых на передней оси повозки и соединяющихся с дугой.

Оде́жа – одежда.

Одновреме́нно – одновременно.

Ожереби́ться – родить (о лошади).

Окола́чивать – колотить, поколачивать.

Ону́ча – длинная широкая полоса ткани для обматывания ступни и щиколотки (при обувании в лапти).

О́порос – опорос.

Опря́сть – спрясть.

Осерди́ться – рассердиться.

Оснима́ть – снять шкуру.

Отереби́ть – выдернуть шерсть.

Отстря́паться – завершить дела по хозяйству.

Отсты́ть – остыть.

Отсули́ть – пообещать.

О́чеп – гибкая жердь, на которую вешают колыбель.

Ошеме́ток – старый лапоть.

Ошеме́точек – *ласк.* к Ошемёток.

Па́жик – полукруглая гребенка для волос.

Па́зушка, *ласк.* – здесь: пространство между грудью и прилегающей одеждой; пазуха.

Паре́нки – паренные в русской печи овощи: репа, свекла, морковь, брюква.

Па́рить – здесь: высиживать яйца.

Па́смо – единица счета пряжи при мотании и сновании: моток в 30 чисменок, или 90 нитей.

Перевернýться – здесь: превратиться в кого-либо.

Перестáрок – здесь: тот, кто вышел из необходимого для женитьбы возраста, уже стар для женитьбы.

Пикýлька – свистулька.

Плат – 1) платок; 2) редкая, обычно домашнего изготовления ткань, используемая для закрывания посуды, процеживания сусла при производстве пива и т. п.

Повы́скакать – выскочить.

Под остáтки – под конец, в конце.

Подогнáть – здесь: быстро подъехать.

Подóйница – сосуд, в который доят молоко.

Подшáлок – большой, обычно шерстяной или шелковый платок.

Полезáть – лезть.

Полáти – настил из досок над входом в избу.

Полúчка – полка.

Пóлог – большое полотнище из грубой ткани домашнего изготовления, служащее подстилкой или покрышкой (при сушке, провеивании, молотьбе, перевозке зерна и т. п.).

Полушáлок – то же, что подшалок.

Понужнýть – погнать, заставить ускорить движение (тягловый скот).

Пооббежáть – оббежать.

Пообжúться – привыкнуть к условиям жизни.

Порáне – пораньше.

Пресмыкáющее – пресмыкающееся.

Приговóр – здесь: короткое стихотворение, имеющее целью устрашить, разжалобить и т. п. слушающего.

Припашённо – припасено.

Притвáривать – замешивать тесто, подмешивать в тесто муку.

Притолкнýть – подтолкнуть.

Прихвáт – сжимание чего-либо в руке.

Причёт – здесь: то же, что приговор.

Причитáнье – здесь: то же, что приговор.

Причитáть – здесь: исполнять «причитания».

Прогнáть – здесь: быстро уехать.

Прозимовáть – перезимовать.

Проклянённый – проклятый кем-либо.

Просвáтанье – этап свадебного обряда, следующий за сватовством, во время которого происходила окончательная договоренность о свадьбе.

Прóстень – веретено с накрученными на него нитками.

Простúнуть – здесь: остыть.

Проходнóй – здесь: прохожий.

Пýза – живот.

Пукáненый – обпуканный.

Пýще – сильнее.

Пятерúк – мешок, вмещающий пять пудов зерна, муки и т. п.

Разветвúться – здесь: разделиться.

Разглядéться – привыкнув к темноте, приглядеться.

Раздóбриться– стать добрым (доброй).

Разóрва – здесь: плохая еда.

Раскы́рить – растопырить, раздвинуть.

Растворúться – здесь: широко раскрыться, раздвинуться.

Ре́песовый – сшитый из репса – плотной хлопчатобумажной или шелковой ткани с мелкими рубчиками (о платке, шали).

Ре́пный – приготовленный из репы.

Рукоте́рник – домотканое полотенце.

Ру́сленник – длинное деревянное корыто с отверстием в одном конце, используемое для процеживания сусла при изготовлении пива в домашних условиях.

Свадебья́нин – участник свадьбы.

Сва́товщик – человек, сватающий невесту жениху, сват.

Свести́ – здесь: увести.

Се́льница – деревянная посудина, обычно в виде корыта, в которую сеяли муку.

Селя́нка – запеканка из овощей, крупы, рыбы и пр.

Ски́рда – большая укладка сена, снопов, соломы.

Скри́пать – скрипеть.

Слиза́ться – уменьшиться в объеме от лизания.

Сли́зываться – уменьшаться в объеме от лизания.

Люби́ться – полюбить друг друга.

Смилосе́рдиться – смилостивиться.

Смилосе́рдничать – смилостивиться.

Сморгну́ть – моргнуть.

Сноше́нница – сноха.

Сряди́ться – договориться.

Стручи́стый – имеющий множество стручков (о горохе).

Сшиби́ть – сбить, уронить.

Тетере́в – тетерев.

Ток – место для молотьбы зерна.

Топле́ный – здесь: растопленный (о масле).

Топота́ть – топать.

Тор-тор-тор-тор, *межд., звукоподр.* – о звуке коротких ударов.

Трёхпудовик – мешок, вмещающий три пуда зерна, муки и т. п.

Ту́кнуть – ударить, стукнуть.

Ты́сяцкий – главный распорядитель на свадьбе, обычно крестный жениха.

Тя́тенька, *ласк.* – здесь: обращение к свекру.

Укиса́ть – подниматься, подходить (о тесте).

Уки́снуть – подняться, подойти (о тесте).

Улеща́ть – угождать, угодничать, говорить ласковые слова.

Уноровы́ть – угодить.

Упере́ть – здесь: поставить на что-либо для придания устойчивости.

Ути́рка – домотканое полотенце.

Ухва́т – приспособление для подхватывания в печи горшков, чугунов: железное полукольцо в виде двух рогов на длинной рукояти.

Хлеби́ны – один из этапов свадебного обряда: посещение молодыми родителей невесты через неделю после свадьбы, с обязательным угощением.

Хребтю́г, хребтю́к – мешок для кормления лошади в дороге.

Чаща́ – куча сучьев.

Чёсанки – тонкие валенки, изготовленные кустарным способом.

Четвертна́я – купюра в двадцать пять рублей.

Чи́калка – яичница.

Чи́сменка – единица счета пряжи при мотании и сновании: часть мотка в 3 нити. Это счет нитей при мотании мотов и сновании, включающей три нити.

Ша́ньга – ватрушка.

Швырк, в знач. сказуемого – швырнуть.

Ши́бко – очень.

Шлык – остроконечный головной убор. В данной традиции слово употребляется для обозначения женского головного убора марийцев соседней деревни.

Шти – суп.

СПИСОК АУДИО- И ВИДЕОКОНТЕНТА НА ФЛЕШ-КАРТЕ

АУДИОТРЕКИ:

Докучные сказки
01 Надо сказку про гуся?
02 Жил-был
03 Жили-были старик со старухой
04 Надо вам сказку…
05 Надо ли сказку…
06 Чок-чок, зубы на крючок
07 Я сидела на окошке…

Сказки о животных
08 Звери в яме (Про свинью)
09 Кот, баран, петух и лиса
10 Сказка про лису (Лиса и тетерев)
11 Медведь, липовая нога
12 Сказка про старика и старушку
13 Старуха с лаптем
14 Коза-дереза
15 Лиса и дроздь

Волшебные сказки
17 Про Лешего
18 Жил-был старик со старухой (Мальчик-с-пальчик)
19 Лутонюшка
20 Ореховая веточка

21 У них было семеро мальчишек
22 Про Бурёнушку
23 Про Сивку-бурку
24 Как ветер муку унёс
25 Про горшок
26.1 Про Иванушку
27 Шёл солдат со службы
(Солдат рассказывает сказки)
28.1 Про охотника
29 Про Снегурочку
30 Про жёрново

Новеллистические сказки и анекдоты
31 Беззаботный поп
32 Про солдата (Солдат и черти)
33 Солдат и шаньги
34 Кобыльи яйца
35 Про зеркало
36 Про золотую голову
(Золото с конскую голову)
37 Про Игнашку-вора
38 Про Ивана-дурака
39 <Обещала курочку>
40 Про горох
41 Про курочку Рябу
42 Про Бисдунка
43 Насколько это достоверно

ВИДЕО:

Докучные сказки

11.1 Медведь, липовая нога
26.1 Про Иванушку
28.1 Про охотника
28.2 Про охотника
41.1 Про курочку Рябу

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеева 1860 – *Авдеева К.* Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой, изданные К. Авдеевой. СПб.: Изд-во О. М. Вольф, 1860. 36 с.

Амроян 1996 – Русские докучные сказки / [Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. И. Ф. Амроян]. Тольятти: Полигр. предприятие «Современник», 1996. 87 с. (Сокровища русского фольклора).

Афанасьев 1985 – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; Отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984–1985. (Литературные памятники).

Афанасьев Заветные сказки – *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки. Женева: Изд-во М. К. Элпидина, тип. «Общего дела», 1884–1889. 214 с.

Базиле 2016 – *Базиле Д.* Сказка сказок, или Забава для малых ребят. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 547 с.

Бараг 1969 – Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960–1966 гг. / Подбор текстов, ред., вступ. ст. и примеч. Л. Г. Барага. Уфа: Башкнигоиздат, 1969. 191 с.

Бараг 1974 – Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала / Отв. ред. Л. Г. Бараг. Вып. 1. Уфа: б/и, 1974. 286 с.

Бараг 1975 – Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке / Под ред. и с коммент. Л. Г. Барага. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1975. 175 с.

Бирюков 1936 – Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск: б/и, 1936.

Бирюков 1953 – *Бирюков В. П.* Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор / Собрал и сост. В. П. Бирюков. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1953. 292 с.

Ваненко 1849 – *Ваненко И.* Народные русские сказки и побасенки, для детей меньшего возраста. Кн. II. М.: Д. Трегубов, 1849.

Вологдин 1863 – Материалы для этнографии Закамья: Сказки, говоримые детям // Пермские губернские ведомости. 1863. № 38–44.

ГАПО/ГАПК – Государственный архив Пермской области / Государственный архив Пермского края

Даль 1984 – Пословицы русского народа: сборник В. Даля в 2 томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 442 с.

Добрянский краеведческий музей – Добрянский историко-краеведческий музей.

Жуковский 1940 – *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1940. Т. 2. С. 271–289. (Библиотека поэта).

Зеленин Пермь 1914 – *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1914. LIII, 656 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии; Т. XLI).

Зырянов 1981 – *Зырянов И. В.* Старикова тайна: Сказки Прикамья в записи [и с предисл.] И. В. Зырянова. Пермь: Книжное изд-во, 1981. 223 с.

Иваницкий 1890 – *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 2 / Под ред. Н. Харузина. М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1890. V, 234 с. (Известия Императорскаго общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящаго при Императорском Московском университете).

Капица 1930 – Детский быт и фольклор: сборник / Под ред. О. И. Капица; Л.: Гос. рус. геогр. о-во, 1930. 70 с. (Гос. рус. геогр. о-во. Отдние этнографии. Комиссия по детскому быту, фольклору и языку).

Карнаухова 1934 – Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и комментарии И. В. Карнауховой; Предисл. Ю. М. Соколова. М.; Л.: Academia, 1934. XXXI, 446 с.

Китайник 1949 – Уральский фольклор / Ред. М. Г. Китайник. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1949. 236 с.

Колпакова 1963 – *Колпакова Н. П.* Охотники за песнями. М.: Детгиз, 1963. 79 с.

Кругляшова 1967 – Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим) / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. В. П. Кругляшова. Свердловск: б/и, 1967. 302 с.

Кудрявцев 1871 – *Кудрявцев В. Ф.* Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник / Под ред. А. С. Гациского. Н. Новгород: Нижегородский губернский статистический комитет, 1871. Т. IV. С. 167–238.

Левшин 2016 – *Левшин В. А.* Русские сказки: в 2 кн. Иваново: Роща, 2016. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; Т. 16).

Лекарство от задумчивости 1786/2019 – Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. Иваново: Роща, 2019. 494 с.

Мадам д'Онуа 2015 – *Д'Онуа Мари Катрин.* Кабинет фей / Гистер (Летарова) М. А. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Издательство «Наука», 2015. 1000 с. (Литературные памятники).

Манжура 1890 – Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губернии И. И. Манжурою // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 2. Вып. 2. Харьков: Типография К. Счасни, 1890.

Масуди 2002 – *Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди.* Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749—947 гг.] / Сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели Д. В. Микульского. М: Наталис, 2002. 800 с. (Серия: Восточная коллекция).

Можаровский 1882 – *Можаровский А. Ф.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии.

Потехи, забавы, остроты, прозвища, стишки и песни. Казань: Тип. Г. М. Вечеслава, 1882. 95 с.

Мурзилка 1944/5 – Зеркальце. Корейская сказка // Мурзилка. 1944. № 5. С. 14–15.

Никифоров 1932 – *Никифоров А. И.* Російська докучна казка // Етнографічний вісник. Київ, 1932. Кн. 10. С. 43–105.

Ончуков 1908 – Северные сказки: В 2 кн. / Сб. Н. Е. Ончукова. СПб.: б/и, 1908. XLVIII, 646 с. (Записки императорского Русского географического общества по Отд. этнографии; Т. 33).

Ореховая веточка – Ореховая веточка: Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермской области / Сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Черных. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 1999. 125 с.

Пермские сказки 2000 – Пермские сказки: Современный фольклор Прикамья / Собрал и составил И. Подюков. Пермь: ПРИПИТ, 2000. 70 с.

Померанцева 1957 – Русское народное творчество в Башкирии / Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 327 с.

Пушкин, Прил. 1 – *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература. 1936. Приложение I. Записи сказок. С. 483–489.

Русские народные сказки Пермского края 2004 – Русские народные сказки Пермского края / Сост. А. В. Черных. Пермь: Пермское книжное издательство, 2004. 280 с.

Серебренников 1928 – *Серебренников В. Н.* Из записей фольклориста // Пермский краеведческий сборник. Вып. 4. Пермь: Кружок по изучению Северного края при Пермском университете, 1928. С. 123–131.

Серебренников 1964 – Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В. Н. Серебренников; Сост. и вступ. статья Т. И. Вершинина. Ред., послесл. и примеч. Г. И. Бомштейн. Пермь: Книжное издательство, 1964. 360 с.

Сказки Урала 1959 – Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник и Н. Куштум. Свердловск: Книжное издательство, 1959. 230 с.

Смирнов 2017 – Великорусские сказки: сборник А. М. Смирнова: в 2 кн. Иваново: Роща, 2017.

Соколовы – *Соколов Б., Соколов Ю.* Сказки и песни Белозерского края. СПб.: Тропа Троянова, 1999. Кн. 1–2. (Полное собрание русских сказок; Т. 2. Предреволюционные собрания).

Спешилов 1962 – *Спешилов А. Н.* Сказки Прикамья / Собрал и обработал А. Спешилов. Пермь: Книжное издательство, 1962. 92 с.

Старая погудка на новый лад – Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок: русская сказка в изданиях конца XVIII века. Иваново: Роща, 2016. 393 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; Т. 8).

Страпарола 1978 – *Страпарола да Караваджо Дж.* Приятные ночи / Изд. подг. А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова; Отв. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1978. 448 с. (Литературные памятники).

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

Татаринцев 1977 – Русский фольклор Удмуртии. Песни, сказки, частушки / Сост., вступ. ст. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1977. 223 с.

Традиционный фольклор Новгородской области 2001 – Традиционный фольклор Новго-

родской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 гг.) / Подгот.: М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Алетейя, 2001. 542 с. (Памятники русского фольклора. Вып. 2).

ФА ПГУ – Фольклорный архив Пермского государственного университета.

Феи с алмазных гор – Феи с Алмазных гор: Корейские народные сказки / Сост. В. Пак. М.: Художественная литература, 1991. 382 с.

ATU – The types of international folktales. A classification and bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004.

Montanus 1560 – *Montanus M.* Das ander Teil der Garten-gesellschaft. XXX.

СОДЕРЖАНИЕ

О настоящем сборнике 3

Докучные сказки 32
1. Надо сказку про гуся? 32
2. Жил-был... 32
3. Жили-были старик со старухой... 32
4. Надо вам сказку... 32
5. Надо ли сказку... 33
6. Чок-чок, зубы на крючок 33
7. Я сидела на окошке 33

Сказки о животных 34
8. Звери в яме (Про свинью) 34
9. Кот, баран, петух и лиса 36
10. Сказка про лису (Лиса и тетерев) 38
11. Медведь, липовая нога 39
11.1. Медведь, липовая нога 40
12. Сказка про старика и старушку 41
13. Старуха с лаптем 42
14. Коза-дереза 45
15. Лиса и дрозд 46

Волшебные сказки 48
16. Про Кощея 48
17. Про Лешего 55
18. Жил-был старик со старухой (Мальчик-с-пальчик) 56
19. Лутонюшка 59
20. Ореховая веточка 61
21. У них было семеро мальчишек 62
22. Про Бурёнушку 64
23. Про Сивку-Бурку 66
24. Как ветер муку унёс 69
25. Про горшок 71
26. Про Иванушку 73
26.1. Про Иванушку 76
27. Шёл солдат со службы (Солдат рассказывает сказки) 81
28. Про охотника 82
28.1. Про охотника 84

28.2. Про охотника ... 86
29. Про Снегурочку ... 88
30. Про жёрново ... 89

Новеллистические сказки и анекдоты ... 92
31. Беззаботный поп ... 92
32. Про солдата (Солдат и черти) ... 94
33. Солдат и шаньги ... 95
34. Кобыльи яйца ... 96
35. Про зеркало ... 97
36. Про золотую голову (Золото с конскую голову) ... 99
37. Про Игнашку-вора ... 101
38. Про Ивана-дурака ... 103
39. <Обещала курочку> ... 105
40. Про горох ... 106
41. Про курочку Рябу ... 107
41.1. Про курочку Рябу ... 110
42. Про Бисдунка ... 112
43. Насколько это достоверно ... 113

Авторские сказки ... 116
44. Сказка про Барашку ... 116
45. Сказка о белом баране ... 118
46. Иван – Настин сын ... 120
47. Сказка про сироту-Ивашку ... 122
48. Проклятье ... 126
49. Сказка о Маше-рукодельнице ... 128
50. Сказка о пасеке ... 132

Комментарии ... 136

Письма Евдокии Никитичны Трясциной ... 166

Словарь устаревших и диалектных слов ... 178

Список литературы ... 186

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ. ПЕРМСКИЙ КРАЙ

СКАЗКИ ЕВДОКИИ НИКИТИЧНЫ ТРЯСЦИНОЙ

(ПОД ОБЩ. РЕД. А. В. ЧЕРНЫХ)

Координатор проекта – *Г. Ю. Цыганкова*
Редактор – *А. А. Арустамова*
Дизайн и верстка – *С. А. Зеленина*
Корректор – *И. И. Плотникова*

Авторский коллектив:

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Варвара Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
зав. сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова МК РФ
(составление корпуса текстов, вступительная статья, комментарии)

МЕХНЕЦОВА Галина Николаевна,
этномузыколог (нотные расшифровки и комментарии к музыкальным примерам)

РУСИНОВА Ирина Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного национального исследовательского университета
(расшифровка записей, составление словаря диалектных и малоупотребительных слов)

СИВКОВ Олег Сергеевич,
сотрудник Пермского краевого дома народного творчества (обработка аудио- и видеозаписей)

СУХАНОВА Марина Евгеньевна,
сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (расшифровка записей, составление корпуса текстов, техническая работа с комментариями)

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН
(руководитель проекта, ответственный редактор)

С42 Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русинова, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 192 с.

ISBN 978-5-91076-213-2
УДК 398.21
ББК 82.3(2=411.2)-6

Сборник включает сказки, записанные в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермского края от одного исполнителя – Евдокии Никитичны Трясциной. В издании представлены все тексты из репертуара сказочницы, а также несколько ее авторских текстов. Сборник снабжен предисловием и комментариями к текстам сказок, а также аудио- и видеоприложением, содержащим экспедиционные записи.
Издание предназначено для специалистов по фольклору, этнографии, культурной антропологии, а также для всех, кто интересуется фольклором, языком, историей, народной культурой Пермского края.

Исследование и издание осуществлено за счет средств гранта РФФИ (научный проект № 20-012-00416 «Фольклорный архив: принципы хранения, систематизации и публикации экспедиционных материалов»).
Рекомендовано к печати Ученым советом Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

Подписано в печать 10.10.2020. Формат 220х220 мм
Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ООО «ПК "АСТЕР"».
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, тел. (342) 206-06-86

© ООО «Маматов», оформление, 2020